

"Врата Валгаллы"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Наталья ИПАТОВА, Сергей ИЛЬИН

ВРАТА ВАЛГАЛЛЫ

Соавторы благодарят:

замечательного читателя Анну Ходош и барраярских форов, в немалом числе принимавших участие в построении военного общества Зиглинды;

Тиге, Сойку, Йокерита и Евгения Гурского за неизменно доброжелательную заинтересованность в процессе; супругу и супруга соответственно, за мужество и терпение;

Александра Воробьева «Брюса», за то, что немного постоял у истоков;

в особенности же

Сергея Легезу, нырявшего в текст глубже и регулярнее всех и поднимавшего со дна вторые и третьи смыслы, ассоциации и коннотации, о которых мы, находясь в здравом уме, даже не подозревали;

и Тикки Шелъен за песни Башни Рован.

Мы с тобой – две стреляющие звезды, Люк.

Никто нас не остановит...

Дж. Лукас

Дж. Лукас

Слава тем, кто способен летать без намека на гибель,

благо им проноситься по синему гладкому небу.

А на наших плечах ангел черной остроугою выбил

полосу оправдания полету в волнистую небыль.

Башня Рован

Часть 1. Турандот

С ума сойти, сколько звезд разом! Сколько их слетелось тут на погоны, верно, и в небе загорается не всякую ночь. Столько отцов, дядьев и старших братьев явились сегодня тешить родительскую и иную родственную гордость.

Девушка стояла в тени арки, а вокруг плескался, вскипал, бурлил выпускной императорский бал. Будто море, бросался к ее ногам и норовил утянуть на глубину. И какая-то часть ее сознания, несомненно, стремилась туда. Так бывает всегда, когда кажется, будто вся жизнь сосредоточена в другом месте, а ты только стоишь, беспомощная, среди скал, как в видеодраме.

Рассудок подсказывал «среди скал» и остаться. Тут, по крайности, хоть твердая почва под ногами, а там – бездонные глубины и коварные мели, и бури, что могут вознести, но скорее – измочалят и бросят. Как благоразумный человек, Натали отнюдь не спешила в воду.

Но даже тяга войти по колено казалась опасной. Пытаясь справиться с ней, девушка и притормозила тут, внешне невозмутимая, как всегда, когда ей бывало страшно. А страшно было всю дорогу. Даже когда она всего лишь выбирала в прокате это платье, переливчато-стальное – для профессионального торжества военного космолота самое, что называется, оно! – и когда выпрашивала у Никс ее босоножки на сумасшедшей шпильке... Никс нипочем бы не одолжила, если бы знала – куда. Но до сих пор все казалось неважным. Или же это рассудок протестовал против перемен. Против *таких* перемен, ибо жизнь отучила от веры в скорое и дармовое счастье. Внутри у Натали был такой кусок льда, что руки до плеч покрылись мурашками.

Можно было приехать вместе со всеми, с щебечущей стайкой других стюардесс, аэробусом от самого общежития, смешавшись с ними подобно веселому, легковесному пузырьку в шампанском. Позволить себе парить на тех же белых крыльях – ах! – единственного Шанса обворожить юного эсина или, если повезет, даже лейтенанта, что намного серьезней, поскольку эти, в принципе, морально созрели для брака. Не единственного, если рассуждать здраво. Украшать собою выпускной бал Академии стюардесс Компании приглашали из года в год, и каждая надеялась подцепить тут принца. Аристократа, на худой конец, поскольку с принцами наблюдался явный напруг: молодой Император не мог жениться на всех сразу. К слову, он и вовсе жениться пока и не собирался. Нет, Натали зачем-то потратилась на такси. Подругам-сослуживицам не нужно знать, что она тоже тут. Не сейчас, когда она даже не в состоянии правдоподобно наврать.

«Я могу истолковать прикосновение вашей руки, как диктует мне сердце?»

«О, да, лейтенант, но только если вы имеете в виду именно этот орган».

Смех. Они засмеялись оба.

Сбоку от нее высилась панель Славы с лазерной гравировкой по стали. Сотни имен героически павших. Вероятно, на всей Зиглинде не было более исторического места. Этих ежегодных балов Натали перевидала десятков по головидео и увидит еще больше. Вживую она была тут впервые. Стоять ожидая, у стены, как на витрине, в ряду других таких же, ожидая внимания: она не умела делать это весело. А от стюардессы что надо? Как раз чтобы весело и было. Ярмарка благородных невест проводится в другом месте. Юнцы сновали мимо: группами и по одному, с новенькими кортиками, с необмятыми погонами, выбритые в шелк, в тугих накрахмаленных воротничках и галстуках, которые они сорвут и спрячут по карманам не раньше, чем отъедут по домам их исполненные гордости родители. Судя по значительности взглядов, запоминали избранное ею место. Отмечали, что она стоит там одна. Оставляли на попозже, когда Император, в таком же новеньком кителе на плечах, такой же молодой и гордый, пригубит шампанское, чем избавит их от тягостной обязанности утолять жажду минеральной водой. Возможно, не стоило морочить себе голову, а разыграть общий, стандартный для стюардессы сценарий. Взять тепленьким первого попавшегося юного офицера, и радоваться – повезло. Даже это было больше цены, которую Натали следовало за себя просить.

Это как земля под ногами. Надобно знать свое место, потому что все равно ведь рано или поздно укажут.

Другое дело – она пришла сюда не торговать и не сдаваться внаем.

Попытка приподняться на цыпочки и глянуть поверх всех этих голов была совершенно нелепой, поскольку пальцы ног и так едва касались земли. Натали прекратила эти потуги с улыбкой, какую сама она назвала бы нервной, а другие – те, кто ее не знал, а только мимо проходил – посчитали за беглую.

Никто не знал ее достаточно хорошо. Считалось, она холодна, как рыба.

Потом она их увидела.

Красивая пара: полковник ВКС средних лет и моложавая дама в неброских жемчугах. Уверенность и благожелательное спокойствие «тех самых» Эстергази. То, как стояла эта женщина... в самом центре Империи, если смотреть отвлеченно... именно это, напомнила себе Натали, называется у них аристократизмом. Это не просто дорогого стоит. Это – не продается. Да Эстергази, в общем, и есть центр Империи.

Пожилой джентльмен в парадном френче с регалиями расположился у колонны рядом с блистательной парой. Привилегии возраста и заслуг позволяли ему уже приступить к шампанскому, и лакей в белом смокинге стоял подле него недаром. Судя по репликам, которыми старик обменивался с офицером и дамой, да и по выражению лиц пары, он им не просто знакомец. Семья. Отец *его* или *ее*. Да, Эстергази – это семья. А семья – это стена.

Взгляд Рубена полоснул зал крест-накрест, но, ясное дело, заметить ее непросто. Слишком много народу сновало меж ними. А вот Натали, напротив, видела его хорошо. Такого роста в этом зале были только императорские телохранители. Рубену повезло, лет пять назад этим метру девяносто едва ли было комфортно в кабине истребителя. Впрочем, иронично поправила себя Натали, кабы один из Эстергази оказался слишком велик для истребителя, на вооружение поставили бы новую, усовершенствованную модель. Не может быть, чтобы Эстергази не дали летать, даже если он к этому делу не годен. Л Рубен – годен, видит Бог. В этой семейке щенка, если он не жрамши, не спамши и будучи пьян, не прокрутит «мертвых петель» штук...дцать, просто утопят – так говорили флотские сплетни. Курсанты, возбужденные и радостные – все хороши. Форма украшает. А Рубен Эстергази украшает саму форму. Поистине: здорового дерева – здоровый побег.

Улыбнись. Мне больше ничего не нужно.

Но Рубен не улыбался, озираясь по сторонам. Мать тронула его за запястье и что-то сказала. Наблюдать за ними со стороны оказалось забавно, но несколько мучительно. Глаза... и улыбка. Почему это называется – Эстергази?

Спокойно, подруга. Ты должна твердо усвоить, что не можешь позволить себе *это*. А если не прислушаешься к голосу разума, потеряешь намного больше. Все, что наскребла ценой таких самоограничений и трудов. Речь, само собой, не о босоножках и платье. Более всего Натали опасалась утратить чувство цели и ясность взгляда. Любовь нам ни к чему. Эстергази не женятся на стюардессах внутренних рейсов. И вообще... Рассуждая логически, если ободрать с великолепного Рубена упаковку – лоск, внешность, происхождение, деньги – там останется самая обычная волосатая задница. Не надо было вовсе сюда приходить.

Толпа выпускников в ее салоне, назойливых, как щенки, и таких галантных, что сердиться на них было просто невозможно. Готовых даже кофе за нее развезти, лишь бы подольше удержать в своей компании стюардессу, красавицу, женщину! Отделяясь набором банальных шуток, Натали перехватила и вернула взгляд офицеру, чья улыбка буквально приподняла ее над

палубой. Серый пластиковый квадратик с золотым обрезом и магнитной полосой возник в ее руке... сам собой? Дата, время... императорский выпускной бал?!

Объявили посадку, се лейтенант потянулся за кителем и фуражкой. Натали скользнула глазами по фамилии, отстроченной на нагрудном кармане. Уже тогда она решила, что не пойдет.

Ну, сероглазый, улыбнись, и я тихо исчезну.

Сморгнув, Натали обнаружила, что сероглазый смотрит прямо на нее. Ах да. Ты обучен командовать эскадрилей. Тактик, и где-то даже стратег. Никто не обсуждает твои приказы, когда для них приходит время. Ты едва ли представляешь, что можно оспорить твою выжидающе приподнятую бровь. Момент для безнаказанного побега упущен, если только Натали не хочет потерять лицо. А этого допустить нельзя.

Собственные ноги показались ей деревянными. Однако ей удалось выработать в себе в высшей степени полезное свойство, когда тебя остерегаются задевать даже в густой толпе. Сейчас это было то, что доктор прописал. Натали прошла сквозь праздничную толчею по прямой, как нож сквозь масло. Возможно, на нее глазели. Возможно – уступали дорогу. Если она не хлопнется в обморок под благожелательно выжидающим взглядом этой дамы, может быть уверена – выстоит, коли понадобится, и под вражеским огнем.

– Это Натали, – Рубен ненавязчиво завладел ее локтем.

Родители. Мы не договаривались насчет родителей! Мы вообще... не договаривались. Ну, почти.

– Ах, вот кого он выцеливал, – ладонь матери оказалась сухой и крепкой, а рукопожатие – отработанным. – У вас обоих хороший вкус. Я имею в виду избранное вами платье, разумеется, а не моего сына, разгильдяя и охламона...

– Моя матушка Адретт.

– ...охламона, как выяснилось, с прекрасным вкусом, – добавил отец, в свою очередь стискивая протянутую Натали руку. – Харальд Эстергази.

Мимолетный взгляд, каким они обменялись с сыном, был теплым, одобрительным и очень товарищеским.

– И дед Олаф, которого они зовут с собой, когда хотят произвести впечатление, – старик не глядя отставил бокал, и, заложив руку за спину, картинно приложился губами к ручке. И глазом не моргнул, когда за спиной его стеклянно тренькнуло.

Она бы умерла на месте, привелась ей разбить что-нибудь на императорском балу, а вот из Эстергази ни один и бровью не повел. Все четверо – и Натали поневоле вместе с ними – только сделали шаг в сторону, чтобы дать место лакею с дроидом-уборщиком на тележке. Агрегат живо всосал в вакуумное нутро осколки и капли разлитой жидкости. Уборщик мог двигаться и сам, офисная его модификация была полностью автономна, но наличие при нем человека придавало процедуре антикварный шик. Сейчас Эстергази представлялись ей не менее сказочными, чем, скажем, альфы.

– Когда мы выбирали флайер, – доверительно сказала Адретт, не понижая голоса, чтобы семья слышала, – нашему прохвосту было шесть, и мы, не подумав, взяли его с собой. Старый мы... –

она выразительно покосилась в сторону невозмутимого супруга, – совсем разбили. И пока мы наперебой объясняли менеджеру, как именно представляем себе новое семейное транспортное средство, малец заявил: «Эта!», забрался в кабину «Саламандры», и никакие уговоры и пряники не помогли нам извлечь его оттуда, покуда машина не стала наглей. А это было немного сверх того, что мы тогда могли себе позволить.

– Да уж, – произнес в воздух Харальд. Глаза его смеялись.

– Эта байка к тому, – поднял палец дед, – что Эстергази с молодых ногтей всегда выбирают самое лучшее!

– В том случае это оказалось еще и самое дорогое, – шутливо вздохнула леди Адретт, будто цена до сих пор повергала ее в ужас.

Не поняла... ты им ничего не сказал? За что ты пытаешься меня выдать?

Рубен сделал вид, будто не понял.

Дорогое. Что ж, у меня есть шанс вас разочаровать. Натали прекрасно представляла, какова их пища для первых впечатлений. Высокая худощавая штучка, тонкая в кости, то, что в модных журналах зовется словечком «стильная». Короткая стрижка на черных волосах выгодно акцентирует точеные линии челюстей и скул, большие глаза и крупный рот. Кому здесь в голову придет, что ее элегантная аристократическая бледность на самом деле всего лишь дешевая бледность фабричного квартала? Помни, это враги улыбаются тебе. Все, кроме Рубена... который один знает, где он ее подцепил, молча себе ухмыляется и едва ли забивает голову чем-то лишним. Сегодня же. Пропади оно пропадом. Ей нужна ступенька вверх, но эта – обледенела.

Некоторое время все было довольно просто: стой себе, окруженная Эстергази, как каменной стеной, улыбайся и кивай, да исподволь учись у Адретт делать выражение лица. Это только кажется, что на него натянута неизменная благожелательная маска. Совсем скоро выяснилось, что для каждого, кто подходил засвидетельствовать почтение, у нее находится свое выражение глаз. Приветливое, вежливое или пренебрежительное, истолковываемое безошибочно и характеризующее совершенно точно: этих рады видеть в любое время, с этими – отыграют по всем правилам императорского приема, с этими – не сядут за один стол. Обязательная дипломатия высокопоставленной дамы, для которой мужчины семьи служат непрямым и несомненно выигрышным фоном. Мужчины Эстергази это умели. Во всяком случае, было видно, что всем троим вполне комфортно, когда Адретт говорит вместо них. Дело светское. Для дел служебных – иное время.

Но это выражение Адретт прежде не использовала. Спина ее стала еще прямее – минуту назад Натали поклялась бы, что это невозможно! – плечи офицеров точно таким же манером развернулись и одеревенели. Рубен из всех своих выглядел сейчас наиболее живым, но и его глаза стали чуть более напряжены и внимательны. Она и сама превратилась в соляную статую, когда смекнула, откуда ей знакомы черты невысокого юноши, на которого сделала равнение вся их сиятельная компания.

Волосы – коротко стриженный пепельный ежик, форменный китель наброшен на плечи, глаза чуть помутневшие, но шаг твердый. Она заметила, Рубен как будто спросил подходящего глазами: «Официоз-то кончился?» Свежеиспеченный лейтенант, как и сам Эстергази, но обращаться к нему будут иначе.

Движением ладони остановив Харальдово «Примите поздравления, Ваше Вели...» и чуть задрив

голову, юноша спросил:

- Почему у Эстергази всегда все самое лучшее? Пилоты... девушки...

Взгляд его определенно задержался на Натали. И тем неоформленным чувством, что заставляет лучших из женщин понимать и жалеть мужчин, а мужчин – искать в их любви отголосок материнской, и с которым, к слову сказать, во всей полноте Адретт была явно знакома, Натали угадала в нем муку совершенно одинокого существа. Все нити стянулись к нему, к функции, но что в том было для молодого человека? Что ему оставили, кроме как тянуться на цыпочках: как-то оно там, на воле? И против которого – одного! – стояла шеренга рослых, крепких, красивых, полных жизни Эстергази, воплощения всего, чем самому ему быть не позволено. И даже летавших лучше. Синий значок на лацкане Рубена недвусмысленно сообщал, кто тут лучший пилот выпуска. Император, сообразила Натали, прицепился бы к любой девушке, лишь бы та стояла рядом с Рубеном Эстергази. Ее собственное лицо он завтра даже не вспомнит. Неужели она, обдирая ногти, вскарабкалась на эту ступеньку, чтобы увидеть перед собой еще одну, высокую – до неба, тоже ледяную – и с кольями, вбитыми у подножия?

- Пилоты Эстергази – ваши, сир, – мягко улыбнулась Адретт, как будто не впервые приходилось ей стелить вокруг них гимнастические маты. – И даже мои – только во вторую очередь.

Во всяком случае, оно сработало. Все острое, что торчало из Императора, сгладилось, шипы, обращенные наружу, втянулись, взгляд прояснился.

- Для вас – Кирилл, леди Адретт. Всегда. Помните об этом.

- Трудный выдался денек? – спросила та, кладя руку на сгиб императорского локтя и чуть разворачивая того в сторону – для разговора. – Мальчикам не терпится танцевать, и они испытывают сильную жажду...

- Да если бы только это! – Император вымученно улыбнулся. – Я бы напился со всем выпуском вместе, и ни о чем не думал, и был бы счастлив похмелью.

Это ты мало знаешь о похмелье, подумала Натали из благоразумного отдаления, но, разумеется, сдержалась.

- ...дипломатический инцидент в двадцать седьмом секторе... чужой корабль в нашей части космоса... – обрывки, звучавшие тревожно, касались настороженного слуха. -...осознанной провокации... даже связной формулировки причин... переводят стрелки, как обычно... страшно подумать, если это действительно Чужие... предстоит объясняться, а я ищу виноватых... снова врать в камеру с искренним выражением лица...

Лицо Адретт оставалось спокойным и мягким.

- В любом случае, всему этому найдется время завтра.

- Хм... – Император ухмыльнулся, оглядываясь. – Иной раз от женщин Эстергази проку не меньше. Возможно, их стоит привлекать на государственную службу, хотя бы ради удовольствия слышать это замечательное «мы – ваши, сир».

- Перехочешь, – хмыкнул Рубен. – Крылья – ваши, невесты – наши. Такие были правила, когда мы садились играть.

- Знаете, леди, - обратился Император к Натали, - какой у него самый чудовищный недостаток? Вот именно - у него их нет. За одно это его можно искренне возненавидеть.

Самое время вспомнить, что в каждой шутке есть доля шутки. Даже Кирилл это понимал, потому что, улыбнувшись уголком рта, добавил:

- А хуже всего, что этого лося и ненавидеть-то невозможно. Настолько он, понимаете, обезоруживает. Восемь лет наши койки стояли рядом. И его всегда была застлана лучше.

Харальд немедленно дал сыну шуточный подзатыльник:

- Как ты смеешь обезоруживать сюзерена?

- А что с ним делать? Не стрелять же... - оправдывался Рубен, прижав ладонью шлепнутое место. - Не завидуй моей школе муштры, Кир! Она и дома продолжается.

- Кир, - вмешалась Адретт с убежденностью, что мужчины, стоит им открыть рот, немедленно все портят, - расскажи лучше, как дела с той твоей любимой игрушкой?

Император сморщил нос. Так он выглядел даже симпатичным.

- Вы «Врата Валгаллы» имеете в виду? Ну, не то, чтобы любимая... Да и не игрушка это, поверьте.

- Нет, это ты поверь мне, мой мальчик, - вмешался Олаф, - яйцеголовые всего-навсего тянут деньги из бюджета. Как всегда.

- Вы про беспилотные истребители? - это сказал Харальд, никто из Эстергази не остался в стороне, когда тема повернула на профессиональные рельсы.

- Не такие уж они беспилотные, - возразил Кирилл. - Мы просто пока в точности не знаем, насколько они будут нуждаться в живом пилоте. Несомненным плюсом можно считать уже одно только снижение требований к профессиональным качествам того, кто сидит в кабине.

- Умненькая машинка, - пробормотала Адретт.

- Любая домохозяйка сможет управлять боевой машиной? И это означает, что Эстергази пора вступить в профсоюз и начинать откладывать на черный день?

- До паники вам еще далеко, - засмеялся Император. - Пока они демонстрируют мне мышей и обещают вскорости перейти к шимпанзе. В любом случае, едва ли мы представляем себе, как это будет на самом деле. Приходится согласиться, что из любого научного открытия человек прежде всего сделает бомбу.

- О чем они? - шепотом рискнула спросить Натали.

- «Врата Валгаллы», - ответили ей на ухо, - самая сумасшедшая черная дыра из всех, куда когда-либо уходили налоги. Экономика, видишь ли, полагает катастрофическим положение, когда пять-восемь лет учебки уничтожаются одним прямым попаданием лазера. Якобы душа, сознание, феа, словом то, что делает живым восемьдесят килограммов мышц и костей, высвобождаясь в момент гибели или смерти, как-то интерпретируется комбинацией электромагнитных полей и может быть записана на материальный носитель, при условии, что он так же самодостаточен и совершенен, как человеческое тело. Кир неосторожно вбросил

идею использовать в качестве материального носителя боевую машину. Казалось бы, что может быть совершеннее, а?

Обнаружилось, что прочие их внимательно слушают.

– Я всего лишь о страшной силе резонанса императорского слова, – вывернулся рассказчик. – Короче, буквально сам собой образовался и расцвел проект под высочайшим покровительством. Перезагрузка, так сказать, павших героев. Летающие гробы на страже мирного неба. Но, – Рубен улыбнулся наконец так, как она ждала, жар коснулся ее виска, – это не моя тема.

– Извини, Руб, но это очень заметно, – ввернул его царственный однокашник.

– К тому же, на мой взгляд, у этого проекта есть один существенный недостаток. Каким образом они рассчитывают перейти к опытам на людях? Где они сейчас найдут необходимое количество... эээ... кончающихся пилотов, владеющих, – Рубен подчеркнул это слово, – современной техникой? Едва ли среди нас найдутся добровольцы.

– И нечего на меня смотреть, – сказал дед, хотя никто и не думал. – Да, моя очередь первая. Но если вы проделаете со мной что-нибудь этакое... противоестественное... я буду по ночам кружить над вашим домом и гундеть, что все вы делаете неправильно и что мы в ваши годы...

– Не смешно, милорд адмирал, – резко оборвал его Кирилл, развернулся через левое плечо и ушел, раздраженно печатая каждый шаг.

– Ты и так гундишь, – запоздало отозвался Харальд, провожая глазами спину Императора. – А хотел бы я знать, что ему показали...

– Начали за здоровье, кончили за упокой, – проворчал Рубен. – Тут становится скучно. Не хочешь пойти покататься? Тысячу лет не видел ночных огней Рейна... Па, потанцуете тут вместо нас?

* * *

Глаза Рубена озорно блеснули в свете огней, когда в общем ряду посадочной площадки он опознал старенькую, заслуженную уже, плоскую серебристую «Вампу». Сенсорный замок беспрекословно откликнулся на прикосновение его ладони, и это обстоятельство развеселило его, как школьника.

– Мои умеют сделать праздник, – признался он, открывая дверь для Натали. – Я летал на ней в старших классах, до Академии. Пахнет домом.

Натали молча села боком, втянула в салон длинные ноги. На открытой площадке, напоминавшей ладонь, простертую к небу, было прохладно, выходя, она накинула на плечи форменный плащ. Другого у нее все равно не было. Отправляясь сюда, она и не думала, что придется изображать леди. Да и вообще, выясняется, все мероприятие продумано было из рук вон. Никуда, в общем.

Так и села, подавляя невольную дрожь. Рубен, напротив, прежде чем уместиться на водительском месте, бросил китель на полку под заднее стекло, ловко отделался от запонок с эмблемой Академии, завернул манжеты и привычным, несколько вороватым движением сунул в карман галстук. Дверная панель бесшумно закрылась, в салоне включился приглушенный свет.

- Я выпрашивал у предков скоростной одноместный флайер, - сказал Рубен, вызывая на монитор директорию с музыкальными файлами и задумчиво перебирая плейлисты. - Но, должен признать, сейчас это - то, что надо. Ха... и фонотеку не потеряли! При плановом ТО, знаешь ли, обычное дело: недоглядишь - и... Кое-какие из этих записей и в Сети не сыщешь.

Да. Наконец это стало... предсказуемым. Спинка чуть пружинит, верно - откидывается. Скорее всего - прямо здесь. Едва ли следует делать вид, будто впервой.

Тоненький посвист турбин передал салону легкую вибрацию, «Вампа» приподнялась над парковкой и лениво, чуть накренясь, перевалилась за край. Земля, похожая отсюда на чашу с высокими краями, полную мерцающих огней и поделенную на квадраты магистралями, как ручейками лавы, чуть повернулась, повинуясь движению рычагов.

Если Натали сперва опасалась оказаться в машине беспомощной жертвой красующегося лихача, да еще под звуки цинковой урны, пинаемой пьяным «быком», ее душа могла быть спокойна. Русский тенор двадцать первого века молил вернуться в Сорренто, голос его способен был наполнить высохшее русло, а Эстергази действительно поставляли на службу Империи лучших на Зиглинде пилотов. Пальцы Рубена порхали над панелью, лицо, освещенное огоньками приборной подсветки, выглядело сосредоточенным и отстраненным. Флайер скользил по спирали вниз, наматывая плоские витки вокруг башни Академии, словно увядший осенний лист.

- Я настроил автопилот, - сказал Рубен, чуть расслабляясь. - Звякнет, когда спустимся до пятисот метров. Поговорим?

Чаша, полная огня, чуть покачивалась за окнами машины. Не стекла - поляризованный пластик. На горизонте вставало сплошное зарево заводских кварталов. Натали решительно отвела от них взгляд. Можно обманывать всех некоторое время, а некоторых - все время, но с чего она взяла, будто ей удалось обмануть Адретт? Матушка устраивала любимому сыну праздник, включающий его флайер, его музыкальную коллекцию, и к чему бы ей возражать против красивой стюардессы, в которую он ткнул пальцем и сказал: «Эта». Учебка - монастырь. Вырываясь оттуда в состоянии сильного возбуждения и легкого спермотоксикоза, юные энсины глядят на женщин весьма оживленно. Лейтенантов это тоже касается.

- Как у вас, в Академии, вправду небо в клеточку?

Рубен, подстраивавший кондиционер, поглядел на нее лукаво.

- На последнем курсе грузят так, чтоб даже мысли отвлекающей не родилось. После первых пяти лет об адьюнктуре даже думать было страшно. Но... мы - ребята покрепче, нежели полагает командный состав.

- В твоей семье и леди летают?

Рубен засмеялся.

- Ни в коем случае. Матушка - наш самый драгоценный груз.

Какой приятный согревающий смех. И запах... Натали поймала себя на том, что непроизвольно тянется за этим ненавязчивым шлейфом, и полуотвернулась, позволив себе улыбку. Это запах денег, подруга.

- Я водила некоторые виды летающих корыт, - неожиданно призналась она. - Когда всеобщую

воинскую проходила.

– Вот как. Коллеги, значит?

– Ну, коллеги... Издеваешься? Я пилотировала грузовик, и у меня были чудовищные проблемы с посадочной ногой.

– Садилась на пузо?

– Ффу! Скажешь тоже. Нет, я при взлете забывала ее убрать.

Снова смех, к которому она с удовольствием присоединилась. Ну почему ей так легко с Эстергази?

– Осторожненько, медленно, следуя отведенной магистралью нижнего уровня, вцепившись в ручку, как обезьяна, и вытаращив глаза от напряжения и страха кого-нибудь задеть. Бегемот на цыпочках...

– Нуу... – протянул Рубен. – Водить грузовик на самом деле не шутка! Габариты, масса, инерция. Это тебе не флайер-игрушечка... на котором можно вот как... и вот так... – легкая машинка, повинаясь незаметному нажатию на джойстик, ухнула правым бортом вниз, потом левым, так изящно и быстро, что Натали еще только набирала воздух для визга, когда «Вампа» уже выровнялась, практически на месте выполнив разворот на три вальсовых такта, и снова вспыхнул индикатор автопилота.

– Ты в самом деле таков, каким выглядишь?

– Я? Ну, я простой парень, делаю то, что люблю в жизни больше всего, и от того счастлив, как камень, нагретый солнцем.

– Это? – Натали подбородком указала на пульт, где спокойно, и в то же время в полной готовности, лежали крупные, красивые, безукоризненно точные руки.

– А вот о тебе того же самого не скажешь, – заметил Рубен, умолкнув, когда хор из динамиков выдохнул приглушенное «Ncssun Dorma»... Оно раскатилось, как камнепад, а после те же слова повторил одинокий мужской голос, уверенный, глубокий и страстный. Музыка вспухла, как взрыв в вакууме, и столь же нестерпимо сияющая, испугав Натали, поскольку неожиданно оказалась слишком велика для крохотной кабины. Восхитительная непреодолимая тяжесть навалилась на уши. Девушка раскрыла для вопроса рот, но не осмелилась шагнуть в поток, которым пилот, кажется, унесен был весь. Сама она на словах: «О принчипесса!» вовсе забыла дышать.

И – молчание, будто кто-то недрогнувшей рукой стер следующую запись, чтобы в полной мере насладиться послевкусием этой. Можно даже догадаться – кто.

– Это «Турандот». Смотрю и вижу женщину, ожидающую разгадки. И боящуюся ее. Разгадаю – будет мне хорошо. Нет... – Рубен пожал плечами. – Сам, значит, виноват. Твоя манера ходить, говорить, поворачивать голову... вкупе с очень небрежно намазанной легендой. Красивая, молчаливая, интригующая... Ты мало говоришь, и я не привык вести разговор, хотя, кажется, должен бы унаследовать эти гены от мамочки. Обычно я не говорю так много. Итак, двое молчалльников в одной кабине. Я должен делать выводы из одного ярлыка «стюардесса»?

– Следовало ожидать, – вздохнула она. – Летали, знаем. В понятие «хорошая стюардесса»

Компания включает исполнительность, образованность, воспитанность... Гувернантка для грудных младенцев, сиделка для глухих стариков, пускающих слюни и скорая психологическая помощь для уродов, полагающих, будто в стоимость их билета входят сексуальные услуги. После того, как успокоишь первых, устроишь вторых и отобьешься от третьих, разносишь кофе. Расхожие анекдоты о стюардессах предполагают, что после кофе, но перед обедом твоим особым вниманием пользуются командир, второй пилот и бортинженер. Это твой экипаж, ты с ними летаешь. Ты в некотором роде их собственность. Ты не можешь попросить заменить пилота. Пилот тебя заменит запросто, твое досье это не украсит и непосредственно повлияет на премию. А плохая стюардесса Компании не нужна.

- Хорошенькая сказочка, жаль - страшная.

- Что в ней не так?

- Все. Хороший командир знает, что пока он держит штурвал, его стюардесса держит в руках салон. Всех дурных мамаш, визгливых стариков и всех уродов, которые лучше тебя знают, как им долететь до места назначения, и теоретически могли бы посадить лайнер мягче, чем пилот с восемью годами Академии и двадцатью - летного опыта. А то и с ножом, с лучевиком или бомбой. Всех, кто ломится решать свои проблемы прямо в кабину, первой встретит стюардесса. А плохой пилот Компании не нужен.

В ответ Натали промолчала, глядя в темное стекло. Глупо препираться с идеалистом.

- Бывало, да? - услышала слева.

- Ты на гражданские линии не собираешься? А то взял бы меня к себе. Я в грязь лицом не ударю, честное слово.

Рубен засмеялся.

- Если ближний космос будут сторожить Летучие Голландцы, может, Эстергази вправду придется искать работу по найму. Представляю.

- Нет. Не представляешь.

- Ладно, не представляю, - покладисто согласился он.

- Мое досье есть в Компании. Оно, разумеется, закрыто для праздного интереса, но ведь не для тех, кому правила не писаны?

- Ты не поняла. Меня вполне устраивает все, что я перед собой вижу. В остальном я согласен положиться на твое слово. Каковое слово готов сейчас услышать. Итак?

Зуммер автопилота спас Натали. Полкилометра.

Кивнув не то автопилоту, не то своим мыслям, Рубен вернулся к приборам. Не глядя коснулся кнопки автопилота. Уверенные, точные, скупые движения. Натали даже слегка развернулась в кресле, наблюдая. «Вампа» вошла в вертикальную магистраль, золотую от света прожекторов, и в несколько секунд прогуливающаяся пара оказалась в скоростном потоке на самом верхнем уровне. Ускорение вжало Натали в спинку сиденья. Машин тут было намного меньше - лишь те, что по техническим характеристикам могли позволить себе эту трассу. «Вампа» скользила меж ними, обгоняя конкурентов без малейшего признака показного лихачества, но тем не менее с легкостью оставляя позади каждого, кто осмеливался дразнить ее задними

габаритными огнями.

Зиглинда, кислородная планета с недрами, под завязку набитыми ценнейшими полезными ископаемыми, в том числе редкоземельными металлами, вращалась вокруг звезды, перерождавшейся в красный карлик, и была в своем секторе самой богатой. Освоенная и заселенная за считанные столетия, проросшая технологиями, как корни, практически вся она представляла собой огромную фабрику, где был целиком сосредоточен производственный цикл: от добычи руды до изготовления лучшего в Галактике вооружения для собственных нужд и на продажу. Компактный, самодостаточный, жестко управляемый мир, который мог позволить себе любые технологии из тех, что можно купить за деньги. Территориальная экспансия Зиглинды была ограниченной и затормозилась в пределах собственной системы. Оружие же и транспорт ее славились во всех обитаемых мирах. Полуторакилометровые башни городов в красноватом свете карлика, сотни гектаров почти безлюдных заводских площадей, система тоннелей и шахт, пронизывающих кору. Внутриэкономическая же стратегия была такова, что рядовой гражданин не мог позволить себе не работать.

Доходы под контролем военно-аристократической верхушки распределялись в основном на развитие производства и науку, что позволяло поддерживать темпы опережения конкурентов и содержать профессиональную армию. Благодаря чему маленькой, но гордой Империи удавалось высоко держать голову и умело сохранять независимость в сфере пересекающихся интересов двух таких монстров, как Земли Обетованные и Конфедерация Новой Надежды, в каждую из которых входило более полутора сотен систем. На Зиглинде практически не было животного мира, разве что в заповедниках курортных зон. Да и там это были импортированные земные виды: их генетические образцы Империя приобрела, когда пустила тут корни. Местная фауна не сумела адаптироваться к изменениям в биосфере, последовавшим благодаря внедрению интенсивных технологий.

И вся Зиглинда заключена в многоэтажную сетку магистралей. Владелец комфортабельного флайера может совершить и кругосветное турне, для отдыха останавливаясь в мотелях. Правда, удовольствие это дорогое.

Внизу полыхали багровым плавлени-автоматы. Безлюдная зона, куда техники спускались обычно в скафандрах высокой защиты. Вертикальных магистралей здесь не было вовсе, но вот по вечерам это место явно пользовалось популярностью среди прогуливающих зевак. Так же, вероятно, щекотала бы нервы экскурсия к жерлу вулкана. Во всяком случае, флайеров в этот час тут крутилось достаточно. Больше двухместных, с затемненными стеклами, пристанищ романтически настроенных парочек, но попадались и дешевые четырех-пятиместные, и за то время, пока Рубен и Натали наслаждались пляской огня и синими молниями разрядов между двумя конденсаторными башнями, своей дорогой проследовали несколько многопалубных экскурсионных катеров. Огненные стены заставляли Натали чувствовать себя саламандрой. К тому же Рубен, хитрец, незаметно наколдовал что-то с проигрывателем, нарастающие удары молота задавали ей теперь ритм сердечных ударов, и в какой-то момент это стало нестерпимым. Файл назывался – она подсмотрела – «Болеро».

Никогда еще ее не соблазняли посредством музыки. Никогда еще ее глубинное "я" не давало столь полного согласия быть соблазненной. В первый раз она занималась сексом от любопытства, потом – от скуки, из чувства, что «других не хуже». Иной раз просто некуда было деваться. Ничего. Пережила. В принципе, всегда оставались какие-то запертые двери и тайные комнаты, куда был запрещен доступ незваному гостю. Там отсиживались ирония, снисходительность, иногда – цинизм. Все, что оставляло нетронутой ее внутреннюю цельность и возможность прекратить эмоциональную связь, когда ей того захочется. В первый раз она готова была предоставить мужчине, полулежащему в кресле рядом, столько власти. И сейчас в

первый раз страх потерять независимость покинул ее. Почти. Сейчас ее внутренняя свобода казалась не слишком большой ценой за его тепло... а прикрытые глаза и расстегнутая пуговица на вороте так недвусмысленно все это ей обещали. Рычаги отпущены, «Вампа» неподвижно зависла над морем огня. Разве, садясь с ним в один флайер, Натали предполагала, что все кончится иначе?

Сильнейший толчок швырнул плоскую «Вампу» через крыло набок и пустил кувырком, мир опрокинулся, Натали, неловко выбросив руки вперед, перелетела салон – хотя, казалось бы, куда там лететь! – и пребольно ушибла локоть. В первое мгновение трудно было сказать, хрустнуло что-нибудь или обошлось, и, будучи опытной стюардессой, она успела сообразить, что выяснить это прямо сейчас не столь важно, как разобраться, куда и с какой скоростью валится флайер.

Красный свет сменился вспышкой синего, кабина наполнилась запахом озона, по корпусу, как град, пробежались сухие щелчки, «Вампа» дернулась так резко, что Натали снова приподняло и отпустило.

– Леди, машину я выровнял и от вольтовой дуги увернулся буквально чудом, – от суховатого смешка в голосе Рубена к ней начало возвращаться ощущение собственного тела. – Едва ли мне в будущем удастся отдать концы так быстро и с такой приятностью, но если вы сообразите вернуться в свое кресло, я даже смогу оглядеться.

Так – в правой руке скомкан ворот его рубашки, разжимаем правую руку. Медленно. Быстрее не получается. Правой рукой теперь можно оттолкнуться. От чего мы отталкиваемся? От груди? Что мешает? Ах, вот незадача, левая рука все еще держится за его шею. Хорошая шея, крепкая, век бы ее не отпускать. И лицо... как оторвать щеку от щеки, когда они так пылают? Стыдно, жуть! Да еще и ползти назад приходится ощупью, путаясь в подоле и преодолевая вектора всех действующих сил, включая, кажется, даже кориолисову.

«Вампа» дрогнула и прыгнула вперед. Рубен выстрелил дальним светом, прорезав для флайера коридор в кромешной ночи. Стены тьмы встали вокруг, и путь им был теперь только по яркому лучу.

– Пристегнись сию секунду!

Трясущимися руками нашаривая ремень безопасности, Натали беззвучно бранила себя. В те прошлые разы, когда она сживала во флайерах на пассажирском месте, кавалеров страшно обижали ее поползновения воспользоваться пристяжным ремнем – ее сомнение в их пилотском мастерстве приравнялось чуть ли не к оскорблению мужской силы... хотя едва ли кто из них обладал и сотой долей мастерства Эстергази.

– Там, на подголовнике – ремень для фиксации головы, – Рубен командовал, уже не глядя в ее сторону. – Надень его тоже, чтобы не повредить позвонки шеи. Будем дергаться.

Натали послушно натянула на лоб широкий ремень, прижавший ее затылок к пружинящему подголовнику. Сам Рубен им не воспользовался, хищно наклонясь к панели. Сильная шея, и не такие видывала перегрузки.

«Вампа» рыскала меж башнями, описывая «восьмерки», задирая нос, пикируя к земле, кренясь то в одну сторону, то в другую и неожиданно тормозя, и возвращаясь собственным следом, и лихо становясь на крыло, когда коридор становился для нее слишком узок. Что же, она думала, до того они летели быстро? Желудок Натали свободно бултыхался внутри, она старалась дышать глубоко, чтобы подавить позывы к рвоте и, вероятнее всего, не могла бы сейчас

похвастать цветом лица. В свете приборов и фар было видно, что над бровями Рубена выступила влага, но его глаза сверкали ярко, а обе руки, независимо друг от друга, трудились, заставляя «Вампу» танцевать! Натали чувствовала себя в их вальсе явно лишней. Но – да – завораживало.

– Что ты делаешь?

– Ищу их. И, кстати, полицию. Следует загнать дичь для копов.

– Мы над фабричными кварталами, Рубен. – Натали помедлила, потом выговорила четко: – Это в аристократическом центре полиция приезжает через минуту. Здесь они, чаще всего, успевают только запаять пластиковые мешки.

– Что ж, тогда мы не только загоним ее, но и подстрелим... и даже вытащим из болота. Ага, вижу цель!

Впереди, на скорости, явно превышающей максимально допустимую для этой модели, вихлялся флайер-четырёхместка. Пристроившись за ним следом, Рубен с каверзным выражением лица щелкнул неприметной кнопкой, притаившейся под динамиком, включая – как с запозданием сообразила Натали – полицейскую волну, инициирующую между двумя машинами двустороннюю связь. Однако – сюрприз.

– Водитель D-14, все ли с вами в порядке? Вам нужна медицинская помощь? Ответьте.

Флайер впереди продолжал скакать, словно рука, державшая джойстик, была недостаточно тверда.

– Водитель, вы не трезвы? Ответьте, в противном случае я посажу вас силой. Вы представляете общественную опасность.

Шебуршание и хихиканье стали ему ответом, словно на другой стороне кто-то толкался и дышал в микрофон.

– Я, я отвечу. Ну дай, я скажу! Что, «кошелек», зацепило так, что эрекцию потерял?

Рубен перемигнул дальним светом, и флайер впереди мотнуло так, что мама не горюй.

– Слепишь, гад! – взвизгнул динамик. – Сваливай лучше сам, да свой летающий блинчик не забудь проветрить!

– Кто говорит на служебной волне?! – вклинился в их диалог посторонний голос. – Покиньте немедленно полицейский канал!

– Спокойно, офицер, – бросил Рубен. – Я везу вам подарок. Увидимся – познакомимся.

– Слышь, это... влипли! Щас копы подвалят... – Это разговор там, внутри D-14.

– Неее... Он, типа, крутой!

– Они под кайфом, – вполголоса заметила Натали. – «Быки». С девчонками.

– Я слышу. D-14, вы немедленно сядете в ближайшем полицейском участке. Я провожу.

Связь взорвалась остервенелой щенячьей бранью, в том смысле, в основном, чтобы дать Рубену

попробовать, но только потом он будет сам виноват. Лучший пилот выпуска молча ухмылялся. Получен формальный повод. Аристократ охотится. Еще одно истинно мужское удовольствие. Даже лучше секса.

- Ну «фабрика», считайте: нарвались.

Внезапно чувства Натали стали смешанными. Между прочим, еще лет пять назад с вероятностью в девяносто девять процентов она сидела бы не в этом флайере, а в том, где вопросом удали и делом чести считалось порвать бок «кошельку», а пуще того – поломать ему романтический вечер. В тесноте, из рук в руки передавая початые банки с пивом, обливаясь им и давясь. А вот на хрен бы такую ностальгию!

- Не связывайся, – эти слова заранее обречены не быть услышанными, но попытаться стоило. – Даже, допустим, посадишь ты их. Фабричные таскают с собой разные самоделки. Конструкторская мысль во дворах и гаражах работает. А что у тебя, кроме кортика?

- Есть кое-что, – рассеянно буркнул Рубен. – Офицер безоружным не ходит. В последний раз предлагаю сдаться полиции добровольно. В противном случае гарантирую все то же самое плюс очень неприятные ощущения.

Голос его был просто ионизирован смехом.

- Ты, мотылек, лети давай! Гляди только, в вольтову дугу не попади! А че он сделает?! Ну поболтается вокруг, еще вмятин ему наставим. Мы тяжелее... а у него в машине телка, зуб даю... телку стращать заботится.

«Вампа» прыгнула вперед, как хищный зверь из засады. Натали видела таких по головидео, восхитительно прорисованных в замедленной съемке. Зеленая рамка на мониторе мигнула, разбилась на квадраты, сделалась красной, сузилась втрое. Корпус флайера дрогнул, мгновение кости Натали представлялись ей совершенно полыми – чувство оказалось более чем неприятным. Оппонентам пришлось похуже. Рубен влил импульс электромагнитной пушки в аккурат между дюзами D-14, обмотка генератора тут же сгорела, все системы парализовало, и тот закувыркался вниз, оглашая воплями эфир. Ударом ладони Рубен отключил связь.

- Ты... с ума?... Она ж ему откусит... ухо, например!

- Ухо, говоришь?! – ухмыльнулся пилот. – Ухо бы, пожалуй, стоило...

«Вампа» нырнула скопой, как когти, выпуская магнитные захваты, причем желудок Натали явно следом не успевал. Она уже, кажется, готова была согласиться, что-бы те падали, куда им предназначено судьбой в лице вектора гравитации, но захваты впились в жертву, как в кролика, нарочито, как ей показалось небрежно, чтобы попричудливее сложить и перемешать «начинку» – это выглядело где-то даже мстительно. Двигатели надсадно взвыли, Рубен закусил губу и что было сил дернул на себя джойстик управления. Несколько секунд «Вампа» продолжала валиться вместе с добычей.

- А вытянешь?

- Должен... Ммать... Ббезззз!... движок у нас мощнее... даже... чем надо!

Завывая, «Вампа» поволокла свою жертву по горизонтали: Рубен не стал даже пытаться сколько-нибудь вернуть высоту, а только вызвал на монитор маршрут до ближайшего участка. Вибрация прокатывалась по костям, пронзая нервы и призывая зубы расстаться с челюстью.

Единственным желанием Натали было, чтобы это кончилось. Как угодно, лишь бы скорее.

* * *

Посадочные площадки полицейских участков выложены стандартной стеклоплитой, и в темноте, когда в ней отражаются неоновые огни, впечатление такое, будто опускаешься в море плазмы. А если стоять, будешь в нем по колено, не меньше.

Когда «Вампа» приземлилась, Натали не сделала даже движения размять ноги. Только нащарила кнопку, опускающую окно, чтобы впустить в салон сомнительный уличный воздух. Полицейские суетились, извлекая хулиганов из флайера там, где Рубен удосужился его свалить. Никто из тех не вышел на своих ногах. Сержант, составлявший протокол, только присвистывал, когда из дверей на руки его ребят, сгибаясь в мучительной рвоте, выпадал очередной «постоялец». Тут же их охлопывали по карманам и складывали прямо на покрытие парковки. В четырехместной кабине оказались набиты семеро, и когда сержанту вздумалось проверить с фонариком, не осталось ли там еще кого без чувств, обратно он выскочил поспешно и – зажимая нос.

Рубен стоял, облокотившись о крышу «Вампы», кинжальная складка его отутюженных брюк выглядела просто оскорбительно. Даже белую форменную рубашку он ухитрился измять элегантно – в том месте, где спина соприкасалась со спинкой сиденья, излом ткани был острым и голубоватым в тени.

И выглядел, подлец, красующимся и довольным.

А чего бы ему довольным не быть? Из раздвижных стеклянных дверей живехонько выскочил начальник участка и первым козырнул молодцеватому лейтенанту. Едва ли Рубена можно было в этом упрекнуть: он исправно потянулся двумя пальцами к фуражке, но при этом оказался совсем чуть-чуть медленнее.

– Ваша машина зарегистрирована на имя... Вы из штата, или член семьи?

Вместо ответа Рубен нырнул в нутро «Вампы», подмигнул Натали, встретившись с нею глазами, взял китель, достал удостоверение из кармана, и, пока коп утверждался в своих догадках, неспешно оделся: на площадке гулял холодный ветер. Затем оба офицера развернулись к водителю D-14, распятому на собственном капоте лицом вверх. Расторопный сержант как раз проверял индикаторным пластырем наличие в его крови наркотических веществ, и пластырь при этом синел весьма показательно.

– Управление транспортным средством в нетрезвом виде, – сержант вздохнул, словно собственные несовершеннолетние отпрыски держали его под тем же самым дамокловым мечом, – нарушение норм эксплуатации транспортного средства. Незаконное ношение предметов, квалифицируемых как холодное оружие.

– И вон там еще царапина со стороны пассажира! – вреднящим голосом вмешался Эстергази.

Сержант и его начальник скорым шагом отправились освидетельствовать ущерб, нанесенный «Вампе».

– Ить болван! – в сердцах высказался младший по званию. – За такую машину ведь на шахты пойдет.

«D-14» от своего капота сверлил их взглядом, исполненным ненависти потомственного

плебея.

– Застрахованы, – засмеялся Рубен. – Не первый шрам на шкуре. Капитан, я надеюсь, имя в отчеты... не попадет? Мать убьет меня, если узнает.

– Не беспокойтесь, – словно извиняясь за забывчивость, начальник участка вернул пилоту его документы. – И полицейское оборудование на вашем флайере я тоже... хммм... не заметил. Признателен.

– Взаимно.

Офицеры обменялись прощальным салютом, Рубен обошел флайер, чтобы сесть со своей стороны. Полисмен наклонился к окошку Натали.

– Прошу прощения, леди, за то, что вашему спутнику пришлось выполнять нашу работу.

– Ничего, – выговорила она, усилием воли подавляя зубовную дробь. – Зато сколько удовольствия!

Рубен рядом не то хмыкнул, не то подавился.

– Счастливого пути.

«Вампа» приподнялась на репульсорах, дала задний ход и, вывинтившись с тесной полицейской парковки, вновь оказалась в потоке.

– Извини. В самом деле, мать за такие вещи спустила бы с меня шкуру.

Натали плотнее завернулась в плащ.

– Мы еще будем сегодня патрулировать ночное небо? Или все-таки...

Рубен, набычившись, глядел прямо вперед, но сил любоваться им у нее уже не осталось.

– Не вытолкни я машину из-под дуги, – сказал он, – полиции достались бы наши обугленные тела в обломках догорающего флайера. Если сегодня им сойдет с рук хулиганство, завтра это может быть уже предумышленным убийством. В любом случае следовало их отрезвить. Если понадобится – силой. К тому же не секрет, что военные и полиция, мягко говоря, недолюбливают друг дружку. Жест доброй воли... способствует ломке стереотипов. Хотя при желании, вероятно, его тоже можно истолковать как тонкое оскорбление.

Он философски пожал плечами.

– Все равно это было безумно опасно, – возразила Натали, так устало, что даже равнодушно. – «Вампа» слишком мала. Полиция сажает нарушителей силами двух-трех флайеров, я тоже новости смотрю. Я же слышала, как ты насиловал двигатель. И это пике за ними... Оно и само по себе началось недопустимо низко, а вышел ты у самой земли.

– Я вышел на две сотни метров выше, чем это действительно было бы необратимо. А двигун у нас и не то еще потянет. Я ничем, – он подчеркнул голосом, – серьезно не рисковал. Думаешь, – он покосился на нее хитро и весело, как мальчишка, – мне впервой вгонять здравый смысл им в дюзу? Впервые я участвовал в этом, сидя на твоём месте, а на моем был па. Страшная семейная тайна, Лига, – засмеялся, – Святого Бэтмеиа. Может, тут не все устроено так здорово и правильно, как могло бы... Но меняться это будет только с моего доброго согласия! Место

Эстергази в обществе и все такое... Космического истребителя можно бортануть... в глазах красивой девушки... и он это так оставит?

Более чем охотно Натали предоставила ему право последнего слова. Совершенно измотанная и разбитая, больше всего она хотела ощутить себя драгоценным грузом. Пусть даже неодушевленным. Нервы в зубах все еще взвизгивали остаточной болью. Интересно, испытала бы она закономерное удовлетворение пресловутым «я же говорила!», если бы этого чрезмерно энергичного молодца раздавило, скажем, крушением идеального взгляда на жизнь? Почему тот же парень, если он благополучен, доволен собой и сыт, вызывает в ней нарастающее раздражение? В конце концов, кто обязал ее испытывать правильные чувства? По счастью, решила она, летать, таким образом кувыркаясь – не ее работа.

* * *

Ночная тьма еще не рассеялась, когда полет их наконец завершился. Флайер бесшумно опустился на дорожку, почти не освещенную – будь Натали чуть в лучшем состоянии, она сообразила бы, что это уже не город. Гравий – вещь совершенно смертоносная для высоких каблучков – заставлял ее оступаться на каждом шагу, и Рубену пришлось почти тащить ее на себе. Потом ей смутно помнились какие-то кусты и ветви, нависшие над головой, запах влаги и горьких цветочных духов.

Здесь, верно, и живые птицы есть.

Затем поднялись на две ступеньки, и стеклянная дверь, за которой было темно, откатилась в сторону. Включился электрический свет. Рубен выпустил ее локоть, и, пошатнувшись, Натали прислонилась к косяку.

Ничего общего с ее теперешней ячейкой в блоке для одиноких молодых девиц, где стены из дешевого композита облицованы стандартным пластиком, а откидная койка, видео, душевая кабинка и кухонный отсек в два метра площадью занимали все полезное пространство. Готовить Натали не любила, когда можно – предпочитая кафе.

Тут были деревянные стены. При первом взгляде это поразило ее даже больше, чем огромная двуспальная кровать, на которую впору «Вампу» сажать. Хотя, если Рубен раскинется, оставит ей вовсе небольшой кусочек. Была бы Натали в состоянии сделать хоть шаг, она непременно потрогала бы руками поверхность настоящего дерева. Сейчас же, опустившись совершенно без сил на краешек пружинящего матраса, она непроизвольно погладила материал покрывала. Настоящий лен. В ногах, сложенные, лежали пушистые пледы. Плетеные кресла с подушками. Изысканный туалетный столик с цветами на нем. На полу – циновки, в глубине комнаты дверка в ванную. Нигде ни следа пластика или полиэстера. Видео нет, но принесут, достаточно позвонить. Пилот и стюардесса в мотеле – картинка та еще. Только шампанского не хватает.

– Хочешь в душ?

Натали помотала головой.

– Тут есть во что переодеться, – еще одна попытка, разбившаяся о стену

Сюда, похоже, можно приехать совсем без вещей, с одной только кредитной карточкой. Вот она, карточка, угу. А счастье где?

Решетка, увитая цветами, отделяла вполне современную кухоньку, где немедленно скрылся Рубен. Отсюда видно было, как он решительно тычет в кнопки комбайна. Натали нагнулась,

чтобы расстегнуть ремешки босоножек.

– Ух ты, страх какой!

Она вздрогнула и уронила туфлю. Рубен, присев на корточки, поднял ее, большим и указательным пальцами промерил длину шпильки. Натали, смутившись до смерти, поспешно втянула под подол босую ступню, выглядевшую так безнадежно беспомощно с розовыми следами от ремешков.

– И я еще выпендриваюсь со своей координацией. Вот выпей-ка.

Натали решительно замотала головой. Если внутрь нее попадет хоть глоток, эту прелестную комнатку неминуемо постигнет участь D-14.

– Пей давай!

Она отползла, упершись спиной в спинку кровати и не сводя с него затравленного взгляда.

– Господи, да это всего лишь чай.

Зажмурившись, она хлебнула горячего, сладкого и очень крепкого травяного напитка. Жар прокатился изнутри до самого желудка, и подействовал успокаивающе. Все, что было в ней напряженного, расслабилось, и тем не менее лицо, обращенное к Рубену, было одной умоляющей маской. Кто-нибудь тут еще хочет любви?

– Худо мне... не могу.

– Да откуда у тебя такие... дремучие представления о мужиках?

Невзирая на слабое неорганизованное сопротивление, Рубен вытряхнул ее из плаща и завернул в плед. Воспоминание о тихом смехе провожало ее, когда она падала в сон. Ты еще и добрый, черт бы тебя побрал.

* * *

Натали проснулась резко, словно кто всадил ей локоть в ребра, с полной памятью обо всем, что было вчера. Не открывая глаз, мысленно оценила свое самочувствие. Не тошнило – со всей определенностью. Тело лежало на боку, колени подтянуты под самый подбородок, руки переплетены на груди. Осторожно отвела от лица плед: спала, оказывается, закутавшись с головой. Серый утренний свет просачивался под увитый лианами козырек террасы: утро было мягким.

Осторожно села, спустив на пол босые ноги, несмело обернулась. Утром всегда все выглядит иначе. Минуту или около того таращилась на широкую, обтянутую форменной рубашкой спину. Голову Рубен подвернул, словно прикрыв ее плечом. Поза под кодовым названием «меня вообще тут нет». Адекватный ответ на ее «не тронь меня». Не храпит. Это хорошо.

Чего хорошего? Разве ты ждешь ночей, когда это станет иметь значение?

Как крепко спит. Когда отрастет короткий курсантский ежик, черные волосы естественным образом лягут назад: открытое лицо. А вот депилятора на эти щеки уйдет немало. Ничего не поделаешь – тестостерон. Натали удержала ладонь – погладить. Насколько было бы проще, если бы она могла думать о нем плохо. Скажет тоже... Турандот!

Подобрав подол, чтобы не наступить на него ненароком и не наделать шуму, Натали проскользнула в ванную. Состояние вчерашней косметики на лице подтвердило самые худшие опасения, но... здесь была настоящая вода, хочешь – горячая, хочешь – прохладная! Не стандартный общежитский ионный душ, удаляющий грязь исключительно механически. Тут тебе и расслабление, и массаж, и утренний тонус.

Натали провела в ванной достаточно времени, чтобы укрепиться в своем решении. Нельзя брать то, чего хочется так сильно, потому что всегда платишь дороже. Кармический закон. Столько, сколько придется отдать за этого парня, у нее просто нет. Она сама отпирала для него все свои тайные комнаты. Когда он уйдет, она останется одна посреди пустого и гулкого пространства. И с ней не будет ни цинизма, ни снисходительности, ни спасительно дурных мыслей.

Где-нибудь в зарослях наверняка притаился корпус администрации, откуда можно вызвать такси. Не может быть, чтобы отсюда нельзя было выбраться.

А вот вползать обратно в открытое вечернее платье оказалось неприятно. Не то потому, что после ночи сна в нем оно было, мягко говоря, несвежим, не то потому, что с утра его тонкие лямки, декольте и подол до самого полу выглядели не более уместными, чем она сама – в этом обустроенном гнездышке. Прикосновение шелка к телу, возбуждающее вчера, сегодня казалось склизким и напоминало... да все о том же: о схеме «пилот – стюардесса – мотель».

На цыпочках, стараясь не шуршать шелком, взяв туфли в руки, а в охапку – плащ, Натали выбралась из ванной. Кожу покалывало возбуждением и страхом. Особенно губы. Плащ, босоножки, сумочка на шнурке, на запястье. Кажется, все...

– Убегаешь?

Кровь хлынула ей в лицо. Ничего не может быть унижительнее, чем если тебя застигнут на цыпочках, с охапкой барахла, и ты при этом отскакиваешь к стене, выкладывая свои постыдные комплексы как на ладони. И глаза таращишь.

Рубен сел, молча потер ладонями лицо, поморщился. Вид утомленный и помятый, как всегда от сна в одежде. И недовольный, ясен пень.

– Я что-то не так сделал?

– Нет, – выговорить это было трудно, а еще унижительнее было сознавать, что сейчас она начнет бессвязно блеять, что-де дело не в нем...

– Думала, ты вчера еще догадался. Я не белая кость. Я в стюардессы-то выбралась, обдирая локти и пузо. Из фабричного квартала, с приземных этажей. Не низший-средний класс, но низший-низший. Принципесс нету тут. Мне с тобой вровень не встать. Ходить, говорить, поворачивать голову, небрежно употреблять это клятое «отнюдь» – я училась стиснув зубы. У меня отец – пьяница, а о матери вообще лучше не вспоминать. Моим первым парнем был «бык». Ты... ты можешь дать очень много, но в результате оставишь меня совершенно ни с чем. Я... после тебя... долгонько не смогу с интересом по сторонам поглядывать.

Она замолчала, с отвращением сознавая, что все сказанное нельзя воспринимать иначе как чистое вымогательство, предполагающее, что в ответ распаленный юноша наобещает ей золотые горы, законный брак и все звезды с неба. Какими словами докажешь, что все не так?

– Сколько отдавать сердца – человек сам решает, я не могу схватить тебя за руку со словами

«достаточно». Я только мог предложить решить это обменом, не глядя: все на все.

Он не недоволен, кольнуло мозг. Он расстроен. Глаза в пол, пальцы – на висках. Почему у парней с утра такой похмельный вид?

– Я видела твою уважаемую мать. Мне не проглотить такой кусок пирога, Рубен.

– Тогда иди.

Он снова потер ладонями лицо, словно таким образом надеялся стереть с себя дурной сон. Натали нерешительно переступила босыми ногами. Опыта у нее было достаточно, чтобы сообразить, как она с ним поступает. Здоровый, красивый, покончивший с монастырским Уставом Учебки, казалось бы, навсегда и разлетевшийся не только заниматься любовью, но и любить. Строго говоря, тут вот девчонки их и берут – горячими. Натали ведь поощряла его, не так ли?

– Иди, – повторил Рубен хмуро, упершись локтями в колени. Что-то в его позе ударило ее, словно под-дых. Сколько еще он так просидит, когда за ней прошелестит, закрываясь, стеклянная дверь? Чем это кончится? Можно сказать наверняка: холодным душем, а после – несколькими сутками видео. Подряд, без разбора – фильмы, новости, викторины, а в промежутках – едой в постели, не глядя, без аппетита. Сожаления осыпались, увядая, как листья в сквере. В совершенной растерянности Натали сгрузила все, что занимало ей руки, в ближайшее кресло: босоножка упала на пол, от громкого звука вздрогнули оба. Сбежать, спасаясь от душевной боли – одно дело. Но лучше быть дурой, чем свиньей.

Села рядом, чуть прикоснувшись плечом. Растерянно пошевелила пальцами ног. Полжизни за обычное домашнее платье-свитер! Тихонько ткнулась лбом Рубену в плечо.

– Не надо.

Взято слишком высоко, чтобы быть правдой. Примитивная тактика – самая верная, главное – ошеломить. «Милый, ты меня любишь?» тут не сгодится. Мы напортили столько, что дело спасет только самое тяжелое оружие.

– Я... эээ... слишком тощая, верно?

Рубен отвел наконец руку от лица, в чем была явная тактическая ошибка – ее надо было куда-то девать, не в воздухе же ей висеть. Женская талия... чем тебе не подходящее место? Ага, сам догадался.

– Ну... Я бы сказал, у тебя хорошие... аэродинамические характеристики.

Натали подняла лицо, с удивлением обнаружив на ткани рубашки мокрое пятно. Откуда? Загадку разрешил Рубен, пальцем сняв слезу с ее щеки. От сто плеча шел жар: температура тела у Эстергази явно на градус-пол-тора выше.

Вот теперь, сероглазый, только не отпускай!

Это было, как ложкой зачерпнуть мед, как выровнять пикирующий флайер у самой земли, как вынырнуть с глубины, хватая воздух... Сладко, трепетно, нежно... Милая, любимая, хорошая моя... Нетерпеливо, напористо, сильно. Слишком много, чтобы, как казалось, это можно было вынести... Слишком мало, чтобы на этом остановиться.

Холодное молоко из высоких стаканов, которое они пили на террасе, забросив ноги на табурет: он – только в шортах, она – в его рубашке. Сок груши на подбородке. Душ, рушащийся с потолка сразу на обоих. Огонь свечи сквозь вино в хрустале. Мокрые цветы.

Смех.

* * *

Улетать или остаться -

не тебе решать, не мне бы, -

серый ветер разберется,

кто ему назначен в долю.

Башня Рован

Проклятый комм надрывался где-то у самого уха, но найти его на ощупь, не поднимая головы, а только хлопая ладонью по тумбочке, оказалось задачей невыполнимой. Натали натянула на голову подушку, Рубен, отчаявшись, сел. На тумбочке браслета не оказалось. Под подушкой – логично было предположить, что именно туда он сунул комм, когда торопился сдернуть его с руки – тоже пусто. Последовал краткий лихорадочный обыск с насильственным переворачиванием рядом лежащего тела, сопровождающим делу умоляющим мычанием, сдавленным смехом и вынужденной задержкой, и наконец браслет обнаружился в складках простыней.

- Это может быть только па, остальные заблокированы – пояснил он, садясь и поднося комм к уху. Экранчик-циферблат светился в темноте голубым, обводя тонкой линией профиль Рубена и часть его плеча. Прием он включил на полный, видимо, из деликатности. Глубокий громкий голос, создав эффект третьего в комнате, заставил Натали сесть, прижимая к груди скомканную простыню.

- Малыш, ты в Тавире?

- Да.

Харальд запнулся на секунду. Рубен терпеливо ждал.

- Новости, ясное дело, не смотришь?

- Ясное дело.

Пауза.

- Что?...

- Вылетай, – выдохнул отец. – Прямо сейчас.

Рубен коротко ругнулся.

- Вам там, в министерстве, совсем делать нечего? Объявлять общевоинскую сразу... Эээ, па... число какое? Мать Безумия!...

- Позднее, - судя по голосу, Харальд Эстергази позволил себе мимолетно улыбнуться. - Я не могу сказать тебе больше. Шпарь домой, ты нужен.

Из темного угла Натали в оцепенении наблюдала, как разнеженного сибарита рядом с ней, романтического ленивого баловня сметает коротким ледяным шквалом до самой базальтовой основы - офицера Космических Сил. Где он только прятался эти два... три?... дня. Что-то менялось в лице, в манере держать голову, в складке между бровей. Озноб ударил ее, как плеть.

- И еще, - добавил Харальд. - Лишних полчаса у тебя нет.

Рубен рывком встал. Щелчок, с которым отключился комм, еще висел, не растаяв в воздухе, а выпускник Академии уже скрылся за дверью ванной, откуда донесся плеск воды и жужжание электрической щетки. Кажется, прошла всего минута, и он появился: бравый, подтянутый, блестящий.

- Ты можешь остаться здесь, - сказал он, наклоняясь к Натали. Девушка вздрогнула - ей почему-то казалось, что Рубен, подхваченный вихрем, забыл про нее. - Мы не выбрали лимит, ты можешь еще поспать и уехать аэробусом. У меня времени - только саквояж схватить.

- Я поеду с тобой.

* * *

А моя судьба ломка и легка,
как прозрачная труха-шелуха -
не смотри на меня - по осенним ветрам
я сама себе не своя.

Башня Рован

Лишний час вместе. А разве она не знала, что будет именно так? Любовь в чистом виде оказалась обжигающе болезненной, как концентрированная кислота. Извернувшись под пристяжным ремнем, Натали сидела боком, молча, бездумно наблюдая, как Рубен гонит машину в редком утреннем потоке. Оставляя его в сердце вплоть до малейшего движения бровей, до мимолетного взгляда в свою сторону. Напоминая себе, что кроме этого, здесь ей не принадлежит ничего.

Менялось давление, над поверхностью Зиглинды несясь циклон, влекший за собой смог и мусор. Как всякий ярко выраженный гипотоник, Натали чувствовала себя совершенно обессиленной и больной.

На ней было яркое платье счастливой расцветки, заказанное по каталогу, и бежевый вязаный жакет. Ну да, само собой, с княжеской кредитки, но надо же что-то надеть! Вечерний шелковый наряд, вызывавший почему-то неприятные ассоциации нечистоты, она отослала в пакете в первый же день. И эти вещи, навсегда связанные в сознании с тем, что казалось счастливым сном уже сейчас... нет, она, конечно, от них не избавится. Но - жить им обернутыми в пластик, на полке шкафа, до лучших времен... которые, может, вовсе не придут. Как засушенные цветы... как воспоминания, иголки на сердце, вонзающиеся в нежную,

пронизанную нервами плоть, когда оно начинает сокращаться слишком резко. Ибо спетая песня – прощай. Пилоты Эстергази не принадлежат своим женщинам... даже если бы у нее хватило смелости так назваться. Они и себе-то не принадлежат. Пилоты Эстергази причислены к драгоценностям короны. Уже сейчас видя и ощущая его рядом с собой, Натали знала, что он ушел.

«Вампа» ринулась па посадку носом вниз, Натали ощутила внутри себя неприятно знакомое перемещение внутренностей. У Рубена, судя по выражению лица, внутренностей не было вовсе.

Наземный паркинг, облицованный стеклоплитой, был пуст, если не считать цилиндрического лимузина-монстра с темными стеклами. Заложив вираж, да такой, что ветер ударил по редким прохожим, Рубен приземлился рядом, дверь в дверь.

– Ну... – лицо у него было скорее озабоченное, чем потерянное. Они поцеловались, неуклюже обнявшись, в честной попытке компенсировать обоюдную неловкость продолжительностью поцелуя. Потом вылезли из флайера одновременно с разных сторон. Ветер схватил Натали за волосы и приставил нож к горлу, она прикрыла ладонью глаза – от пыли.

Рубен, не оглядываясь, перебежал к лимузину, ожидающему с открытой дверью, придерживая рукой фуражку нырнул на сиденье рядом с водительским. Последнее, что отложилось в жадной до подробностей памяти Натали, была рука с краешком манжеты, захлопнувшая за собою дверь.

* * *

Транспортники ждали, выстроившись в линию вдоль взлетного поля, аппарели были опущены, что сделало грузовики похожими на ехидно ухмыляющихся бегемотов. Государственный флаг с золотым диском и молотом трепетал на ветру. Пилоты в походной форме стояли длинным рядом, идеальным черным пунктиром, пересекающим поле из конца в конец. Крылья Империи. Из динамика гремел хор из Nabucco Верди, и пыль неслась клубами, не сдерживаемая ничем.

Ты прекрасна, о Родина наша,

Необъятны твои просторы...

Медитативная сосредоточенность охватила строй, который на глазах серел, покрываемый прахом Зиглинды, и который, тем не менее, угрюмо противостоял разбивавшимся о него ветрам.

Мать-Отчизна, твои сыновья

За тебя жизнь готовы отдать...

Тишина, лишь подчеркнутая шумом двигателей, доносившихся с периферии. Военные психологи отлично знали, что несколько секунд после исполнения гимна ноги не в состоянии оторваться от земли. Врастают в землю, и какое-то время нервная система практически парализована.

Вице- адмирал, отправлявший партию, поднял руку. Строй затаил дыхание. Офицер-

заместитель, держа в ладони комм-усилитель, сделал шаг вперед.

– Авиакрыло!... Напра-аво!

Шорох ног, воспринимаемый как слитный шум.

– Полки!... Отсеки – по эскадрильям...

Пронзительный вой флайера, заходящего на посадку в оцепленную зону, прервал команду, которую все равно теперь было не разобрать. Три черные машины сопровождения шли следом, явно отставая: из осторожности, согласно Уставу. Вице-адмирал, беззвучно шевельнув губами, махнул рукой. Несанкционированное явление вышестоящего начальства вышибает почву из-под ног. Всегда.

– Отставить! – продублировал зам. – Нале-во! Смирна! Равнение на середину!

Сотни глаз придирчиво оценили посадку – немного резкую, но, в общем, академически правильную. А как же, все здесь специалисты. Сопровождение еще только опускалось, заключая объект в треугольник, прикрытый со всех сторон, а Кирилл уже откинул колпак и спрыгнул наземь. Сотни глаз отметили на нем черную походную форму и погоны лейтенанта. Волосы были взъерошены, воротничок – расстегнут.

– Я успел? Черные Шельмы... здесь еще?

Командующий указал направление, где между Молниями и Банши стояла эскадрилья, но Император разглядел и сам. Размашисто, почти бегом, будто его могли не подождать, или поторопить, подошел к комэску.

– Руб...

– Ваше Величество?

– Заткнись.

– Понял. Кир?

Пауза между ними была короткой и неловкой. Потом Император, приподнявшись на цыпочки и нервно шмыгнув носом, обнял Рубена Эстергази.

– Руб, ты лучшее, что у меня есть.

Отступил на шаг, окинул взглядом строй, пожиривший его глазами, начальство, вытянувшееся так, что аж прогнулось вперед. Голос, еще совсем мальчишеский, зазвенел на весь плац:

– Я жду вас всех – обратно! Слышите?!

Часть 2. Черная Шельма

А твоя судьба тебе невдомек,

Но исшарен ветром вдоль-поперек,

Под холодными пальцами серого ветра

Ты стоишь, дрожа и смеясь...

Башня Рован

Рубен никогда не мог в точности определить для себя статус грузовых скачковых пилотов. Как и командный состав, они учились натри года дольше, но курсы их были специализированными и не включали тактических дисциплин. Поговаривали, будто подход к свойствам пространства и вещества у них совсем другой. Даже звания им присваивались не военные: техник, инженер, даже про доктора кто-то слышал. Держались они отстраненно и так, словно были окружены мистическим ореолом. Не то как элита – Рубен хмыкнул про себя, поскольку к флотской да и к любой другой элите по умолчанию причислялся сам, не то как каста неприкасаемых, находящая в своем положении некое циничное удовлетворение.

Нет, общими принципами входа и выхода в гиперпространство Рубен, конечно, владел, и мог бы в случае необходимости рассчитать прыжок. Академия готовила офицеров-универсалов. Фундамент, на котором базировалась карьера. Однако перспектива из года в год следовать отведенным маршрутом, перевоза людей, технику и грузы из одной точки системы в другую, едва ли отвечала качествам его натуры.

Как и служба на корабле: крейсере, линкоре или авианосце. На любой пласталевой коробке, что простирается вокруг тебя на сотни метров и на которой даже какой-нибудь один крохотный участок зависит не столько от тебя, сколько от твоего слаженного взаимодействия с прочими службами и людьми. Только семейный психолог Эстергази, знавший Рубена с детства, безошибочно определил в нем интроверта. Прочих удалось обмануть.

Истребитель. Самый быстрый, самый маневренный, самый независимый элемент боевого соединения, чьи узлы и детали столь же естественны, как руки и ноги, а пушки, изрыгающие плазменные плевки, кажутся прямым продолжением воли, азарта и боевой злости. И вместе с тем – всего лишь искорка жизни в пустоте, которую человеческий разум способен адекватно воспринимать исключительно в терминах высшей математики. Авианосец «Фреки» по боевой тревоге рассыпает их – шутка сказать – двести сорок. Пять полков, двадцать эскадрилий. Разве сравнить этого живчика-кроху, скажем, с планетой, связавшей в гравитационном танце сотни других небесных тел?

Про себя Рубен усмехнулся. Для человека, получившего «космическое» образование и чаще ощущавшего под ногами чуть заметную вибрацию палубы, чем безмятежную планетную твердь, выражение «небесное тело» могло быть оправдано только архаической культурной традицией. Само слово «небо» выглядело довольно бессмысленным.

Вакуум. Пространство. Космос. Хаос. Материал, из которого Бог создал мир и человека в нем – по своему образу и подобию задолго до того, как его творение осознало, что труд, в сущности, незавершен. Потому что Творец, кто бы он ни был, явно не предполагал, что человек пожелает странствовать по гиперпространству, и более того – проводить в нем продолжительное время. Мигрень и сосудистые явления, особенно резь в глазах, были хорошо знакомы любому, кто пользовался услугами скачка, в том числе – внутрисистемного. На гражданских линиях эту проблему решали медикаментозно. Военные считали ее несущественной и предоставляли личному составу преодолевать ее по своему усмотрению, исключая, разумеется, наркотические вещества. Рубен предпочитал терпеть. В самом деле, вовсе не исключено, что однажды он будет нуждаться в сильнодействующих препаратах. И эффективность их будет тем выше, чем менее приученным окажется организм.

Заняв место у герметичной двери и прислонясь спиной к стене отсека, сотрясаемой привычной

нутряной вибрацией, Рубен сунул в ухо «ракушку» и прикрыл глаза. Мелкий самообман: организму все равно, что раскалывает голову – смена количества измерений или «Полет валькирий». Вагнер к числу его любимых композиторов не принадлежал никогда. С немалой долей самоиронии воспринимая себя хорошим мальчиком из приличной семьи, Рубен держал «Золото Рейна» для целей вроде этой, следовать душой за музыкальным настроением оперы ему не удавалось. В данном случае это было даже хорошо. Из-под опущенных ресниц достаточно удобно наблюдать за эскадрильей, оценивая своих людей. Ибо независимость его была только кажущейся.

Не свободная охота, но хладнокровный расчет: в кратчайшее время навести на противника как можно больше пушек, не подставить эскадрилью под удар, удержать ее вместе, не позволяя разбиться на мелкие стычки, пока на то нет особого разрешения. Иногда Рубен даже чуточку сожалел, что в собственные свои энсинские времена, проходя обязательную службу в боевых частях, когда кадровая служба сортировала: негодных – в мусор, способных командовать – в флотскую адъюнктуру, а прочих счастливиц – просто летать, угодил в показательную верхушку. Хотя разве могло быть иначе? Долг человека перед именем... К тому же он был их тех, кто – мог. Положение обязывало.

Не отдельные искорки жизни, но созвездие, объединенное одной боевой задачей и единой волей. Не абстрактные фигурки поддержки, которыми он мог распоряжаться и жертвовать по своему усмотрению на мониторе тактического дисплея, защищая курсовые работы. Потеря каждого будет его личной потерей. Сейчас, будучи военной косточкой в десятке поколений, Рубен это просто знал. Осознание печенкой придет позже. И это тоже было ему известно. Другое дело, пока – чисто теоретически. Поколению отца удалось обойтись без войны.

Не он, их командир, а жребий и рекомендации преподавателей Академии, да еще в некоторой степени протекции и взятки собрали вместе эти двенадцать человек. Ибо едва ли для кого станет неожиданностью внимание командования именно к этой эскадрилье и скорое повышение именно этого комэска. Рубен не утверждал состав Шельм, как был бы, по идее, должен: просто не успел. Ему буквально сунули в руки командирский считыватель с комплектом индивидуальных досье, ни на что большее просто не хватало времени. Только подпись поставить. Чрезвычайная ситуация, вынуждавшая его играть с теми картами, какие были сданы. Имей Рубен хоть день в запасе, непременно перетащил бы к себе пару ребят от Банши, да и у Драконов Зари был пилот, каковому, по твердому убеждению комэска, Шельмы могли предложить кое-что получше. Всего один день, с толком употребленный на интриги, вранье, хвастовство и подкуп, и Шельмы вступили бы на «Фреки» командой мечты. Харальд наверняка знал заранее... Вспомнив, как был потрачен этот день, Рубен от всей души махнул рукой на сожаления. Река жизни течет, сама избирая себе русло. Вопреки тревожной ноте в отцовском голосе, все еще хотелось верить в недоразумение, которое разрешится скоро и – само собой.

Свет в отсеке был тусклым, стены – металлическими и голыми, очищенный воздух, которым дышали двенадцать человек – уже изрядно спертым. Плюс свои три «же» при взлете они получили. Скачок транспортника за пределы системы, туда, где базировался «Фреки», при благоприятных условиях должен был занять не более часа. При неблагоприятных... что ж, при неблагоприятных они никогда туда не доберутся. В сущности, комфортабельность гроба заботит лишь живых. А война – она экономит на всем, кроме боеприпасов. И людей. Системы жизнеобеспечения не относятся ни к тому, ни к другому. Рубен снял с пояса считыватель-универсал. Командирский код доступа открыл для него личные файлы. Зеленые строчки побежали по черному экрану. Информация, доступная далее только по вертикали, да вот еще штатному военному психологу «Фреки».

И вот пожалуйста сразу – слабое звено. Иоханнес Вале. Это видно и по линии мягкого розового рта, и по страсти выглядеть не тем, что он есть на самом деле. На самом деле – креветка без панциря. Фиолетовый штамп на челе: «жертва»! Таких, как говорится, и в церкви бьют.

На Зиглинде нет церквей. И нет официальных религий.

Случайное, немислимое в его эскадрилье существо, первый, кого постарался бы скинуть с рук любой здравомыслящий командир. Учебка – учреждение совершенно безжалостное – перемалывала хрящи, превращая нервы – в струны, а кости – в трубы органа. Таких, как Вале, били жесточе, и – первыми. Ломали, вынуждая уйти, и едва ли что-то изменилось со времени его собственного ученичества. Преподаватели не вмешивались никогда, неявным образом поощряя как индивидуальную агрессивность, так и умение обращаться с нею, в том числе ей противостоять. Академия поставляла Империи качественный товар. Солдат. К счастью, отец и дед предупреждали его – в страшной тайне от Адретт, разумеется: подобным образом дела обстояли в каждом поколении. И далее, в процессе служебного роста изменится разве что форма проверки. Маячившая над головой Рубена грозная тень теперь олицетворяла собою не стоматолога или пластхирурга, но военный трибунал. Со временем стоймость слабины растет. Рубен незаметно сжал кулак.

Теоретические дисциплины оценены на отлично. Практические – в том числе полеты – удовлетворительно едва-едва, хотя сумма налетанных часов почти догоняла его собственную. Разумеется – официальную. Картина, прямо противоположная той, что привык видеть Рубен. Пилоту чаще искренне наплевать на физику, а вот летать он любит. Можно биться об заклад: из всех систем истребителя этот лучше всего знает катапульту. Комэск поймал себя на том, что пролистывает файл с нарастающим раздражением. Слабый пилот – не только первая жертва. Это чья-то незащищенная спина. Отметка «неинициативен» отсекала парню путь стать когда-нибудь командиром хотя бы звена. И едва ли коммуникабелен. Мысленный крест, нарисованный на Вале, становился все жирнее. Какого, спрашивается, черта? Шел бы себе... в инженеры! Тем более родители его из преуспевающих буржуа, испокон веков торгующих оружием для Империи.

И кем нужно быть, чтобы заполучить в графу «сексуальные предпочтения» это восхитительное в своей непосредственности «не определено»? Подобные вещи отлавливались психологом безошибочно, на самых первых курсах. Другое дело, Рубен уже обнаружил за флотскими спецами страсть сводить частные случаи к общим закономерностям. Вольно им было валить все в кучу. Разбираться с индивидуальностями придется ему самому. Для того, чтобы оценить человека, у него есть только физиономистика, да это вот досье. И в том, и в другом для парня – ничего хорошего. Обычных армейских «га» Вале в свой адрес еще наслышится, не хватало ему своего комэска. Впрочем... вот уж это – как летать будет!

А вот с замом откровенно повезло. Улле Рени – совсем другой закваски парень. Черноволосый, остролицый, с челкой. Сидит напротив, чуть слева, закрыв глаза. Правильно, между прочим. Боль – это река, бороться с ней – все равно, что строить запруду. Запрешь русло – и все это скопится в тебе. И ведь рано или поздно прорвет, что характерно. Такое сосредоточенное спокойное выражение на лице, что Рубен не постеснялся бы увидеть его и в зеркале. На досье он бросил только беглый взгляд: оно целиком и полностью подтвердило первое впечатление. И, кстати, по умолчанию – Синий-1.

Правое плечо упиралось в стену. Левое – в Магне Далена, веснушчатого здоровяка, явно попавшего в Академию по квоте для «фабрики»: выходцев из рабочих кварталов. Дышал он шумно, словно порции восстановленного воздуха, распределенного между ними двенадцатью, было ему мало. Рубен неплохо относился к «фабрике», выбивавшейся в люди именно этим

способом: как правило, заводские ребята обладали здоровой хваткой и добивались многого. Прилив здоровой крови. Надо посмотреть его внимательнее. Читать досье Рубен не стал, потому что парень легко мог заглянуть ему через плечо. Гражданские технологии давно уже позволяли проецировать на сетчатку: хочешь текст, а хочешь – видеодраму; но на военке, где постоянные вибрации, это совершенно исключено. Читаем по-старинке, с экрана. Сделал только пометку: «нестандартный скафандр», и двинулся дальше по списку.

Краем глаза комэск покосился на светловолосых близнецов, пристроившихся в дальнем от него углу отсека. Близнецы – повод для лишней головной боли руководства всегда. Эээ... да он и сам пару раз сдавал «за того парня». Несколько минут Рубен потратил, чтобы научиться отличать «левого» от «правого», плюнул и полез в досье, где в кои веки обнаружилось полезное. Эно Риккен значился как экстраверт, Танно – как интроверт. Подняв глаза, Рубен заметил, что правый говорит, а левый – слушает. Поскольку в течение некоторого времени тенденция сохранялась, комэск решил, что выводы сделаны правильно. Этих – в одно звено. Готовая пара. В мистические связи близнецов Рубен верил не слишком, и если бы того требовала боевая задача, разлучил бы их бестрепетно. А так он решил, что не в его правилах создавать лишнюю нервозность, только чтобы власть показать. Пилоты, вертящие головами от своих ведущих... спасибо, не надо. Хорошо еще, что девушек в армию не берут.

Продолжил бы и дальше, но это в высшей степени полезное занятие прервалось зуммером, предупредившим о выходе из прыжка. Пилоты машинально проверили пристяжные ремни, а кое-кто даже взялся за поручни: генераторы искусственной гравитации на военных транспортных отсутствовали, а флотские байки наполнились до непристойности смешными примерами травматизма в момент выхода и стыковки. Не без сожаления Рубен отключил считыватель. Протестующий грохот крови в барабанных перепонках слился с ревом маневровых двигателей, а сосуды глаз норовили лопнуть от напряжения. Нервы в зубах присоединили свои голоса к воплю отчаяния вибрирующего металлопласта.

И все равно он жалел, что тут нет проекционных экранов. Что из глухого отсека, где пилоты были заперты, как консервы в банке, не видно ни блистающей стены гигантской крепости «Фреки», ни маневрирования, когда шаттл подходит к стыковочному узлу. Впервые Рубен был здесь десять лет назад, подростком, чью карьеру расписали уже на всю жизнь вперед. Они прилетели с отцом на министерской яхте и стояли рядом на обзорной палубе, а «Фреки», серебряный и грозный, простирался в ту и в другую сторону насколько видел глаз. «Вот на это вы и покупаете восторженных детей!» – ехидно сказала мать, оставшаяся в инерционном кресле с видеокнижкой и бутылочкой-непроливашкой со снадобьем против скачковой мигрени.

«Фреки», безусловно, потрясал воображение, но в тот раз Рубен купился не на это, а на честь, оказываемую его отцу высшими офицерами трехкилометрового монстра. Это напоминало теплый свет, в котором позволено было нежиться и ему, пока он никому здесь не подчинялся.

Шутница-память услужливо подставила поверх того давнего эпизода – более свежий. Курсантские учения тут же, на служебных палубах авианосца, отнюдь не таких выставочно-нарядных, где принимали высоких гостей. Пожар в жилом отсеке, разгерметизация палубы G, утечка теплоносителя в реакторе, повреждение кабеля на оружейной платформе... Все, разумеется, одновременно, как и бывает в бою, без какой-либо ориентировки на истечение времени учений и без надежды па совесть командования. Плюс – приходилось выполнять часть работ за товарищей, терявших сознание, а также за тех, кого командование объявляло условно убитыми. Они собирали на себя столько смазки, в смеси с потом превращавшейся в цемент, что становились совершенно неразличимы на лицо. Здесь не было Эстергази. Только буква палубы, код отсека и личный номер расчета. Погоны уравнивают всех.

Корпус шаттла чуть дрогнул и отозвался гулом, когда подсоединился стыковочный рукав. Из-за герметичной двери слышался бодрый шорох: пассажиры соседних отсеков поспешно выбирались из своих коробок. Двенадцать пар глаз в упор буравили лампочку над дверью, пока та не замигала зеленым. Рубен включил магниты подошв, отстегнул ремень и встал, придерживаясь за поручень. Во-первых, сейчас он не поручился бы за координацию, а во-вторых, у него не было привычки шутить с невесомостью. На «Фреки» – искусственная гравитация, а здесь ее нет. Шут ее знает, где она начинается, а устроить симпатичную кучумалу при входе на место дислокации было бы весьма дурной приметой. Не говоря уж о репутации Шельм. Неслетанная эскадрилья... да и насчет комэска иллюзии строить пока рано.

Пилоты суеверны.

Впрочем, кремальера на двери поддалась без малейшей заминки: в случае недопустимого перепада давлений ее блокировало. Даже час в чреве армейского транспортника в качестве живого груза, зависимого от малейшей случайности, и в случае нее – совершенно беспомощного, награждал пилотов некоей клаустрофобией, подстегивающей их оказаться где угодно, но только там, где пространство простирается хотя бы на несколько шагов во все стороны.

– Держитесь плотнее, – тихо сказал Рубен и продублировал приказ, вскинув руку и сжав пальцы в кулак. Магне Дален, шедший следом, ткнулся ему в спину и тихо выругался. Комэск одергивать его не стал.

Служебный причал, на который их высадили, выглядел огромным, даже будучи забит под завязку. Сбившись в кучки по двенадцать и озираясь, пилоты ожидали распоряжений офицера по кадрам. Низкий свод на ничем не замаскированных пласталевых стропилах создавал устойчивое впечатление взгляда изнутри на грудную клетку скелета. Освещение было половинным, тусклым, по одному нему можно было догадаться, что системы «Фреки» выставлены на экономичный режим. Зафиксировавшись на этом, Рубен точно так же определил «половинность» вентиляции, да и температура благодаря работе сервомеханизмов явно была выше, чем обычно. На лицах пилотов выступила испарина. Оставалось надеяться, что жилых отсеков «экономика войны» коснулась в меньшей степени.

Умыться бы.

Поскольку делать было нечего, мысль эта постепенно завладевала сознанием. Глаза чесались зверски. Сосуды па белках выделились практически у всех. Одними только красными глазами Шельмы могли напугать какого угодно врага. Да и остальные не лучше. Вале опустил сумку на пол. Прочие ждали разрешения комэска. Рубен кивнул, с облегчением сбрасывая ремень с плеча. Хорошо бы еще и гравитацию уменьшить наполовину. Шутка. Он прекрасно знал, что в этом случае, вернувшись на планету, будет с трудом таскать свои восемьдесят пять кило.

– «Черные Шельмы»?

Вытянувшись, Рубен козырнул подошедшему офицеру. Взгляд, которым тот скользнул по его именной нашивке, и мимолетная гримаса следом подсказали ему сосредоточиться на обязанностях, обезличившись, насколько то было возможно.

– Лейтенант... Эстергази?! Следуйте за мной.

С энтузиазмом, вызванным сменой обстановки, Шельмы впряглись в свою поклажу и, вытянувшись цепочкой, потопали по коридорам следом за руководством, неуклюже разворачиваясь и прижимаясь к стене, если кто-то попадался навстречу. «Фреки» был

громаден, но не для того, чтобы люди внутри него чувствовали себя удобно. Люди ютились между узлами конструкций, словно авианосец терпел их как досадную необходимость, симбионтов, обслуживающих его огромное прекрасное тело.

- У вас будут сутки на акклиматизацию, - распоряжался по дороге сотрудник кадровой службы, представившийся как командер Брауни. - За это время ваши люди должны ознакомиться с внутренним распорядком базы, а вы - согласовать графики боевых дежурств, тренировок и занятий в тактическом центре, а также разбиться на звенья, если вы не позаботились об этом заранее, и подать заявки на необходимое вам оборудование. В течение ближайших суток вы также получите машины. До тех пор вы причислены к вашей палубной команде и в случае боевой тревоги подчиняетесь ее коменданту. Инструкции будут продублированы на ваш считыватель. Обед у вас в 14-30 в кают-компании палубы Н. Вам все понятно?

- Так точно, командер.

Брауни подарил собеседнику долгий подозрительный взгляд, но Рубен выдержал его с выражением совершенной невинности. В колоне трубчатого коридора Гектор Трине и Ильмо Содд, столкнувшись, застряли. Один из них забыл выключить магниты подошв. Виноватое выражение было на бледной лошадиной физиономии Содда. На лице Брауни мелькнуло легкое презрительное сожаление. Его Рубен тоже аккуратно записал в свою мысленную книжечку.

- Ваш отсек Н-18, - командер Брауни указал рукой на раздвижные двери, прикрывавшие квадратную черную дыру, откуда тянуло нежилым... И похоже, самые худшие предположения насчет вентиляции сбывались. - Вопросы есть, лейтенант?

Рубен посторонился, пропуская эскадрилью мимо себя в жилой отсек. Включился свет, каждый входящий считал своим долгом издать наигранно-возмущенный вопль. Будто никогда не видели армейских подвесных коек в два этажа.

- Да, это не отель «Радуга» в Рейне, - этот командирский тон, без сомнения, принадлежал Улле Ренну. Очень хорошо, профессионально взятый звук. - Ну а чего бы вы хотели?

- Девочек! - пробасил Дален так младенчески-невинно, что против воли заставил Рубена улыбнуться. - И пива!

На следующей по коридору двери на приклеенном пластиковом квадрате черным фломастером были нарисованы скрещенные кинжалы. Дверь полуоткрыта: видимо, совершенно нечем дышать, перебор гитары оттуда, и шум - как от укомплектованной эскадрильи. Соседи. Да не просто соседи - старослужащие.

- Это полный сбор? - спросил Рубен, пользуясь предоставленной возможностью. - «Фреки» укомплектовывают полностью?

- И «Гери» - тоже, - вполголоса ответил ему сведущий в кадровых вопросах Брауни. - Свободных отсеков не будет. Часов через... десять командиров соберут для разъяснения обстановки. Там все узнаете. Устраивайтесь. Отдыхайте.

Офицеры козырнули друг другу на прощание, Брауни торопливо скрылся за поворотом кишки коридора. Привычно наклоняя голову, Рубен шагнул в отсек.

Здесь было ужасно тесно: главным образом потому, что все стояли на ногах, еще не определившись с местами. И вещи свалены грудой на полу, так что и шагу не сделать. Обычный квадратный кубрик, шесть двухъярусных коек - по три у каждой из боковых стен,

небольшой стол, прозванный остряками «фуршетным». Раздвижные панели возле каждого спального места: для барахла. В дальнем конце – дверь в шкаф, где хранятся корабельные скафандры.

Дален уже вовсю возился с климатической установкой, тихонько бранясь сквозь зубы оттого, что устройство не спешило реагировать на колесико настройки. Вынув из кармана складной нож, Магне, не мудрствуя лукаво, открутил винты панельки и по уши залез в переплетение проводов. На взгляд Эстергази – совершенно бессмысленное.

– Я... – сказал он с сомнением в голосе, – командир, вы не возражаете? Я эээ... пока только.

По умолчанию командирская койка всегда располагается на первом ярусе, сразу направо от входа. Место над ней принадлежит ведомому командира. Магне, пока ковырял «вентиляцию», забросил свой саквояж на второй ярус, и теперь застеснялся насчет претензий.

– Да пожалуйста! Эй... ты ее не доломаешь?

– Да никогда в жизни, – Магне ухмыльнулся. – Я знаю все про электричество.

Ренн занял место по диагонали напротив, тоже нижнее, так называемый «угол силы». Правильное место зама. Подобное расположение позволяло им двоим накрывать весь кубрик. Рубен открыл шкафчик, забросил туда сумку и прикосновением ладони задал параметры сенсору-распознавателю. Заодно подключил считыватель в гнездо, чтобы принять рассылку документов, буде та последует.

– Народ, – сказал Рубен, поднятой ладонью требуя внимания. Броуновская толкотня прекратилась. Он специально использован школьное обращение. – Обед у нас по графику в 14-30. До тех пор я принимаю предложения по составу звеньев. Форма одежды – свободная.

– Насколько свободная, командир? – дурашливый вопль из задних рядов. Как будто не попятно, что это Содд. Обращение «народ» подразумевало что-то в этом роде. Когда Рубену потребуется повиновение, он назовет их эскадрилей, и они будут молчать.

– Брюки, – сказал он, – держите застегнутыми. Остальное – на ваше усмотрение.

Все. «Народ» шумно принялся выяснять, кто с кем летать хочет: от распределения по звеньям зависело распределение по койкам. Одним только Риккенам было все ясно. Да может еще Содду с Трине. Делали ставки насчет третьего командира звена. Привычный уровень суеты и деиндивидуализации в той мере, в какой она всегда происходит, когда в одном объеме запирают двенадцать – сперва мальчишек, потом – юношей, и вот уже – мужчин. В конце концов начинаешь либо забывать, что время можно проводить в одиночестве, наслаждаясь книгой, музыкой, фильмом... или вдвоем, ощущая ладонью излучение тепла другого тела, а виском – легкое дыхание, и открытость для твоей нежности, и согласие принять твою страсть... Либо тяготиться службой, получая импульсы отвращения от любой черты армейского быта.

Струя холодного воздуха ударила в комнату буквально рядом с виском комэска. Дален казался довольным и сконфуженным одновременно.

– У соседей чутку меньше дуть стало, – признался он. – Поди-ка тут без их умельца не обошлось. А вот это – чтобы служилось счастливо!

Жестом фокусника Магне продемонстрировал из приоткрытого саквояжа горлышко бутылки «Берсерка». В одно мгновение к ним развернулись все, кто даже спиной стоял. Ренн состроил в

сторону Рубена вопросительную мину, моментально выдавшую его более чем юный возраст. На базе действовал жесточайший сухой закон.

- Пойду, - сказал комэск. - Прогуляюсь.

- Ага, - отозвался непонятливый Дален. - А водочка пока остынет.

* * *

Рубен не думал, что память ему изменяет, но на всякий случай вызвал на коридорной панели электронную схему палубы. Санузел был один, в конце коридора. При половинной загрузке, стандартной для режима патрулирования - даже роскошно. Но если базу укомплектовывают полностью, недостаток будет ощущаться буквально во всем. Начиная с жизненного пространства и кончая кислородом.

Душ, ясное дело, ионный. Но для умывания вода есть всегда, разумеется, если работает гравигенератор. В случае отключения водопровод блокируется. Рубен плеснул на лицо и привычно помассировал. От перегрузок оно немело. Глаза, когда он поднял их к зеркалу, оказались действительно красными. Рубен тщательно, не торопясь, промыл их и расстегнул воротничок. Полегчало. Кровь все еще стучала в висках, на периферии зрения ощущалось чье-то обманчивое присутствие. Психоз учебки? Отрыжка курсантской юности? Весь первый год - драки в умывалке, босиком на разлитой воде. Откуда фонарь? Где зуб? Упал, поскользнулся... Разве что один Кирилл счастливо избежал школы бокса. Никто не был настолько безумен. А вот желающих проверить на прочность миф об Эстергази на всяком курсе находилось больше, чем хотелось бы. Сейчас, по прошествии нескольких лет, забавно было вспоминать себя, сплевывающего кровью, с разбитыми костяшками на обеих руках, и при этом еще убедительно объясняющего Кириллу, что все нормально улажено и едва ли повторится, потому что *им* хватило, и больше *они* не захотят. Императорские кулаки тоже чесались. Кир, которому оставалось только стоять на коленях над его распростертым телом, в луже, натекающей из разбитого умывальника, отчаянно завидовал даже такому проявлению мужества. Любая самая зверская драка прекращалась одним его присутствием. Не говоря уже о появлении в одном комплекте с ним громил-телохранителей. Вмешательство такого рода погубило бы честь их обоих, как понимают ее в пятнадцать лет. Хотя искушение решить дело раз и навсегда было сильным.

Какое странное чувство - быть одному в месте, рассчитанном на многих. Словно в армейском морге.

Тьфу!

Вода убегала в трубу, не закручиваясь. «Фреки» не вращался. Отсиживать тут дольше не имело смысла, тем более - приближался обед. Рубен вытер лицо бумажной салфеткой и выбросил ее в поглотитель. И двинул потихоньку.

Громкие голоса от порога Н-18 заставили комэска Шельм прибавить шагу, однако явление его осталось незамеченным. Дверной проем перегораживали спины, обтянутые черным. Чужие спины, машинально отметил Рубен. Пришлось проталкиваться с помощью локтей.

Его эскадрилья сгрудилась в глубине кубрика, став плотно друг к дружке и выдвинув перед собой Ренна, за которым возвышался мрачный Дален. Рукава у него были засучены, а вот лицо - растерянное. Рядом Гектор Трине якобы незаметно разминал запястья. На нарукавных нашивках гостей виднелась эмблема Кинжалов. Соседи, стало быть. Ну, ежели речь пойдет о вентиляции, и нам есть что сказать...

Перед Шельмами, к двери – спиной, тактически грамотно прикрытой свитой, сидел здоровенный белобрысый парень. Плечи его бугрились такими мышцами, что казалось, будто под куртку ему вложены булыжники. Ренн, конечно, знает, что адекватный ответ на попытку опустить салаг ниже плинтуса должен бы прийти Кинжалу прямо между глаз, но не потянет. Учитывая, что все Шельмы еще испытывают остаточные последствия скачка... Ренн заметил своего комэска первым, невольное облегчение озарило его лицо... и обязывало.

– Слушайте меня, овцы. Нас тут становится слишком много. График жрачки из-за вас уплотнили донельзя, мужикам в кают-компании только присесть – и сразу бежать: ни отдохнуть, ни расслабиться. Жратву тут дают – не обольщайтесь! – все тем же дерьмовым «Сэхримниром» с авторазогревом. Нехай дневальный забирает вашу порцию, а употреблять ее вы можете и здесь. Без ущерба.

– Может, – рывкнул Магне, – вас и в туалет пропускать?

– Может, и придется! – Кинжал-лидер легко перекрыл своим тяжелым басом щенячье твяканье Далена. Экая харизма, невольно восхитился Рубен. – Кинжалы сидят тут вторую смену подряд и, между прочим, не пузо чешут. Мужикам надо расслабляться. Двадцать минут – это только корм за щеку положить!

– Не за наш счет, – Рубен мягко отодвинул Улле в сторону, взял себе табурет и сел напротив. С лица парень оказался впечатляющим альбиносом. «Рейиар Гросс» – значилось на его именной нашивке. И эскадрилья у него стоит плечом к плечу. Слётаны. Спаяны. Один к одному. Неудобных – нет. Команда, о какой сам он мог только мечтать. – Ясное дело, ни объем, ни время не соответствуют ни представлениям о комфорте, ни элементарным физиологическим нормам...

Кинжал-лидер сглотнул и прищурился, явно читая у собеседника на груди. Рубен позволил себе усмехнуться краешком рта. О, «фабрика»!

– ... но я позволю себе прозрачно намекнуть, что Шельмы собираются выполнять все те же самые боевые задачи.

– А! Я-то думал – тебя для рекламы сниматься привезли.

Кинжалы грохнули хохотом, но смолкли, то ли увидев, что шутка комэска не произвела впечатления – сиречь не выбила Эстергази из колеи, то ли опасаясь пропустить ответ. Который не был смешным.

– Я такой же солдат, как и ты, – очень спокойно сказал Рубен. Разница, пожалуй, только в том, что идиотам это приходится доказывать по три раза на дню.

Физиономистика бывает полезна. Шельма-лидер, например, знал, что возвращенный удар люди апоплексического типа воспринимают намного болезненнее, чем прямой. Ну... и что он теперь будет делать с этим знанием? Рейнар Гросс медленно вырастал над столом, опираясь па кулаки и опасно краснея шеей. Совершенно отстраненно Эстергази оценил его превосходство над собой килограммов в пятнадцать. Кинжалы трубят вторую смену без отпуска на планету... Угу. Они считали дни и часы, а их не отпустили. Все сильно осложнено гормонами. Рубен положил ладонь перед собой на стол, медленно раздвинул пальцы. Понятливый Улле потеснился, освобождая пространство. Ни один из комэсков перед лицом своих людей не может осадить назад.

– Вот ты сидишь тут, на орбите, – протянул Гросс. – А между тем твоя девочка внизу, на

планете, утоляет аппетиты с гражданским.

– Ну, – возразил Рубен, с легкостью переступая рубеж, за которым становился «офицером и джентльменом» напоказ, – не все ведь женщины одинаковы! Зачем судить по...

Наверное, это было страшнее, чем лобовая атака. Собственно, это и была самая настоящая лобовая. Центнер разъяренного мяса с ревом, не уступающим работающей дюзе, распластался над столом в горизонтальном лете. Допусти Эстергази, чтобы эти могучие красные ручки сомкнулись на его горле...

Не успели. Отбросив пластиковый табурет, Рубен вскочил на ноги, вставая в пол и успев лишь вскинуть перед собой сжатый кулак, да еще – выставить сустав так, чтобы запястье не хрустнуло от соприкосновения, как сухая ветка.

Грохот... отдача пронзила позвоночный столб... Рубен пошатнулся, испытал сильнейшее желание рухнуть на колени... два плеча немедленно подперли его с боков... секунда тишины на осознание картины Кинжала-лидера, неподвижно лежащего посреди обломков стола, и потом – взрыв! Кинжалы, мешая друг дружке, возмущенно вопили и лезли вперед, Шельмы сомкнулись вокруг Эстергази плечом к плечу.

– Нокаут! – орал Трине, а Содд свистел, как на стадионе. Магне Дален стоял весь красный, а Улле Ренн светился изнутри.

Рубен вскинул разбитую руку, прилюдно демонстрируя отсутствие кастетов и колец: второе святое правило школьных драк. Расталкивая пилотов, в Н-18 прорывалась палубная полиция «Фреки» во главе с командером СБ, громко и красочно угрожавшим всем присутствующим пятью «же» и откачкой воздуха из отсека, если тем покажется мало. Спецназ, сволочи, всегда испытывали садистское удовольствие, когда им выпадал шанс безнаказанно положить офицеров- «летех» – носами в пол. Санитары с носилками остались у дверей.

– Бог ты мой, – сказал эсбэшник, опускаясь на колени, чтобы проверить «бездыханное тело». Поднял лицо. – Быстро! Лейтенант Эстергази, я вынужден взять вас под арест.

Кинжалов вытеснили в коридор. Медтехник просканировал череп и шею пострадавшего на предмет возможных повреждений, диагностировав легкое сотрясение.

– Ваше счастье, лейтенант...

Вопреки этому утверждению Рубен никакого особенного счастья не испытывал.

– Мозга? Да быть не может! – Даже Рубен обернулся. Никак Вале раскрыл рот?

Командер покосился на ехидную Шельму, но, к молчаливому удивлению Эстергази, ничего не ответил. А поди-ка Вале в цель попал.

Гросса перекатали на носилки и выволокли прочь. Рубен сунул Улле свой считыватель.

– Тут инструкции. Коммы закольцуйте друг на друга. По одиночке не ходите. Даже в туалет. Одного быют, другой подмогу вызывает. Ты знаешь...

– Я знаю, – послушно повторил Улле. – Я все сделаю как надо, командир. Съер. Держитесь.

Эсбэшник защелкнул наручники на уцелевшем комэске. Посмотрел сокрушенно – я должен,

понимаете? – вынул из кармана тубик с хирургическим герметиком, небрежно мазнул Рубена по кровоточащим костяшкам. Шипящая пена немедленно застыла желтой пленкой. Ссадину слегка пощипывало, края ее онемели. Из наличия этой штуки в снаряжении палубной полиции следовало сделать какие-то выводы, но в висках стучало, и Рубен подумал, что вполне может отложить это на потом. В конце концов, возможно, вскорости это будут уже не его проблемы.

– Она вас дождется, командир! – дурашливо завопил Дален и, судя по звуку, шлепнул кого-то по рукам. – Без комэска никто не будет! Ну, вы поняли...

Рубен мысленно вознес молитву, чтобы, кроме Шельм, никто не понял. Его ребята встали так плотно, разве что техническим лазером их друг от дружки отрубать. Если бы Кинжалы не наехали, стоило их самим спровоцировать. Не стоит недооценивать Шельм, все они здесь офицеры.

– Всем сдать личное оружие, – негромко приказал чиф палубной полиции. – Да, и Кинжалам тоже! Чтоб впредь неповадно было!

– Но, – слышалось от соседей, – командер, съер!... Военное же положение... боевая тревога...

– Давайте-давайте, – тон командера был почти домашним. – Что вам – зеленых ксеноморфов по палубам гонять? Так и то не ваше дело, коли до палубных боев дойдет.

Рубен, посредством наручников избавленный от обязанности тянуться «смирно», прислонился спиной к стене. Надо выяснить, может, это рекорд: оказаться разжалованным спустя – час? – после прибытия. Вообще-то он ничего не имел против того, чтобы сбегать головные боли Улле. И был бы даже рад забыть о существовании эскадрильи, для которой командир – и мама, и папа, и нянюшка, а Ренну оказал бы любую посильную помощь. Главным образом психологическую: в адъютантуре меньше летали, основную массу времени уделяя тактическим разработкам с участием различных родов войск, а также – навыкам работы с людьми. Каковой навык он только что с блеском продемонстрировал. Рука болела зверски.

* * *

Капитан Тремонт, командир летной части «Фреки», сосредоточенно разглядывал царапины на пластформинге стола. В сторону монитора он не смотрел намеренно, с упрямством человека, решительно запретившего себе мысли о белой обезьяне. Краун, чиф соединения по кадрам, тоже в капитанском чине, стоя вполборота, программировал кофейный аппарат.

– Мне тоже сделайте, Ланс, – попросил Тремонт. – Что у нас, опять неуставные?

Краун, сосредоточенно подхватив два пластиковых стаканчика, ответил не сразу, а только завершив траекторию от аппарата к столу.

– Черепно-мозговая, – лаконично сказал он. – Опять.

– Мать Безумия, – устало выговорил Тремонт. – По существу не начали еще воевать, а уже имеем дело с тяжкими телесными. Опять Гросс?

– А то кто же, – усмехнулся Краун. – Любите вы его сверх меры. Вот он меры и не знает.

– Гросс – прекрасный пилот и командир. И агрессивность его работает в конечном итоге на боевой дух эскадрильи.

- Если только эта агрессивность доживет до столкновения с реальным противником. - заметил в воздух Краун. - Кинжалы решились проверить на прочность Черных Шельм. Комэски сцепились. Картина, смею заверить, была впечатляющей. На сегодняшний день у пас обезглавлены две эскадрильи. Один лежит, второй - сидит. Неужели станете оспаривать, что у Кинжалов с дисциплиной туго?

Тремонт не ответил, поскольку как раз подносил к губам благоухающий напиток.

- Ммм, - произнес он, и только через минуту: - как вы это делаете?

- Специи, - пояснил Краун. - Соль, перец и гвоздика. Плюс вода привозная, с планеты, не ректифицированная. Пришлось научиться - секретарши мне не положено. А моего адъютанта Айзека стряпать и близко подпускать нельзя.

- Зато с каким нетерпением ждет вашего возвращения с небес леди Лаура.

- О да, - Краун усмехнулся, снимая пробу со своей чашки. - Надеюсь.

- Кинжалы блестяще выполняют поставленные задачи, и не в последнюю очередь - благодаря Гроссу. На его счету уже имеются сбитые машины противника. Мы можем устанавливать для них какие угодно правила, напичкивать жилые отсеки камерами слежения, налагать сотни взысканий на каждый незначительный шаг в сторону, но в конечном итоге с эскадрилей нянчиться ее командир. Именно он заставляет двенадцать различных темпераментов, образований, жизненных установок и предпочтений стрелять в одну сторону. Вы же знаете, Ланс, на флоте только два настоящих начальника: главнокомандующий и комэск. Первый отдает приказ, второй - ведет в бой. Остальные - читайте, мы с вами! - так, детализацией приказа занимаются. Разумеется, ваше право выйти с инцидентом на вице-адмирала. Я не могу его снять. Считайте - не хочу. Это моя компетенция.

- Как моя - порядок на базе, - вздохнул Краун. - Гросс наносит вам больший ущерб, чем открытые военные действия.

- Когда начнутся военные - он себя покажет, будьте уверены, Ланс. Стоит только переопределить ему цель.

Краун неопределенно пожал плечами.

- Едва ли из этого инцидента вы вытащите его с привычной легкостью. Дело пахнет показательным трибуналом. Черные Шельмы прибыли на «Фреки» под командованием Эстергази.

- Мать Безззумия! - повторил Тремонт, на этот раз - куда с более сильным чувством. - Того самого? Золотого мальчика? Сына и внука? Ланс, вы могли предупредить сразу? Вы хотите бросить меня разбираться с министром?

- Сломанные пальцы Ланчестера, - меланхолично произнес начальник кадровой службы. - Вывихнутая челюсть Граммона. Разве я вас не предупреждал, что Гросс в конце концов нарвется?

- Я ему сам голову проломлю! - на лице Тремонта возникла гримаса откровенного отчаяния. - Но я его не сниму, слышите? Не в этой ситуации. Шельмы - юнцы чуть старше двадцати, энсины последнего выпуска, и пока неизвестно, чем они могут стать, а Кинжалы летают вместе уже три года. Ими я не пожертвую. Они у меня - эскадрилья номер один. Мы поощряем

драчливость мальчишек в Учебке, и было бы элементарным ханжеством менять политику сейчас, под конкретное... лицо. Если понадобится, я повторю это и вице-адмиралу, и самому министру...

Ланселот Краун поднял глаза к потолку. На щеках Тремонта проступили пятна.

- Да-да, Винсент. Они одного выпуска, и друзья, как я слышал. Один у другого ведомым летал. Догадайтесь: у кого - кто.

- У меня - война, - упрямым шепотом повторил Тремонт. Мне важен дух, с каким пилоты поднимут машины в бой. Им умирать. Ни ради каких папочек я не разжалую авторитетного комэска, доколе это от меня зависит. Наступает время, когда это становится важным. Давайте его сюда!

Краун нажал кнопку, дверь отъехала, порог переступил статный плечистый парень в форме без поясного ремня и с расстегнутым воротничком. Взгляд Тремонта метнулся к его скованным запястьям, словно желая убедиться, что перед ним именно тот человек, которого, собственно, ему тут обещали. Ноздри арестованного чуть дрогнули от прикосновения аромата кофе.

- А Гросс... где? - не удержался командир летной части с отвратительным чувством, что он смешон.

- Гросс в медотсеке с легким сотрясением. Ничего такого, что помешает ему через два дня по-прежнему задиаться и хвастаться. Позвольте представить: лейтенант Эстергази, прибыл для прохождения службы. Прошу, так сказать, любить его и жаловать.

Вопиющее нарушение процедуры представления командованию: непосредственному начальству лейтенант должен был рапортовать сам, однако в течение нескольких секунд Тремонт был настолько ошеломлен, что простил приятелю это мелкое издевательство, тем более, что лицо Эстергази оставалось совершенно каменным.

- Что вы можете сказать в свое оправдание? - только и спросил он.

Лейтенант стоял настолько «смирно», насколько мог.

- Только одно, капитан, сэр. Я не был уверен, что это сработает.

- Не могу поверить, чтобы у вас не было иного выхода!

Краун, отошедший чуть за спину Эстергази, прикрыл кулаком усмехающийся рот.

- Никак нет, сэр. На карту была поставлена моя честь офицера и боевой дух моей эскадрильи. Шельмы не слетаны, и первый шаг здесь чрезвычайно важен. Мы не могли позволить себе на первом же шаге обзавестись репутацией эскадрильи, которая пропускает прочих... вперед.

- Ладно! - рявкнул Тремонт. - Свободны!

- Сэр?

- Я сказал - вы свободны, лейтенант! Идите и занимайтесь своей эскадрильей! Потрудитесь только в следующий раз - насколько я знаю Гросса, он вам этот следующий раз предоставит! - избрать для утверждения своего статуса более дипломатичные способы!

Краун, придерживав Эстергази за локоть, отомкнул наручники.

- Слушаюсь, сэр!

- Вольно!

Лейтенант растворился одномоментно, как выключенная голограмма. Разве что характерного звука не последовало, с каким на его месте схлопнулся вакуум. Тремонт выглядел удрученным.

- Какая злая судьба распределила мне эту... девичью грозу?

- Винсент, - хмыкнул Краун, - вы бы посмотрели запись, а? Тореро и бык. Перед вами только что стоял комэск, который оказался более *авторитетным*. В подтверждение всех ваших теорий.

- Эстергази, - выдохнул Тремонт. - В каждом из них спит черт. Я летал с Харальдом! Таки да, за штурвалом они теряют всякую скромность.

- Ну так вы не станете отрицать, что летать они умеют... ласково? В любом случае: разве Эстергази - ваша главная забота? Выдержанный парень, достаточно умный, чтобы... лишнего ума не показывать. На самом деле могло быть много хуже, не переведи он стычку в разряд «один на один». Не офицер даже - чистая идея офицера. Можно сказать - платоновская.

- Эта ваша «платоновская идея» при своих благоприятных обстоятельствах моментально поднимется до моего места. Но вы правы, Ланс. В результате вашей... невинной шутки... я имею теперь две эскадрильи па ножах. Будьте любезны, попросите Синклера присоединиться к нам.

* * *

...и бесстрашие -

слово не для вин, а

страсть - не слово для веселья.

Башня Рован

Магне, пребывая в превосходном настроении, хлопотал на коленях под соседней койкой: опытным путем определенное место, куда гарантированно не доставала камера слежения. Все мы были тут стажерами когда-то. Из-под койки призывно булькало, а стопочки-наперстки Шельмы с привычной ловкостью укрывали в ладонях. Восторженный рев, вызванный скорым освобождением комэска, уже отгремел, Улле Ренн пробрался между койками в угол к Рубену. В одной руке он держал командирский считыватель, в другой - пачку армейских консервов фирмы «Сэхримнир», как привычно шутили во флоте, многоразового использования. Рубен посмотрел на одно, на другое, рецепторы еще трепетали, возбужденные ароматом элитного кофе, и хотя он уже не помнил, когда ел - ах да, романтический ужин при свечах в Тавире, где романтики вышло намного больше, чем, собственно, ужина! - «Сэхримнир» не вдохновлял. Посему протянул руку и выбрал считыватель. Прилежный зам скачал инструкции и проставил всюду метку об ознакомлении. Ничего нового. Ничего - срочного. Машины еще не пришли, брифинг для младшего командирского состава - через четыре часа. Ничего не попишешь. «Сэхримнир»!

Авторазогрев включался, когда сдирали обертку. Остывая, армейский рацион превращался в

упругий брусок протеиново-углеводной массы, на вкус – резиновый, а на вид – ноздреватый. Обратить его агрегатное состояние не удавалось никому, хотя пилотами такие попытки предпринимались постоянно. В комплект также входили пластиковые вилка и нож: настолько же неудобные в использовании, насколько ненавистен среди «человеко-единиц» был сам продукт. Во всяком случае, тема разнообразных терактов против сотрудников и владельцев фирмы обычно была у пилотов на втором месте после «женской». Случалось, и сам Рубен мстительно мечтал о возможности пройти на бреющем над производственным комплексом, ураганным огнем прижимая персонал к земле, и о хорошенькой такой маленькой протонной торпеде в самый центр их адской кухни. Поговаривали также, невзирая на все официальные опровержения, что в фарш добавляют «кое-что». Лучшее, что можно было сделать в процессе поглощения – попытаться отвлечься на что-то важное.

– Я подал заявку на тренажеры, – сообщил Улле, – и на спортзал. Вот наше время.

Рубен кивнул, сосредоточенно жуя.

– Но звенья распределять без вас – не решился.

– Есть у тебя пожелания?

Улле пожал острыми плечами.

– Все равно, в общем. Трине хорош. Бента Вангелис – зверь просто. Вот кого бы я не хотел, так это – Вале.

– Он в самом деле так плох?

– Ну, – замаялся зам. – Он зубрила, и куража у него нет. Он хорошо знает, как надо. Вплоть до номера страницы и параграфа из пятнадцати слов. Командир, вот идет па вас звено в перпендикуляре, с двух часов... что вы сделаете?

Рубен, оторвавшись от консервы, сжал вилку в кулаке, дернул, чуть повернул.

– Потом – стрелять. Можно иначе?

Улле кивнул с улыбкой. Значок «лучшего пилота выпуска» хвастливо горел на его груди. Энсин из хорошей семьи.

– О чем вы думали?

Рубен хмыкнул.

– Да ни о чем. Разве ж я помню, как там надо?

– Тот, кто хорошо летает, всегда летает... неправильно, да?

– Если хорошо, с чего ты взял, что неправильно? Будет время свободное – попробуем в тактическом? На полную?

Улле вспыхнул.

– Большая честь для меня... съер!

– Съер! – физиономия выросшего перед ними Далена так светилась, словно это он побил

Рейнара Гросса и ему за это ничего не было. – А попрошу и вас оказать нам честь. Для промывки, так сказать, оптической оси.

Стаканчик из его лапищи был теплый, да и жидкости в нем плескалось – полтора глотка. Ренн принял свой с выражением испуга на лице.

– Это, – шепнул он, – обязательно?

– Ага, – пришлось незаметно подтолкнуть его локтем. – Мелкие грешки по достойному поводу можно и спустить. И покрыть. И даже иной раз разделить. Эскадрилья должна быть спаянной.

– Споенной, вы хотите сказать?

– Спевшейся, короче. Чтоб не спечься. Ладно! Чтоб служилось!

Глотнули одновременно, Рубен с усилием протолкнул сквозь сжавшееся горло комок огня, а Улле закашлялся, сложившись пополам, покраснев лицом и брызнув слезами.

– Я, – выдохнул он, – никогда...

– ...ничего крепче диет-колы! – поддразнил его Трине. – Эй, Дален, да она паленая!

– Фига ли! – взвился рыжий. – Настоянная – это да! Где это вы видели паленого «Берсерка»?

– На чем, на чем настоящая? На плесени? – Содд весьма показательно зашел на цель с другого фланга.

– На перце! Мать Безумия, что эти дети понимают в доброй водке? Командир, рассудите!

– Э... Магне! С чего ты взял, будто я разбираюсь в водке?

Двенадцать человек разместились на двух койках, в два этажа. Чьи-то головы свешивались вниз. Улле забился в угол, его явно лучше не трогать. Рубен ощутил что-то вроде легкого раскаяния: в конце концов, порция им досталась одинаковая, а он был в полтора раза крупнее своего зама. И то по жилам бежал жар, и хотелось... ага, летать.

Магне Дален, опираясь локтями на обе верхние койки, изобразил лицом обиду, которой на самом деле не было.

– Съер! – проникновенно сказал он, – Я не верю и не поверю никогда, что и вы – никогда – ничего крепче диет-колы!

– Наш комэск – самый крутой! – хором проорала эскадрилья.

Отрепетировали, дети Хель! Рубен не заметил даже, кто подал знак.

– Ладно, – он поднял ладони. – На планете с меня – бутылка «Кракена».

Он сделал паузу, чтобы позволить беспрепятственно пронестись по отсеку благоговейному "о"!

– Пока расскажу на словах. «Кракен» – это алый жар, идущий из глотка. Сперва ты раскаляешься, потом становишься стеклянным и начинаешь пропускать свет наружу. Алые лучи распространяются вокруг тебя... Лучше всего их видно при свечах.

- Видал я, сколько стоит такой коньячок, - протянул Содд. - Нешто - правда?

- И думаю, будет излишне добавить, что пить «Кракен» лучше не в одиночку. Звезд должно быть две.

Шельмы вздохнули единой грудью. Рубен убрал ногу, сойдя со скользкой темы. Совсем скоро, несмотря на весь пресловутый сэхримнирский бром, ребята превратятся в порох. Не хватало самому поджигать.

- Давайте-ка на звенья поделимся, - сказал он. - Пожелания я видел и учел. Ну и поменяться время есть. Красные: Эстергази...

Против воли он сделал паузу, которую сам посчитал картинной. В тишине слышно было дыхание двенадцати человек.

- Дален.

Маше взвыл от восторга, мгновенно став пунцовым и получив кулаком по спине в качестве поздравления.

- Вангелис. - Стройный темноволосый юноша, из тех, кого проще убить, чем добиться слова вслух, порозовев, кивнул. Физиономистика, исходя из низких бровей отнесла его к «охотникам» - и страстным!

- И, - «прости, мама, пусть это будет моя спина!», - Вале.

Иоханнес, стоявший чуть поодаль, опершись плечом о стойку и каким-то совершенно непонятным образом опять отделивший себя от плотного кружка раскрасневшихся Шельм, почему-то тоже изменился в лице. Вангелис поглядел на него с заметным неодобрением.

- Да, - выговорил Вале, - слушаюсь, командир... сьер.

- Синие: Ренн, Кампана, Трине, Содд. Серые: Риккен Эно, Риккен Танно, Шервуд, Йодль. Командиры звеньев названы первыми. Разбивку на пары оставляю в компетенции звеньевых. Вопросы?

Вопросов не нашлось, по крайней мере - заданных вслух. Все явно рады были, что момент остался позади. Особенно братья Риккены. Звено Ренна тоже казалось довольным. Магне цвел и явно не собирался убирать саквояж с. койки командирского ведомого. Вале выглядел угодившим в ловушку, смысла которой пока не понимал.

- Рад, что вам все ясно. Занятиями по тактике не пренебрегать. Каждый должен уметь в случае необходимости заменить командира звена. Каждый командир звена должен уметь заменить меня.

Да. Мы собрались здесь не водочки выпить тайком от высшего командования и не полетать вволю, испытывая лучшую технику в мире. Шельмы на миг замолкли, осознавая, о чем именно напомнил им комэск.

- Тогда, - Рубен выпростался со своего места, - все - в спортзал.

Народ, как и ожидалось, взвыл, в том смысле, что хорошо сидели. Пришлось назвать Шельм эскадрилей и стоять у выхода, пока притворы с несчастными лицами ковыляли мимо. Вале

шествовал последним, Рубен тронул его за рукав.

– Задержись.

– Слушаюсь, милорд.

– Командир, – поправил его Рубен. – Или – сьер. Определимся?

– Да... сьер.

Психологических дисциплин, какими накачивали будущих командиров в адъютантуре, оказалось достаточно, чтобы уловить, с каким напряжением даются пилоту казенные флотские обращения, такие естественные для самого Рубена Эстергази.

– Вы – лучший пилот своего выпуска, сьер. И еще про вас говорят, что вы – лучший пилот Зиглинды. В эскадрилье каждый летает лучше меня. Зачем вы меня к себе взяли?

– Я бы тебя вообще в эскадрилью не взял, – жестко сказал Рубен. – Пока ты показываешь этот результат, в первом звене – три пилота. Вот что я тебе скажу: время в тактическом центре расписано между эскадрильями. Но некоторые... особенно крутые... пренебрегают занятиями. Так вот: есть там свободная кабина – в ней сидишь ты. Каждый день я тебя проверяю, пока не увижу, что гарантированно держишься на хвосте. В бою я на тебя оглядываться не стану. Без причины вышел из боя – отвечаешь. Отправить тебя вниз я не могу, даже если ты выразишь встречное желание. Разве что договоришься перейти в другую эскадрилью. Или я обменяю тебя на другого пилота по прибытии резерва. Но тогда ты не будешь знать, с кем летать придется. Тебе это надо?

– Нет... командир, сьер. В другой эскадрилье будет хуже. Я... эээ... отдаю себе отчет. Сьер.

Да уж, вам с Гроссом друг дружки не пожелаешь. Вдобавок и ощущение от самого себя осталось мерзковатое. Что ж, комэск, никто не обещал, что будет легко.

* * *

Спортзал палубы Н оправдывал ожидания и превосходил их. На нем не экономили. Тут имелся в наличии даже угол для борьбы в невесомости, где обычно отрабатывала навыки группа палубной пехоты. Сочетание мордобоя, самбо и сложного пространственного ориентирования представлялось совершенно бессмысленным для пилотов одноместных истребителей, однако среди однокурсников Рубену довольно часто попадались фанатики именно этого вида спорта.

Сейчас ему, в сущности, было все равно. Он притащил сюда Шельм, чтобы выгнать алкоголь и отчасти – чтобы свести к минимуму риск внезапной проверки вышестоящим начальством. Едва ли кто догадается лепить пластырь на руку офицеру, увлеченно скачущему по рингу в боксерских перчатках. А некоторая неуверенность в движениях вполне списывается на пропущенные удары.

На ринг отправились братишки Риккены, в спарринге производившее впечатление чудика, боксирующего с отражением в зеркале, и Йодль с Шервудом. Первый, приземистый и некрасивый малый, явно оказался твердым орешком. Ренн, зацепившись носками за «шведскую стенку», монотонно, с закрытыми глазами, качал пресс. Трине уже дважды бросил Содда через бедро, и сейчас приятели громко выясняли, кто из них не имеет понятия о правилах греко-римской борьбы. Вале встал на голову. При виде его мускулатуры Рубену захотелось отменить свое распоряжение насчет тактического центра, и на все свободное

личное время определить того в спортзал. Ну не должен офицер так выглядеть! Бента Вангелис крутился на разновысоких брусьях, Сандро Кампана, смуглый, с проколотым ухом, оседлав гимнастического «коня», махал ногами, точно циркулем. Каждый подобрал уровень гравитации себе по вкусу. Дален повис па кольцах, искупая неумение энтузиазмом. Эээ... я и сам хотел, ну да ладно. Стоило бы дать Магне пару советов... но не сейчас. Убедившись, что Шельмы заняты и, мало того, представляют собой картинку, отрадную для командирского ока любого ранга, Рубен выставил на тренировочном поясе персонал-грава излюбленные 1,2 и подпрыгнул, ухватившись за перекладину. Закрытые глаза и «ракушка», откуда прямо в ухо наливался хорал Домского собора, неуклонно возносящийся в небеса, отсекали его от стальной резонирующей коробки зала, словно комэск опустил блистер машины и пока еще не включил связь. Пет никакой эскадрильи. Наедине с собой, и только бог задумчиво – а может, иронично? – наблюдает со стороны.

Музыка задавала ритм сердцу и сокращениям мышц, а также – строй мыслям.

«Мама, что такое бог?»

«Бог, – ответил отец, как всегда приходя на помощь по одному растерянному взгляду Адретт, – это нечто вроде тральщика, сын. Он вытаскивает из гиперпространства твою бестелесную душу».

* * *

Штатный офицер-психоаналитик «Фреки», переступивший порог кабинета Тремонта, выглядел ухоженным и подтянутым, но ни командиру летной части, ни начальнику кадровой службы и в голову не пришло бы применить к нему определение «платоновской идеи офицера». Белокурая бородка свидетельствовала, что у Клайва Эйнара Синклера достаточно времени на ее содержание. Обычная утренняя процедура подразумевала пригоршню депилятора, небрежно размазанную по физиономии. Дураков среди тех, кого в любой момент могли поднять по боевой тревоге, не было. Чесать колючую щетину под респиратором, а паче того – внутри герметичного шлема совершенно невозможно, точно так же, как невозможно эту чесотку игнорировать. Впрочем, лично Синклера не касалась никакая боевая тревога. Его даже в спортзале никто никогда не видел. Тайнства его специализации хранились на персональном компьютере в кабинете-каюте, и Краун с величайшей неохотой предоставлял психоаналитику доступ к своей драгоценной базе кадров.

– Я признаю наличие проблемы, – заявил Синклер, сядя перед Тремонтом. – И раз уж мы не в состоянии отпустить пилотов вниз, к семьям, предлагаю решать ее медикаментозно. С течением времени агрессивность будет только нарастать.

– Ожидается, что в самом скором времени агрессивность найдет естественный выход, – буркнул Тремонт. – Мне нужны злые летуны, а не индифферентные... пофигисты-импотенты,

– Помилуйте, полковник, кто тут говорит об импотенции? Всего лишь временное понижение уровня тестостерона. Естественный гормональный фон восстанавливается по окончании приема препарата.

– Угу. Так написано на упаковке.

– А что, – вмешался Краун, – брома в консервах уже недостаточно?

– Нет в «Сэхримнире» никакого брома. Медицинский анализ крови не показывает наличия посторонних примесей.

Сдержанное недоверие на лицах обоих офицеров ничуть не смутило Синклера.

- А кроме того, разве приближенная к императору верхушка допустила бы бесконтрольное и массовое применение медпрепарата? Учитывая, что их сыновья служат поголовно?

Тремонт и Краун непроизвольно переглянулись.

- К тому же я, разумеется, не могу одобрить применение унифицированных норм к разным физическим кондициям. То, чего тот же Гросс даже не заметит, на пареньке ростом метр семьдесят действительно скажется самым фатальным образом.

- Что вы предлагаете?

- Таблетки.

- Клайв Эйнар, - осторожно сказал Краун. - Не сочтите за оскорбление, но нам действительно крайне важно найти адекватное решение... проблемы. Могли бы вы ответить искренне на интимный вопрос? Клянусь офицерской честью, дальше нас информация не уйдет. Вы сами... принимали когда-нибудь подобные препараты?

- А как же, - отвечивал Синклер, настолько невозмутимо, что оба командира почувствовали себя весьма неловко.

- И... как ваше самочувствие?

- Вполне, знаете ли, - голубые глаза Синклера были сама безмятежность. - Никаких неудобств. В любой момент я готов исполнять служебные обязанности.

Тремонт поморщился, как будто откровенно предпочитал «некоторые неудобства» полному спокойствию собственной мужской натуры.

- А как давать? - Это Краун. - Пилоты откажутся принимать... это. Голову кладу. Причем именно те, кому сильнее надо.

- Включить гормональный тест в программу еженедельного медицинского обследования и соответственно нивелировать. Тут же, не выходя из медотсека. С доктором не спорят.

- Винсент?

- Я вообще против. Есть спортзал.

- И при наличии спортзала - есть Гросс и иже с ним, - подчеркнул Синклер. - Вы - командование, стало быть, имеете право регулировать быт базы приказным порядком. В ближайшие дни на базе будет пятнадцать тысяч молодых мужчин. Отнюдь не все они - образцы высокой индивидуальной культуры. Станете уповать на «естественный выход агрессивности половозрелых самцов», получите еще полдесятка травм, которые выведут из строя ваших «злых летунов». Причем не факт, что самых бесперспективных. Я вообще удивляюсь, что у вас до сих пор не дошло до сексуального насилия. Пилоты еще туда-сюда, они заняты постоянно: тренажеры, лекции, зачеты, новая техника... А вот видели бы вы десантников! Этим практически нечего делать, только спортзал...

- Винсент, мы получим бунт на базе, если попытаемся провернуть эту акцию принудительно.

- Принудительно - ни в коем случае, - хмуро согласился Тремонт. - Разве на младших командиров переложить?

- А физиологическая база стабилизируется от одного уважения, - хихикнул Синклер. - Господа, напомните, какая эскадрилья у вас самая проблемная? Не Кинжалы? Я просто вижу их комэска, послушно и по собственной инициативе заправляющего колеса водичкой.

- Гроссу можно накачать эту штуку через капельницу - не вопрос. Стоит ли выходить с этой инициативой на вице-адмирала?

- Послушайте меня, Винсент, и вы, Клайв Эйнар, - вмешался Краун. - Вице-адмирал обратится за разрешением к Императору, а Император - молодой мужчина и военный пилот. Разрешения не будет. Это совершенно бессмысленно. И мы не можем действовать в таком деле на свой страх и риск. Представляете, какого уровня вырастет обвинение, если окажется, что препарат снижает... боевые качества? А если найдется повод поставить это нам в вину? Ничего, кроме грубых шуток, из этого не последует, а авторитет мы потеряем. Комэски, я думаю, тоже харизмой не рискнут. Нагрузите их до темноты в глазах. Увеличьте число учебных вылетов для пилотов. Объявите чемпионат по боксу для десантников. Отключите камеры в жилых отсеках и умывалках по всей авиабазе. А за «гримасы» пусть отвечают комэски. Головой.

* * *

Исходя из «Старшей Эдды»

по приметам в небесах

Рагнарек уже идет четвертый день.

Башня Рован

Отвесив десяток дружелюбных шлепков и столько же приняв на спину от пилотов своего выпуска, Рубен протолкался в конференц-зал, где через десять минут должен был состояться брифинг для младших командиров. Пошарил глазами, отыскивая себе местечко по возможности с краю: офицеру его роста приветствовать высшее командование вставанием из-за «парты», рассчитанной на лилипута, со стороны казалось нелепо, а чувствовалось и вовсе унижительно.

Расселись амфитеатром, поэскадронно: «ударники» - справа, истребители - слева. Командиры десантных взводов, имевшие репутацию «бесконтрольно буйных», по своему обыкновению расположились на галерке. Гигантский монитор на три скругленные стены был пока погашен. Протискиваясь к своим, Рубен заметил двух эсбэшников, бдивших за порядком в зале. И хотя никто не говорил в полный голос, гул от без малого сотни человек стоял почти вещественный.

- Руб, привет! Иди сюда, к нам!

Он кивнул и начал протискиваться к однокашнику, возглавлявшему нынче Драконов Зари. Группка пилотов вокруг того развернулась в сторону Эстергази, на некоторое время прервав общий разговор.

- Слухом земля полнится, - значительно произнес кто-то вслед. - Первый кулак тверже головы Большого Гросса. Овации подразумеваются... но неофициально.

Заместитель Гросса, мрачнее тучи, без приветствия протиснулся рядом, демонстративно предполагая найти себе местечко подальше. Ну и доброй ему дороги, кому он тут нужен.

- Я слышал, Эстергази, ты раскатывал губу на Кади, моего пилота.

Рубен помотал головой.

- Шельмы укомплектованы, оставь свой страх, приятель.

- Намерен сделать из своей статистической выборки образцовую эскадрилью?

- Ну, помешай мне!

Пилоты посмеялись. Тем временем подтянулись комэски Баньши и Молний.

- Руб, а я тебя на балу не видел.

- Я его видел, - хмыкнул Дракон. - Абсолютный рекорд по скорости сбега с официального мероприятия, я полагаю... Для какой кондиционной девочки Шельма получал плащ в гардеробе! Леди до кончиков ногтей... на ногах.

- Кстати, зря поспешил. Там после весело было.

- Из чего я заключаю, что и Кириллу было весело. Иначе вы бы иначе мероприятие вспоминали.

- Угу. А ты свинтил с такой скоростью, надо думать, чтобы Кир тебя с барышней не?...

- Да видел он нас! И, народ... увольте меня от издевательств над величеством.

- Тогда ты прогадал. Стюардессочки были - прелесть. Живые огоньки, то, что доктор прописал. Леди... с ней же говорить о чем-то!...

- Руб, о чем ты с ней говорил?

- О классической музыке, - невозмутимо ответил Эстергази.

- Но ты-то хоть свободным ушел? А то вот Гринлоу позволил себя окрутить!

- Это вы от зависти, - воскликнул, розовея, комэск Молний. - Ржете, жеребцы здоровые, а между тем сердце мое сдано на хранение на планету.

- Ладно, что не старые больные клячи.

- Смирно!

Молодые офицеры, живо повскакали с мест, разом оборвав дружеские подначки: курсантские навыки были еще живы. Командиры чинами повыше, сидевшие ближе к кафедре, поднялись без спешки. За вице-адмиралом Эреншельдом, полным краснолицым мужчиной, по слову которого на «Фреки» вертелось буквально все, трусила свита адъютантов со считывателями. Первый ряд, традиционно отводимый докладчикам, занимали флотские аналитики: нестроевых возрастов и комплекций, один даже в очках. Что выглядело скорее антикварным шиком, чем необходимостью: не было такой операции, какую не обеспечил бы своему служащему военный флот.

- Здравия желаю, господа, - вице-адмирал прищурился на группу младших командиров и удовлетворенно кивнул, когда они бодро отлаивали по Уставу. - Прошу садиться. Я отниму у вас некоторое время.

По знаку Эреншельда адъютант прикосновением световой указки зажег монитор.

- Несколько слов по истории конфликта. Несколько суток назад патрульным крейсером «Глаз» был обнаружен корабль, по размеру и вооружению приблизительно относимый к классу рейдеров, несущий неправильные опознавательные огни.

На мониторе, обозначенная по контуру зеленой светящейся линией, медленно вращалась модель чужого рейдера. Пилоты, все как один, непроизвольно подались "перед, пожирая его глазами.

- Ни о каких наших рейдерах в этом секторе командованию «Глаза» не было известно. Забегая вперед скажу - их и быть тут не могло! И световые сигналы, и радиовыводы, обращенные к гостю, остались без ответа. Рейдер следовал своим курсом, в глубь системы. «Глаз» попытался перехватить его, в ответ па каковой маневр неизвестный попытался уйти в прыжок. Командир «Глаза» посчитал необходимым уничтожить его прежде, чем рейдер окажется вне пределов досягаемости.

- Лично я принял бы аналогичное решение, - сказал Эреншельд в гробовой тишине. - И посчитал бы его героическим, учитывая превосходство противника в огневой мощи.

Естественно. Теперь уже слишком поздно расписываться в глупости.

Рубен никак не мог оторвать глаз от чужого корабля, вальсирующего на демонстрационном мониторе. Как всякий выпускник Академии, он мог распознать корабль, произведенный на верфях Новой Надежды, и никогда не перепутал бы его с продуктом Земель Обетованных, даже если оба принадлежали к одному классу. Все не то. Суда серийного производства, отличаясь по конструктивным особенностям и дизайну, были... красивы. Фирмы-разработчики блюли стиль, отвечающий, как правило, человеческому восприятию прекрасного. Формы их были как будто вычерчены музыкой Баха: лаконичны, функциональны, но еще - обтекаемо-стремительны. Не говоря уже о технике отечественного производства. Глаз обегал ее, лаская, и зацепиться не мог. Поток мелодии без слов.

И - к слову! - имея бесспорную возможность производить собственную технику, и Земли, и Надежда предпочитали более дорогую, с клеймом Зиглинды.

Чужой рейдер был уродлив. И не в одних грубо приклепанных заплатах тут виделось дело. Орудийные башни - если это, конечно, были башни - выглядели слишком тяжелыми для хищного элегантного корпуса, способного, кажется, нырнуть в игольное ушко. Квадратные элементы раздражающе контрастировали с овальными обводами дюз и легко узнаваемых прыжковых двигателей Брауна-Шварца. Желание убрать лишнее становилось все сильнее, пока Эстергази не поддавался искушению. Разумеется, мысленно. И ахнул, едва сдержавшись, чтобы не сделать это вслух.

Само собой, аналитики сидят тут не даром. У них было несколько суток на то, что бросилось ему в глаза после минуты почти бездумного наблюдения. У них - системы распознавания образов, базы данных, миллиарды операций в секунду... Это, в конце концов, просто их работа. Как его работа - летать и стрелять. К слову: проносись он на истребителе над этим чудовищем, сосредоточившись па прицеле, едва ли пришла бы в голову безумная мысль просто ободрать с него лишнее.

– Мы не считаем, что чужой корабль нуждался в экстренной помощи или же заблудился, сбившись с курса из-за отказа систем, – тем временем продолжил вице-адмирал. – В противном случае его экипаж принял бы помощь. Предпринятая им попытка к бегству, невзирая на очевидное превосходство в боевой мощи, свидетельствует о том, что миссия его была либо шпионской или диверсантаской... Либо – провокационной. Иначе говоря, рейдер хотел, чтобы его уничтожили. Об инциденте было немедленно доложено Императору. Сразу же, в соответствии с нормами галактического права, пресс-служба Империи оповестила правительства Новой Надежды и Земель Обетованных. Как и следовало ожидать, – голос вице-адмирала преисполнился яда, – в оговоренный период не прекращалась связь ни с одним из их кораблей.

– Впоследствии, – голос командующего вновь обрел официальную твердость, – мы имели в доверенном нам секторе несколько неупорядоченных десантов столь же... неопределенной принадлежности. Далеко не все из них закончились для нас бескровно. Мы потеряли крейсер «Седой» и пять из семи сопровождавших его эсминцев. Пока мы стараемся придерживаться графика боевых дежурств, но готовы вверенные вам подразделения к тому, что в любое время каждый из вас может быть поднят по тревоге. Мы находимся в состоянии войны, господа. При этом – неведомо с кем.

Эреншельд фыркнул в усы, сразу сделавшись похожим на раздраженного моржа, покинул кафедру и жестом предложил занять место молоденькому аналитику из соответствующей службы.

Юноша, казалось, более всего был смущен звуком своего усиленного голоса, а также тем, что ему приходится говорить после вице-адмирала. Вероятно поэтому он задал слишком высокий темп своему слайд-шоу: компьютерной экстраполяции записей видеокамер, установленных на машинах, участвовавших в боях. Картинки, зеленые на черном, возникали, поворачивались, демонстрируя модели в трех ракурсах, и исчезали столь стремительно, что мозг не успевал фиксировать отличия. Но, видимо, по замыслу аналитика этого и не требовалось.

– ... как вы можете наблюдать, единой серийной модели как будто нет. 14 даже в массе истребителей трудно выделить сходные черты.

Давешний рейдер вновь простерся на всю поверхность монитора. Аналитик, розовый и гордый оттого, что, по-видимому, работа была выполнена непосредственно им, ткнул световой указкой в оружейную башню, и та погасла. Рубен непроизвольно откинулся на спинку: жест, который он никогда не позволил бы себе, будучи за кафедрой высился вице-адмирал. И перехватил сфокусированный на себе взгляд «старого моржа». Командующий, несомненно, знал, о чем сейчас поведут речь. Его-то, разумеется, поставили в известность прежде всего. Разумеется, он уже определил уровень секретности информации и дозу, которую следует отпустить младшим командирам. И доложил Императору. И сейчас беззвучное шевеление рыжих с проседью усов, под которыми угадалось «Вот как, значит, Шельма», напомнило, что до Эреншельда на «Фреки» управлял Олаф Эстергази. Что, впрочем, не давало этой конкретной Шельме никаких особых прав. Но сознанием своим согревало, напоминая о корнях, питающих побег.

– ... таким образом под всем этим кустарным апгрейдом вы можете видеть бесспорно узнаваемые черты крейсера класса «щука» отечественного производства. Подобную операцию мы можем произвести с любой моделью, чей снимок имеется в нашем распоряжении. Таким образом, уже опираясь на определенную базу образов, мы получаем ассорти наших собственных... снятых с производства, списанных, устаревших кораблей. Залатанных, дооборудованных и перевооруженных по возможности, и в соответствии, я бы сказал, с изобретательностью нищеты. С изобретательностью, я бы сказал, иной раз способной

поставить в тупик.

- И кто бы подумал, сколько мы их произвели, продали, списали и забыли... - негромко произнес Эреншельд, но слышали все. - Войско мертвых. Пожалуйста, продолжайте, командер. Техника сама по себе никого не атакует, и планов вторжений не строит.

- Что касается вторжения, - докладчик привычно потер пальцем переносицу и немедленно отдернул руку от лица, сообразив, что стоит перед начальством. - Тут мы можем только опираться на вектор входа в гиперпространство, что, как присутствующие, несомненно, понимают, не является стопроцентной гарантией. Достаточно выйти в промежуточной точке и вычислить новые координаты, чтобы обмануть любые преследовательские расчеты.

- То есть теоретически акция может быть подготовлена и Надеждой, и Землями, и вестись с любой из их баз? - это Гринлоу воспользовался правом задавать вопросы.

Юноша за кафедрой покраснел и неуставно передернул плечами.

- Если бы получить пленных, - сказал он. - Или хотя бы тела... Анализ ДНК, химизм тела...

- А прямой вектор нам что дает?

- Там нет освоенных систем, - ответил аналитик. - По крайней мере, согласно нашим картам. Та часть космоса всегда использовалась как свалка. Как вам известно, согласно Конвенции об утилизации отходов туда направляются списанные корабли. Программируется включение прыжкового двигателя, экипаж покидает судно в капсуле, и... больше мы судно никогда не видим.

- Выходит, у кого-то дошли руки разгрести тамошние завалы?

- В целом - да, если наши предположения верны.

- А собственно, дел-то - спрыгать туда и посмотреть.

- Мы знаем только направление вектора, но не его длину.

- А дробными?

- То еще чертово дельце.

- Но выполнимое. Что, в разведке нет сорвиголов? Я б и сам вызвался.

- Это не наших умов дело, - резко сказал вице-адмирал. - Это дело имперской разведки. В нашей компетенции отстреливать все, что сюда вываливается, и делать это, пока сверху не скажут «стоп, хватит». Еще вопросы по существу?

* * *

Согласно расписанию, определенному для Шельм, наступила «ночь». Кто-то, напротив, только поднялся, исполнив утренние процедуры и отправившись на патрулирование или на тренажеры - в зависимости от своего образа жизни. На «Фреки» традиционно «жили» в три смены. Коридорная кишка палубы Н была пуста во все стороны, и в этой пустоте шаги разносились как удары по металлической трубе. Пласталевые покрытия стен, обработанные в технике микротрещин, были матовыми и напоминали о распространенном на космических базах неврозе - чувстве, будто в металлической поверхности рядом с тобой отражается кто-то

такой, кто на самом деле возле и в помине не стоит. В зеркально отполированной панели по крайней мере видно точно, а здесь – то ли есть тень, то ли поблазнилось... Медики, конечно, о симптомах не распространялись: известное дело – расскажи про болезнь, и всяк ее у себя найдет, и придури это тоже касается. Не на необитаемом острове живем, разное слышали.

Шельмы не спали. Из раздвинутых дверей отсека лился приглушенный свет и еще – разговор, негромкий и ровный, как гул хорошо заизолированного двигателя. Рубен переступил порог.

Так.

– Что это?

Эскадрилья расступилась, пропустив командира к новому столу, на котором громоздилась пластиковая коробка. Уже почти сутки Рубен с переменным успехом сопротивлялся желанию воспринимать любую неожиданность как подвох.

– Это... как бы сказать... пополнение.

Случай, когда комэски поминают маму. Скажите, что я догадался неправильно!

– Шельма-Тринадцатый.

Из-за решетчатой дверцы таращились злые желтые глаза. Остальное скрывалось в густой тени. Нагнувшись, Рубен легонько постучал пальцем по пластику. Реакция пилота спасла его: только-только успел отдернуть руку от ударившей меж прутьями лапы. Выпущенные когти ничего хорошего не сулили.

– Осторожно, командир, – воскликнули над плечом. – У него стресс, вцепится.

– Стресс, говоришь? – Рубен прищурился. – Судя по тому, что я слышал про эту тварь, Тринадцатого, стресс она не способна испытывать в принципе. Как он к нам вписался? Нет-нет, пока не открывайте. Выпустим – изловить и запихать назад будет труднее. А, заместитель? Докладывай.

– При жеребьевке... съер.

– Бюллетени проверил?

Улле помотал головой и уставился в пол. Врет. Не было никакой жеребьевки. Кису захотел. Ну, и что с тобой делать? Прилюдно мордовать?

– Командир, – неожиданно вмешался Дален, – съер, ну что такого необычного в Тринадцатом? Он сроду с кем-нибудь живет и всегда переходит по жребью, когда его эскадрилья отправляется на планету.

– Когда эскадрилья отправляется! – передразнил его Рубен. – А кто нынче отправлялся? То-то же. Кто вам *это* впарил?

Эскадрилья угрюмо молчала.

– Командир, – сдержанно начал Улле. – Съер. Ну пожалуйста...

Рубен приподнял дверцу, предусмотрительно стараясь держать руки вне досягаемости Тринадцатого. Из темного зева неторопливо, соблюдая достоинство, вышел полосатый бобтэйл,

выгнул спину, озираясь по сторонам, и встопорщил бакенбарды. Зевнул, собрав вперед богатые, совершенно белые усы. Подобравшись, мягко канул со стола, мелькнув коротким, вздернутым хвостом.

- Мужик, - уважительно прокомментировал Демонстрируемый ракурс Гектор Трине.

Рубен перехватил кота под плотное пузо, и как раз вовремя. Тот явно собирался покуситься на командирскую койку.

- Я здесь командир. Тебе *тоже* это придется доказывать?

Презрительное выражение желтых глаз напомнило, что выслуга у Тринадцатого позволяет ему как минимум крейсером командовать, а уж лейтенантов он перевидал! Рубену было что порассказать об этом мифологическом существе.

Никто уже не помнил, как он тут завелся. Впечатление такое, будто он служил па авианосце всегда. Вторая по значимости фигура после вице-адмирала Эреншельда. Нечто вроде корабельного призрака, возникавшего под ногами неожиданно и требовавшего к себе столь же уважительного отношения, как и главком. Как справедливо заметил Трине, Тринадцатый был полноценным неурезанным котом. И в соответствии с поговоркой, гласившей, что у доброго кота и в декабре - март, оглашал «Фреки» романтическими ариями, невзирая ни на какую флотскую дисциплину. Первым естественным побуждением руководства была попытка раз и навсегда пресечь нарушителя хирургическим путем. Пилоты - до сих пор эскадрилья оспаривали друг у друга первенство инициативы, подобно тому, как греческие города наперебой приписывали себе право зваться родиной Гомера - выхватили Тринадцатого буквально из-под скальпеля мед-техника. В прошении о помиловании на имя капитана Крауна отсутствовали имена разве что убежденных котоненавистников.

Именно с тех пор Тринадцатый был зачислен на довольствие и позиционировался как полноправный член истребительной эскадры. Раз в полгода, для сохранения мужского здоровья он даже ездил в отпуск на планету и всегда возвращался, перенося скачок на удивление безразлично. Эскадрилья, на попечение которой он доставался, обязана была заботиться о его здоровье, внешнем виде и пристойном поведении. Никто не простил бы опекунам, если бы он заболел, потерял аппетит и внешний лоск или, не приведи высшие силы, издох.

- С другой стороны, - задумчиво предположил комэск, удерживая гребущее лапами животное как можно дальше от себя, - собака хуже. У матери были бассеты, с ними гулять надо. Это, насколько я понимаю, устройство, совершенно противоположное по назначению. Я ничего не знаю про кошек.

Подошедший Улле молча забрал у него с рук кота. Тот зримо напрягся всем коротким мускулистым туловищем и крепко лягнул Ренна в живот задней ногой с растопыренными когтями.

- Линяет, - вполголоса заметил кто-то из Риккенов.

Рубен бросил на рукав черной формы взгляд, полный отчаяния.

- Этого еще не хватало. Кто-нибудь тут имел дело с кошками? А, Шельмы? Сандро? В твоей семье вроде какой-то бизнес с животными?...

- Нет, - покачал головой Кампана. - Если бы это была лошадь, туда-сюда.

- Вы неправильно его держите, - сказал Вале. - Ему неудобно. У моей матери были кошки. Они все сплошь интроверты, их... понимать надо.

Ренн молча протянул ему Тринадцатого. Иоханнес усадил кота в «колыбель» из сгиба локтя и осторожно, одним пальцем почесал ему подбородок. Зверь сразу успокоился и исторг глубокий утробный рык. Пилоты, привыкшие, что если мотор работает ровно, то жизнь удалась, несмело заулыбались.

- Ему не понравилась клетка, только и всего.

Ага. И встретили его недружелюбно. Так уж и скажи.

- Я хочу, - сказал комэск, - чтобы в отсеке не воняло. Чтобы форма не была в шерсти. И чтобы он держался подальше от моей койки. На этих условиях я согласен его терпеть. Насчет остального, что ему надо, составьте список, я подпишу.

Ренн, Тринадцатый и Вале отправились шептаться в угол зама. Комэск - в свой. Магне Дален посмотрел в одну сторону, в другую, и, как загипнотизированный, потянулся на протяжный мурррр.

- А мне - можно?

И ты, Брут!

Кот напряженно следил за ладонью Далена, тянущейся к его голове. Рубен Эстергази - тоже. Цапнет? Или обойдется?

Неожиданно ладонь Магне метнулась ко рту, он резко запрокинул голову и с оглушительным чихом треснулся лбом о кроватную стойку. Наверное, у бедняги искры брызнули из глаз, но за первым последовал второй, третий... Все Шельмы, кто был еще на ногах, прекратили разговоры, а Магне никак не мог остановиться. Тринадцатый, испуганный его бурной реакцией, под шумок вырвался, забился под койку и огласил отсек надрывным воем. Гулкий удар сотряс стену, отделяющую Н-18 от Кинжалов. Причем прекратить явно требовали не чих. Йодль, тихо ругаясь, на четвереньках полез доставать кота. Там в темноте иод койкой между ними явно не обходилось без боевых ранений.

- Черти! - расстроено сказал комэск. - Аллергия! Вам это надо?

- Мы вписали антигистаминные, - пискнул Улле. - Вот список, сьер.

Он поспешно, бочком, как виноватый переместился в командирский угол.

- Кошачьи консервы, гелевые вкладыши для его... ванночки, липкие роллеры - ими легко снимать шерсть с комбезов.

- И еще контрасекс ему, - тяжело вздохнул Рубен, подтверждая файл командирским кодом. - Чтоб «смирно» знал. Еще важное есть? Тогда комэск ушел.

С этими словами он скинул ботинки, сунул в ухо «ракушку» приемника и завалился на командирскую койку, лицом к степе, предоставив Шельмам заниматься своими делами. Предел его замотанности на сегодня был превышен.

* * *

Среди ночи, среди дня тяжело мучает меня

то ли сон мой, то ли придури, то ли муть:

серый дождик моросит,

в сером небе гусь висит – это я...

Башня Рован

– Машины прибыли!

Вопль динамика, ворвавшийся из наушника прямо в мозг, был, вероятно, каким-то образом оформлен в соответствии с системой армейских обращений, но спящее сознание отсекало все, кроме сути. А суть сработала, как гидравлика выталкивания: Рубен подскочил, ударом ладони врубая в отсеке свет.

– Машины пришли!

Шельмы посыпались с коек, словно по боевой тревоге, еще и глаз не продрал спросонья, а уже затягивая «молнии» комбинезонов. И то – боевые тревоги вскорости станут буднями. Приход же машин – судьбоносная встреча, важность ее очевидна каждому пилоту и без приказа командира эскадрильи.

Грохочущим вихрем Шельмы пронесли по трубчатым коридорным кишкам к «своему» ангару, еще пустому, где только ползали взад и вперед дроиды-уборщики, и почтительно сгрудились за спинами команды механиков, которые распоряжались приемом загруженных кассет. И даже дыхание затаили, прикинувшись, что их вообще нет, когда раздвинулись внутренние ворота шлюза.

Чрево его было освещено ярче, чем просторное низкое помещение ангара, металлопласт внутренней отделки отражал люминесцентный свет, поэтому кассета вышла чернильным пятном, почти неразличимым в сияющем нимбе.

Пилоты не выдержали. Транспортёр еще двигался, а Шельмы, протиснувшись вперед, во все глаза рассматривали забитые в ячейки новенькие машины. Рубен двинулся к хвосту, надеясь, что народ у него взрослый и без присмотра под гусеницу не угодит. Черда округлых носов – одиннадцать штук – проплыла над его головой. Он остановился перед двенадцатым. Створки грузового шлюза сомкнулись, на секунду стало темно. Кряжистый пожилой механик, глянув на пилота искоса, с помощью ПДУ выпустил шасси – и это была песня, как беззвучно они вышли! – снял машину с колодок, и истребитель плавно выскользнул из ячейки на палубу. Рубен пригнулся, пропуская стабилизатор над головой. Впечатление было – будто большая рыба проплыла поверху, хищная и легкая. Дышащая холодом от пребывания в неотапливаемом грузовом отсеке. Повинуясь механику, с потолка выдвинулась люминесцентная лампа, зависла над истребителем и залила его белым режущим светом.

– Что за чертовщина! – голос Магне ни с чьим не перепутать, парень не умеет соизмерять звук, и веселое эхо мечется под стропилами. – Я прежде таких не видал!

– Это, я так полагаю... – Рубен сделал несколько неторопливых шагов вдоль корпуса, и, вынырнув из его тени, вновь оказался в поле зрения эскадрильи: – ...Тецима-9. О которых так долго твердила общественность.

- Вау! - все голоса эскадрильи блуждали где-то вдалеке, на периферии сознания, но этот потрясенный тенорок несомненно принадлежал Ренну. - И мы будем первыми, кто их обкатает?

Да уж. Пришлось сделать несколько шагов назад, чтобы окинуть истребитель единым взглядом. Велика птичка, метров этак двенадцати в длину. Тупой скругленный нос с овальными ноздрями сопел реверсов, параллельный палубе, цилиндрический кокпит вынесен вперед и прикрыт керамлитовым блистером, снаружи совершенно непрозрачным. Вся начинка в тулове по оси: батареи, маршевые двигатели, тяги, между всем этим даже аварийный отсек предусмотрен на случай, если придется подобрать подбитого товарища. Элегантные стабилизаторы с подвесками под торпеды выходили из тулова назад, начинаясь где-то с последней трети длины, и утолщались по мере приближения к идеальной вогнутой полусфере кормы. На стабилизаторах - плазменные пушки; на остриях стабов, в «гнездах» - бокалы маневровых двигателей, и такие же, только утопленные в поверхность - по обоим бортам на носу и корме. Стопроцентно функциональные - лететь без них можно только по прямой! - они выглядели декоративными элементами, внесенными единственно, чтобы нарушить прохладное единообразие борта. Рубен никогда не оставался равнодушен к магии летающих машин. Тем более таких... небезобидных. Зеркально-черное покрытие казалось провалом в реальности. С него соскальзывала даже мысль. А ладонь к лаковому боку тянулась сама. Пусть даже обожжет кельвиновскими холодами. Но - неожиданно теплым оказался этот бок. Тепловой хамелеон? Инфракрасная невидимость?

- Писать на этом командирский номер?

С усилием Рубен отвернулся от машины. Старый механик смотрел ему в глаза, с достоинством ожидая очереди на его внимание. И это был не тот человек, для которого стоило делать каменное лицо. И это был человек, в руках которого - жизнь. Главнее доктора. Летать я, собственно, могу и чуть ли не будучи мертв. Летать для Эстергази не работа - свойство души.

- Рубен Эстергази, - сказал он. - Черная Шельма.

- Ларсен. Они, - механик мотнул головой, - зовут меня Фрост.

Рубен кивнул.

- Да. Этот для меня.

- Батареи сразу ставлю на заправку, - сказал Фрост, - и мне потребуется ваша медицинская карта, чтобы настроить компенсатор. Потом передам оружейникам для фокусировки пушек.

- Я летаю на девяноста процентах.

Рубен подсознательно напрягся: на этом месте с механиками всегда возникали проблемы. Обычно приходилось доказывать, что «чувство машины» для пего намного важнее, чем комфорт и гипотетические проблемы со здоровьем лет через десять. Иной раз - вплоть до смены персонала, когда вопреки указаниям пилота механики норовили сделать по-своему. Но Фрост спорить не стал. Тоже поди-ка... оценивал.

- Кабину можно открыть?

Фрост кивнул, нажал на своем пульте соответствующую кнопку, блистер отошел назад, младший механик подтащил к Тециме трап и зацепил его на борту. Рубен даже дыхание придержал в смешной боязни, что металлические крючья оставят следы на великолепном

блистающем покрытии. Потом махнул рукой и забрался в кокпит. В общем, именно этого мы всю дорогу и ждали, нет?

Наконец-то они сделали кабину достаточно длинной! И в плечах... Оранжевая губка ложементы привычно спружинила под его весом. Скафандр-компенсатор, смонтированный как часть пилотского кресла, Рубен застегивать не стал, просунул только руки в перчатки. Системы управления встроены «под ладонь». Слева рычаги управления ходовыми двигателями, справа – ручка с гашеткой пушек, на ней же, сверху, под большой палец – кнопка пуска торпед. Тут же радары, связь, автопилот, рукоять катапульты – все это он удостоил лишь беглого взгляда. Внутренняя поверхность блистера – один большой монитор, и индикаторы проецируются на него же. Коснувшись нужной кнопки, Рубен опустил блистер и скрылся от зрительских глаз.

Психологически в это было трудно поверить. Изнутри композит был совершенно прозрачен. Казалось, он висит в кресле прямо над головами своей эскадрильи, и знание, что они его не видят, противоречило чувствам. Каково это будет в вакууме? Он почувствует себя обнаженным? Или вовсе – одиноко парящей душой?

Он отщелкнул блистер, поймав себя на желании вообще отсюда не вылезать. Эскадрилья столпилась внизу, задрал головы и ожидая его вердикта. Когда у нас там первые тренировочные полеты? Привычно опершись о борта, Рубен выбросил себя из кокпита.

– А вот ежели скормить этакой птичке кошачьи таблетки, – робко заикнулся Содд, – ну, те... она того... голову под крыло не спрячет?

Эскадрилья грохнула, согнувшись, кашляя, лупя друг дружку локтями под ребра. Трине, зажав голову шутника под мышкой, молотил его кулаком между лопаток. Плюнув на субординацию, комэск от души присоединился к своим пилотам.

* * *

Какой уж тут сон. Шельмы, перевозбужденные, только что под снисходительными взглядами механиков облазившие свои новые машины вдоль и поперек, пробирались по кишкам «Фреки» обратно в жилой отсек. На авиабазе не было официальной ночи и дня: в любое время какая-то вахта исполняла свои обязанности. Это касалось и военных подразделений, и технических служб. Шумовой фон в любое время, исключая, разумеется, боевую тревогу, был примерно одинаков.

А вот в тренажерном зале, куда Рубен заглянул, проходя мимо, судя по сигналам контрольных панелей, заняты были только две кабины. Драконами Зари, судя по идентификаторам. Время было не Шельм, но...

– Как насчет поиграть?

– Ага. То есть, слушаюсь, ком...

– Заткнись.

Улле, исполнив последнюю команду с явным удовольствием, еще раз кивком подтвердил свое согласие... Рубен не без тайного удовольствия выбрал из множества кабин новенькую, сегодня только установленную Тециму-9. Посмотрим, на что способна птичка. Ренн, даже не глядя в его сторону, забрался точно в такую же. На цыпочках Шельмы прокрались к мониторам слежения, толпой послушных школьников окружив два, замкнутых на кабины, избранные комэском и его замом

- Дуэль или гонка? – деловито спросил Улле, уже опуская шлем на голову.
- Гонка, – решил Рубен. – Не хочу в тебя стрелять. А вот стряхнуть попытаюсь, готовься.
- Я готов.

На правом мониторе в вертикальной колонке сбоку высветилась телеметрия Ренна: адреналин, давление, пульс. Оставленные в зрителях Шельмы встали перед экранами тесным частоколом. Пи дать, ни взять – экзаменационная комиссия, которой во время оно сдавалось сперва индивидуальное пилотское мастерство, а после – тактика управления вверенным подразделением. Подразделению всегда охота знать, в чьи руки их вверили.

Рубен нырнул в полость губчатого, пронизанного капиллярами скафандра-компенсатора, вмиг присосавшегося к телу, застегнул молнии, включил тумблер гравитатора, создававшего для тренирующегося пилота направленный вектор перегрузок согласно игровому ускорению. Внутренние датчики шлема коснулись висков. Наушники, микрофон у рта. В этот момент на мониторе вспыхнули строчки его собственной телеметрии. Блистер закрылся, и он оказался в прозрачной, обманчиво уязвимой кабине, перед раздвижными воротами нарисованного ангара.

- Ну... поехали!

Ворота откатились, гидравлика вышвырнула истребитель за борт. Чтобы остановить вращение, Рубен на долю секунды включил маневровый. В нескольких сотнях метров болтался треугольник второй Тецимы. «Нарисованные» истребители, в отличие от настоящих, были окрашены в белый цвет. Отработку маневра должно быть видно. В остальном – имитация была совершенной.

- Шельма-Лидер Синему. Держись справа. Отойдешь на... пять километров – потерялся.
- Синий понял. Лидер, как насчет трех километров?
- Хммм... Ну смотри. Напросился.

Белый треугольник справа развернулся перпендикулярно курсу. Рубен ухмыльнулся, чувствуя, как в нем разгорается глубинный внутренний жар, и без предупреждения врубил ходовые.

Гравитатор откликнулся на показатель ускорения, тело вдавилось в спинку. Убедить себя в том, что это всего лишь датчик... не было времени. Существо, которым он становился, включая двигатели, покрывало полторы тысячи километров в час и на такой же скорости воспринимало мир.

Сперва – по прямой, чтобы удалиться от АВ. Стандартно настроенная программа компенсировала перегрузку лучше, чем тело привыкло, поэтому было немного трудно адекватно оценивать обстановку. Летящий в космосе в сущности слеп. Что он видит, кроме рисунка далеких огней в темноте? В самом деле, заметить десятиметровый корабль на расстоянии в несколько километров, в вечной, так сказать, ночи, с помощью одного только человеческого зрения трудно, даже периодически включающиеся двигатели так легко принять за звезды. Да и многокилометровый авианосец со всей кружащей возле него армадой – тоже совершенно незначителен в сравнении с преодолеваемыми расстояниями. Здесь нет ни верха, ни низа, ни абсолютной системы координат. Единственный центр, к которому ты можешь привязаться – это ты сам.

- Синий – Лидеру, я обгону вас?

- Только попробуй!

Часть сознания, помнящая, что это только игра, пока отдавала себе отчет, что «радиопереговоры» игроков несутся из динамиков на радость всем, кто столпился рядом. Но – она угасала, растворяясь в радостном азарте. Кто-то полагает, будто я люблю летать? Ничего подобного. Можно ли любить дышать?

Синий завис над правым стабилизатором и шел как приклеенный, ежесекундно дразня своей способностью уйти в отрыв. Щас! Салага... Мгновенный толчок ручки, и лидер отвалился переворотом через левый стаб. В глазах потемнело, тело ощутило себя мешком с водой, правая сторона, кажется, шла на разрыв с левой, и даже компенсаторы *это* не тянут, но Ренн ухитрился поймать его на самой границе оговоренных километров. Видимо, чтобы это обстоятельство не доставило играющим много радости, система вбросила в контролируемое пространство «боты» условного врага. Справедливости ради стоило заметить, никто никогда не знал, откуда, когда и в каком числе вынырнет «противник». Система руководствовалась случайным выбором.

- Вижу цель!

- Готов!

Еще бы ты не был готов. Твоя работа – быть готовым.

- Мой – левый, – процедил Рубен вслух, заходя противнику в брюхо и вспарывая его короткой очередью. Первый «бот» – детская игрушка. Полусекундой позже взорвался правый «бот». Как по учебнику. Ладно. Ведущий развернулся лихим кувырком назад. Сердце зашлось от перегрузки. Это ничего. Дышать глубже...

- Вижу цель!

- Ммать Безумия, этот откуда еще?...

- Отставить разговорчики, Синий!

Неужели это его собственный голос полон ликования, словно у зеленого стажера, которому первый раз чиф разрешил свободную охоту?

- Есть отставить! – выкрикнул в наушники шлемофона голос, более всего похожий па эхо его собственного восторга.

Все- таки это была учебная программа. В настоящем бою, в настоящем вакууме ты никогда не увидишь рассекающую ночь сверкающую трассу! Либо он вспыхнет, либо ты промазал. Две распутившиеся хризантемы, и следом – еще две. Блистер потемнел, поляризуя слишком близкую вспышку.

- Вижу цель! Синий, займи свое место.

- Виноват, съер...

Рубен ощущал, как пылают щеки. Падать на цель – право ведущего. Ведомый следит за чистотой спины. Но... трудно не понять нетерпение Улле! Не сговариваясь, оба разошлись вилкой, падая один через правый стаб, другой – через левый, пропустив таким образом между собою вражеский, огрызающийся огнем клин, и обстреляли его с двух сторон. Свершив сие

благое дело, и, разумеется, не ожидая, пока Улле соблаговолит развернуться – все ведь помнят, какой у нас был уговор? – Рубен что было мочи в двигателях помчался обратно к базе.

То, что в реале запрещается делать категорически! Сто километров. Пятьдесят. ДВАДЦАТЬ!

– Я на месте, съер!

Десять! Белая сверкающая стена вырастала над ними. Чужой авианосец давно разнес бы их на атомы. Да и свой никогда не допустил бы взбесившегося истребителя в такой опасной близости от себя. Лазерная пушка, словно в замедленной съемке, повернулась и рыгнула огнем. Это что-то значило... Это означало, на какой скорости они идут. Чудо, что за нервы у ведомого. Я... эээ... давно хотел это попробовать!

Ручку – на себя.

Два крохотных треугольника скользнули и понеслись вдоль поверхности корабля-матки. Их черные тени бежали по его белой спине. Ай, Тецима, ай, птичка... Кажется, ее крылья росли из его собственных плеч. Орудийные башни, тарелки радаров, прочие элементы конструкций представляли для крохотной Тецимы смертельную опасность. Едва ли в нее попали бы – на расстоянии нескольких метров от поверхности истребитель шел в сплошном «слепом пятне». Но вот разбиться в облако брызг, на сумасшедшей скорости оборачиваясь один вокруг другого, меняясь местами, становясь на крыло там, где идти обычным боевым порядком из-за тесноты было уже невозможно, танцуя, расходясь в паре метров, едва не чиркая стабилизаторами... было просто нечего делать!

Вероятно, у Рубена было два-три момента расплющить ведомого об ограждение, но ведь не это было его задачей, правда? Паршивец впился, как клещ в собаку. Ну да есть еще одна маленькая хитрость.

Борт авиабазы оборвался, перед двумя сумасшедшими Тецимами вспучились дюзы, истребители послушно задрали носы. Ведомый взмыл великолепной свечкой – маневр из разряда естественных, какие тело исполняет само, а Рубен, лишь чуть приподнявшись, чтобы перевалить через край, тут же толкнул ручку от себя. И – реверсы. Тецима пошла по спирали, гася скорость.

Внутри дюза выглядела как пасть. В реале... ну, в реале это было бы полным безумием, конечно. Это сейчас она безжизненно тиха, авианосец плывет в пустоте под действием сил гравитации системы, а также – начального импульса. И только бог и командир знают, когда им приспичит вновь ударить плазмой. Тогда не то, что игрушечный истребитель, другой авианосец равного ранга поостережется проходить в опасной близости. Да кстати, в реале пилота, сунувшегося с включенными двигателями вовнутрь драгоценных дюз, скорее всего, разорвало бы на части собственное командование. Ну да ладно. Весь смысл, собственно, был, чтобы помнить: ты находишься внутри раскрашенной картинки. На это мы с Тецимой ведомого и поймали, заморочив ему голову танцами. И... мало ли где мыслишка эта пригодится.

– Конец игры!

Стащив шлем, Рубен уронил его на колени, стараясь переводить дыхание как можно незаметней. Ренну помогли освободиться от виртуальной сбруи, голова у него оказалась мокрая и встрепанная, глаза – в кучку. Смеется, непроизвольно вздрагивая, словно нервной икотой его встряхивает.

– Грязная уловка, съер!

- Командир, съер... А... эээ... можно спросить?... Что это было?

Эскадрилья давилась ухмылками и прятала глаза. Вале выглядел совершенно убитым. Комэк покосился на показания телеметрии. Давление, пульс, ударная доза адреналина... ну, в общем, можно представить, какими комментариями обменивались за спинами ослепших и оглохших командиров «деликатные» Шельмы.

- Ну, мы же не станем отрицать, что нам это нравится?

Зам покраснел до корней волос, будто его и впрямь в чем-то уличили. Рубен, выбравшись из своей кабины первым, дружески шлепнул его по плечу, отчего Ренн, сконфуженный, снова плюхнулся в ложемент. Но о нем уже забыли.

- Не дрейфь, - вполголоса, проходя мимо, к Иоханнесу Вале. - В реале все по-другому. Прямее и проще. Ни один здравомыслящий противник не позволит нам этаких танцев. Вернешься десять раз - я буду за тебя спокоен.

- Я не смерти... - вспыхнул нилот. И замолчал, с силой сжав губы. Рубен кивнул. Не место, и не время взламывать психологические шифры. И доверие тоже не дастся даром.

- Командир! - возопил Магне ему в спину. - Съер! А и нам бы таким же манером погоняться было бы полезно!

Рубен, как осаженный, остановился у самой двери. Устало уронил плечи. Кого-то тут беспокоит уровень гормонов? Совершенно напрасно. Раньше внимательное начальство и дисциплинированные подчиненные... кхм... живьем сожрут.

- Командиры звеньев, позаботьтесь!

* * *

Был па одном патрулировании - видел их все. Если, разумеется, не попадал в нештатную ситуацию. А ситуации, как назло, словно затаились, ожидая, пока пламя боевого зуда выжрет само себя. Иной раз Шельмы - да и не одни они - испытывали сильнейшее раздражение, недоумевая, где именно поганые Кинжалы ухитрились сбить десяток вражеских машин, каковое обстоятельство послужило к их чести и всевозможным послаблениям по службе.

Вечная ночь во все стороны - на бесконечность километров. Иной раз удивляешься, зачем конструкторам приспичило делать блистер прозрачным. Рубен не встречал еще пилота, страдающего агорафобией, но было чертовски странно чувствовать себя висящим в пустоте. Только перегрузки, те самые некомпенсированные десять процентов, напоминали, что он смотрит вокруг не глазами осиротевшей души.

Ну, и радиопереговоры, конечно. Патрулирование подразумевало трехчасовой полет с проходом через контрольные точки и соответствующим «отзвоном» на базу в условленное время. Что делать по дороге - целиком отдавалось на откуп комэску. Хоть кувыркайся. Чем и занимались, отрабатывая маневрирование в стандартном построении «ладонью» и произвольными парами, линией и лестницей. Не забывая при этом поглядывать на радары.

На истребителе они, конечно, не чета широкоохватным станциям авиабаз. Любой крейсер или эсминец «видит» дальше. Но ни один крейсер и ни один эсминец, не говоря уже о вальняжной, уважающей себя крепости авианосца, не сравнится с истребителем в скорости реагирования.

Одним из обязательных условий гиперпространственного перехода считается гравитационная однородность точки выхода. Поэтому там, где условия меняются существенным образом, из «гипера» необходимо выйти, чтобы переключиться с двигателей Брауна-Шварца на обычные. Условно рассчитываемая граница входа в систему представляет собой естественный оборонительный рубеж, где и перехватываются вторгшиеся корабли. Не будь этого условия, ничто не помешало бы захватчику выйти с бомбами прямо на орбиту главной планеты. Каковое обстоятельство, вообще говоря, накладывает ограничения на агрессивные формы экспансии.

Некоторое время, пока враг будет перенастраивать свои системы, даже одна эскадрилья сможет нанести ему серьезный урон. Уход же в прыжок требует строго заданного вектора и определенной начальной скорости, что на протяжении некоторого времени влечет полный отказ от маневрирования. Корабль, уходящий в прыжок, – жертва почти безобидная. Как правило, он даже почти не огрызается огнем.

Посему Тецимы несли полный боезапас. Две тяжелые торпеды, подвешенные к стабилизаторам, в ангаре, кажется, совершенно испортили очертания изящных стремительных машин. Да и маневренность у «чистой» Тецимы – не сравнить. Однако сейчас уверенность в том, что одним движением руки ты способен отправить в полет «умную смерть», была очень даже не лишней. Хотя в большинстве случаев истребители ориентированы на драку с другими такими же, каждый в глубине души мечтает завалить крейсер.

Шельмы возвращались, подхватываемые погрузочными кассетами – командир всегда последний – и так, пачками, втягивались в ангар. Тецимы попадали в руки механиков: заправка топливом, зарядка батарей, осмотр и проверка, и еще полировка, от качества которой зависели защитные свойства машин. Не было у истребителей иной брони, кроме зеркальной пленки титаново-иридиевого сплава.

А пилоты топали в душ. Потом был ланч, «Сэхримнир» со вкусом курицы, рыбы, грибов или креветок. Два часа тренажеров. Два часа лекций... Два часа спортзала. Ужин. Изредка – стрельбы, когда комэск неподвижным наблюдателем зависал в пространстве, а эскадрилья по очереди отрабатывала по учебному зонду. «Лидер – Красному-Четыре. Повторить упражнение. Заметно лучше. Можешь, я вижу». Особенных улучшений, правда, Вале не показывал, но... надо же что-то сказать. Немного личного времени. Причем в самый раз, чтобы – немного. Чуть поболтать, раскинувшись на койках. Почитать, подремать или набрать и отправить письмо под аккомпанемент вялого, но нескончаемого спора о достоинствах популярных актрис. И об их происхождении. Эно Риккен настаивал на генетической оптимизации. Гектор Трине оказался наивным сторонником естественных красот. Магне Далену было в общем все равно, лишь бы всюду побольше, и блондинку, но если прямо тут, и немедленно, то он, в принципе, согласен на многое закрыть глаза. Улле время от времени грозился всех пришибить. Авторитет замкомэска действовал, но – недолго.

Так что когда База вызвала Шельму, приказав срочно – нет, СРОЧНО! – переместиться в восьмой сектор, чтобы прикрыть там Баныши, атакованных большой группой уродов, восторженное «Йа-ха-ха» на волне эскадрильи не оставило никаких сомнений.

– Лидер – Шельмам, разворот! Пошел!

Маневровые ударили плазмой. Тецимы описали дугу и понеслись сквозь ночь, полные предвкушения и азарта.

Слаженное построение лестницей, звенья, расположенные «ладонью». Уже на подлете Лидер велел Шельмам выключить ходовые и идти на одной инерции. Что позволило зеркально-

черным, инфракрасно невидимым Шельмам вывалиться в самую середину драки, где до полусотни истребителей метались, поливая друг дружку огнем, в пространстве не более тысячи кубических километров. Радары вопили о «целях» кругом, глыбища вражьей матки, высыпавшая уродов в охраняемое пространство, ненавязчиво маячила рядом. Вальсировали и перестреливались поверх тучи «мелких птиц» свои и чужие крейсера, считать которые не было ни нужды, ни времени. Истребители связали друг друга боем, каждая сторона норовила прорваться к крупным целям. Тут и там расцветали белые хризантемы, а в шлемофонах умолкали «номера». И в ответ на краткий миг внезапной тишины ты взрывался такой яростной, отморозенной, такой бессильной бранью и таким подростковым фальцетом, что в другое время сгорел бы со стыда. Боевой лексикон пилотов – не из салона. Будь ты хоть трижды князь.

Металл корпуса пел. А двенадцать Тецим пели хором, глубокими гулками басами вибраций, и поливали плазмой все, что пищало в рамках прицелов, сами объятые белым пламенем выхлопов маневровых. И было умопомрачительно жарко в кабине, и хорошо, и от адреналина ты был совершенно пьян, и в общем и целом это было именно то, ради чего – все. Перегрузки на виражах, темнота в глазах и блестящие точки на сетчатке, острая физическая радость тела, в котором, как от спорта, ныл каждый нерв, стонала каждая жилка. Яблоки глаз стали свинцовыми и норовили провалиться в глазницы, обвисли онемевшие щеки. В моменты, когда ты можешь стать очень мертвым, чувствуешь себя особенно живым.

– Синий-Один Лидеру. Они уходят!

В самом деле. Зеленые точки на экране радара ползли к краю, уроды, получив, видимо, приказ к отступлению, торопились спастись, вражий АВ развернулся, открыв для них погрузочные люки, традиционно ярко освещенные изнутри. Шельма-Лидер весь превратился в собственный большой палец, напругшийся на кнопке пуска торпед. Туда бы... да хоть одну!

Ни одному истребителю не под силу завалить авианосец. Но мечтают об этом – все.

– Шельма – Базе. Прошу свободной охоты!

То же самое, видимо, сделали и другие комэски, подоспевшие к раздаче, потому как база ответила с заминкой.

– База – Шельме, охоту разрешаю.

– Лидер – Шельмам. Переключка. Доложить, у кого торпеды целы.

Мгновенная, безумно раздражающая пауза, видимо, пока Магне соображает, что расчет начинается с него.

– Красный-Два. Обе тут.

– Красный-Третий. Одна.

– Красный-Четыре. Остаток протонных торпед – две штуки.

Рубен мысленно застонал. Он успел бы навести и выпустить торпеды за время, пока Вале рапортовал о наличии своих.

– Синий-Один. У меня одна.

- Синий-Два. При мне мое...
- Синий-Три. Болтаются пока.
- Синий-Четверка. А я облегчился...

И так далее.

Все. Камень свалился с души. И Вале. Боезапаса потратили немного – на удивление. Есть еще, чем отдаривать.

- Лидер – Шельмам. Охотимся.

Вражья матка набирала ход. Плазма белыми языками вырывалась из дюз, жерла прыжковых наливались красным. И по одной только возможности визуального контакта, расстояние тут – доплюнуть. Мы могли бы оказаться на дистанции запуска в мгновение ока. Вектор задан, *уроды* на ходу ныряют в люки. Чужие крейсеры стягивались к точке выхода АВ, готовые жертвовать собой, чтобы дать спастись ему. Наши норовили их отсечь. Плотность заградительного огня была... Отвага – отвагой, но когда крейсеры палят друг по другу, истребителям меж ними делать нечего. Нет. Горькое сожаление при виде готовой к прыжку добычи. Аж руку свело. Что, вообще говоря, не мешало вести огонь по отставшим. Даже если просто помешать им добраться до уходящей матки – этого будет достаточно. На крохах-истребителях двигателей Брауна-Шварца нет. В нашем пространстве мы сделаем с ними все, что захотим.

Крейсер взорвался, вокруг него вспухло облако белого фосфоресцирующего пара. Внутри, как в сердце белого пиона, полыхал зрелый пурпурный огонь. Что за топливо у них – такого цвета? Блистер притух, поляризуя вспышку, но Рубен все равно машинально прикрыл глаза левой рукой. Несколько секунд вся внутренняя поверхность колпака представляла собой один ослепительно-белый бэкграунд. Жестокий удар по зрительному аппарату, краткая, но всегда пугающая – а ну как на этот раз добром не кончится! – слепота, и четкое графическое отображение внутренности кабины на глазном дне. Неприятная вещь, и крайне опасная – при наших-то скоростях.

- Синий – Лидеру. Можно пройти. Вижу – как.
- Лидер – Синему. Сам вижу. Слева встань.
- Лидер – Шельмам. Строй Дельта. Торпеды к бою. ПОШЕЛ!

Двенадцать Тецим канули в клубы пара. Замолчавший крейсер – вернее то, что от него осталось, стремительно пожираемое пламенем – открыл брешь в сплошной стене огня. Шельмы чиркнули по краю облака взрыва. Прорвались? Рамка прицела взвизгнула, фиксируя цель. По прыжковым дюзам его! Хотя на градус сбить направление, чтобы поведение этой залатанной посуды в прыжке стало непредсказуемым. С поврежденной дюзой они никогда не выйдут, куда им надо. Несколько торпед, сорвавшись с подвесок, пронеслись справа и слева от машины Лидера. Сказать по правде, Рубен увидел только вспышки их реактивных двигателей. Сами торпеды канули в ничто.

- Лидер – Шельмам, ОТСТАВИТЬ!

Слишком поздно. И хорошо. Долей секунды раньше – плазменный выхлоп не оставил бы от Шельм даже обломков. Или, что не лучше: инверсионная воронка уходящего АВ могла

подхватить их и увлечь за собой. Не имея прыжковых двигателей, истребители в таком случае были бы обречены. Любой пилот, дай ему выбирать, предпочтет мгновенный удар плазмы многодневному дрейфу в пустоте, медленному умиранию привязанным к креслу. Волей-неволей будучи к командованию близок, ты знаешь, что если этот АВ никогда больше сюда не прыгнет, руководство не сочтет это слишком дорогой разменой. Разумеется – неофициально. Открытая политика такова, что героизм в его чрезмерных появлениях остается на совести исполнителя. Как-то иначе оно отсюда выглядит. До тех пор, пока в деле играют одни арифметические показатели, едва ли ты станешь жертвовать эскадрилей. Или собой. Ты слишком плохо представляешь, сколько времени это поле будет тебя волочить, не окажешься ли ты сразу в пределах поражения плазменных дюз, как пойдут твои торпеды там, где действуют совершенно иные законы физики. К слову – ты и законов тех тоже толком не знаешь. Возможно, тебя убьет сама воронка. Для того чтобы раз и навсегда найти ответы на эти академические вопросы, у тебя пока маловато решимости. Или злости.

Но все равно – слишком поздно. Авианосец исчез, будто и не был никогда. Самая крупная рыба всегда уходит. Только полыхали разбросанные по темноте, искореженные груды металла. Чужие. И свои.

Все? Этот раз – первый – как бы за нами, да? В смысле – победа?

– Красный-Четыре – Лидеру, смотри три часа выше...

О... Мать Безумия, иначе не скажешь! И, кстати, о вреде рефлексии...

– Лидер – Шельмам, уходим... врасыпную, НЕМЕДЛЕННО! ПОШЕЛ!

Прямо на них, разогревая прыжковые, перлись крейсера: все, кто сподобился уйти из-под обстрела. Допустим, они нас даже не видят. Но нам это не поможет. Шельмы брызнули во все стороны, Эстергази задержался ровно чтобы выпустить торпеды по ближайшим дюзам, убедиться, что автоматические турели превратили их в пар на безопасном от корабля расстоянии, и рванул следом. Дальнобойность крейсерских пушек куда как превышает все, что может противопоставить им истребитель. Наводятся они быстро, да и много их. Словом – не место для одинокой Тецимы.

Героизм, вероятно, начнется, когда ты об этом забудешь. Или это будет несущественно. То есть еще не сегодня.

А сегодня, победоносно завершив день, Шельмы гомонили на волне эскадрильи всю обратную дорогу, и комэск позволил им в удовольствие «потрындеть в эфире». Причальная автоматика загрузила эскадрилью в кассету, втянула всю обойму в шлюз, откуда тягач на гусеничном ходу втащил их в ангар. Л там уже ждали все, кому положено по должности, и другие, жаждавшие поздравить и разделить радость. Море лиц, в котором Рубен случайно встретился глазами со своим механиком, Фростом. У того была любительская голокамера на плече, и он пытался пробиться ближе. Его толкали, камера тряслась. Для истории, стало быть, снимает. Для собственной видеотеки.

Даже если б Рубен не сиживал иногда рядом с механиком, холившим его Тециму – хорошая привычка, кстати! – все равно по одному возрасту, с помощью одной только логики нарисовал бы верную картинку его жизни.

Семьи нет. Не к кому спуститься на планету по достижении пенсионного возраста. И судя по всему – не тянет его. Еще одна «гримаса» службы, когда то, что есть, кажется дороже и ближе того, что могло бы быть. Служивцы, пацаны еще сравнительно – ближе неосуществленных

детей, и если уж на то пошло, машины – ближе сослуживцев. То, что он здесь тогда, когда мог бы со всем удовольствием быть в ином месте, говорило о его душевной склонности. То, что командование не выпроводило его по достижении пенсионного возраста, с вежливыми улыбками и всеми причитающимися реверансами, свидетельствовало, что расставаться с ним и вправду не хотят.

С механиком нам повезло.

Выбравшись из кокпита на подгибающихся затекших ногах и оказавшись в водовороте, вынуждавшем следовать за собой, принимать на плечи увесистые шлепки и пожимать чьи-то ладони, Эстергази эту самую радость даже сам начал ощущать. Хотя уходящий АВ все еще стоял перед мысленным взором.

Снова распахнулись ворота шлюза. Тягач выволок в ангар еще одну кассету. Улыбки погасли, смех стихал концентрическими кругами. Пустые ячейки. Как раны сквозные, тьфу! Одна, две... пять?! Блистеры поднимались, Баньши отстегивались и с усилием лезли через борт. Совершенно серые и абсолютно мокрые от пота. Их подхватывали под руки. Что, и комэск?

Черная волна встречающих качнулась туда. Рубен не стал подходить. Что тут скажешь? Стоял молча, ожидая, пока пилоты пробьются к нему, отмахнул Ренну уводить Шельм – целых, всех! – а сам вслед за тягачом отправился в ремонтный бокс, где его уже ожидал инженер эскадрильи.

Это могли быть и мы. Гарантий нет.

А вот до какой степени их нет, он осознал, когда лейтенант Геннеберг – инженер, ответственный за состояние машин эскадрильи – сунул палец в оплавленное отверстие его собственного блистера. Не поленился, обошел с другой стороны. Не сквозное. Лепешка металла прикипела к колпаку изнутри. Проследив траекторию, только присвистнул. Это когда крейсер рвался в самой близости, не иначе. Двадцать сантиметров в сторону – и прошла бы эта посылка аккуратно через шлем пилота. И через голову – навывлет, ага. Впрочем, достаточно было бы и шлема – при такой-то дырке, и пилотировал бы прямо в Валгаллу, где Кирилловы предки ляжку вепря глодают. Заодно бы узнал, найдется ли на тех скамьях местечко соблюдающему условности этническому венгру.

– Это просто. Ваш механик запаяет это в пять минут. И следа не останется.

– Скотч и жевательная резинка?

Инженер пожал плечами в ответ на расхожую шутку, так что Рубен почувствовал себя мальчишкой.

– Красный-Два целехонек. И первая пара Синих – тоже, только заправить. У Красного-Три напрочь срезан правый стаб.

Тецима Вангелиса и впрямь демонстрировала нелепо торчащий в сторону огрызок зазубренного металла. Смотреть на нее почему-то было больно, как на искаленное животное.

– Сколько времени уйдет на это?

– Двое суток, не меньше.

Рубен вздохнул, делая в уме пометку. В общем, именно это звено он бы придержал на базе. Из-за Вале, само собой. Но Бента озверевает... Поставь себя на его место.

- А вот эта отлеталась.

- Что с ней не так?

Машина Танно Риккена внешне выглядела совершенно неповрежденной. И было просто уму непостижимо, как парень ухитрился привести домой истребитель, в котором вышла из строя половина электроники. В том числе - все локационные системы.

- Причиной может быть сильный электромагнитный импульс, - пояснил инженер. - В принципе, системы защищены от воздействий этого рода. Другие-то машины эскадрильи в полном порядке. Едва ли в момент воздействия они находились так уж далеко от очага взрыва. Первое, что приходит в голову - заводской брак. В этом случае я не стал бы рисковать, чиня или заменяя вышедшие из строя узлы. Рекомендую заменить машину полностью.

- Есть такая возможность?

Геннеберг посмотрел в воздух куда-то за левое ухо комэска.

- Уверен, у вас получится.

Подошел Фрост со стопкой кассет от фотопулеметов эскадрильи, тем самым напомнив Эстергази об одной из неприятных сторон командования вверенным подразделением. За механиком, как оруженосец, следовал ремонтный дроид, увешанный отвертками и насадками для различного рода сварок. Рубен бы лучше здесь посидел: на работу мастера всегда глядеть радостно, гайки он завинчивает или же вражьи бомбардировщики плазмой поливает. Однако положение обязывало. Мысленно вздохнув, комэск принял кассеты и потопал в штаб - отчитываться.

* * *

Притихшие, ошеломленные Шельмы вылезли из душа, вяло поковыряли в кают-компании консервы, к которым дежурный повар от щедрот добавил овощей, выращенных на гидропонике, и повалились на койки. Кое-кто даже со стоном усталости и удовольствия. Адреналин кончился внезапно, оставив по себе свинцовую пустоту

Расслабуху пресекла волчья ухмылочка вернувшегося «с ковра» комэска.

- Давайте, подтягивайтесь все сюда, - распорядился Эстергази, с наслаждением вытягиваясь на своей койке. - Сейчас будет самое интересное. Сколько мы, по-вашему, нащелкали? Восемнадцать?

Он сделал паузу, выжидая, пока народ, кряхтя, тащился в командирский угол.

- Так вот, штаб засчитал нам пять.

Хор недовольно загудел. По пять-то, минимум, каждый на своем счету мнил.

- И четыре - предположительно. Попадание зафиксировано, но спецэффектов не было. А куда мы без взрыва?... Скажите спасибо, что не два. Держим также в уме, что все, кому мы пометали скрыться в чреве удравшего АВ, тоже на нашей совести. Разумеется - неофициально.

Это уже присказка какая-то!

Он сел, давая место командирам звеньев, и включил считыватель, используя его в качестве

шпаргалки.

- Бента, поздравляю. Первый сбитый – твой. Потом посмотрите его пленку, *очень* рекомендую. Там прекрасно видно, как надо стрелять на больших дистанциях.

- Риккены Эно и Танно, Шервуд, Йодль, а также примкнувшие к ним Трине и Содд. Вы все доложили об одной сбитой машине. Вы правильно доложили. Об одной. Вы ее сбивали вшестером. Спасибо, друг дружку не перестреляли... Как вы будете делить на шестерых одну нашивку за сбитый – решайте сами.

- Тринадцатому повесим, – буркнул Трине. – Уверен, не привыкать ему.

- Ему – нет, – согласился Рубен. – А вам – придется. Третий сбитый засчитан Ренну и Кампана. Или Кампана и Ренну. И почему я не удивлен? Цель ведомому передана идеально. Отрадно, хоть кто-то у нас умеет работать парой. Предположительные: Дален – один...

- Э! Командир, вы сказали – пять засчитано! За кем еще два?

Рубен развел руками:

- Ну, извините. Да, предположительные у нас: Шервуд... да я-то верю, что не ушел! И Эно Риккен – два. Скромнее нужно быть, Шельмы. Иначе мы весь вражий флот перебьем, и товарищи на нас обидятся.

- Теперь пилотирование. Отвратительно. Единственной слетанной парой, как я говорил, остаются Ренн и Кампана. Риккены, сами понимаете, не в счет. Кстати. Танно, ты доложил, что «проблема несущественная». Как ты вообще до базы дополз, интересно мне знать?

Танно, не привыкший в обществе рта раскрывать, мучительно покраснел. Брат кинулся было на выручку, но Рубен заткнул его одним нетерпеливым жестом.

- Так это, – парень сплел пальцы на коленке, – двигатели работали. Я на ведущем... того... приехал. На визуальном контакте.

- В следующий раз докладывай адекватно. Я бы вывел тебя из боя. Летим дальше. Содд, ты ведущего прикрываешь огнем или собственным телом? Где тебя учили так прижиматься? Вале...

Пилот сжался всем телом. Рубен взглянул на него... и передумал бранить.

- Да все нормально. Покороче в другой раз рапортуй. За борт эту инструкцию – время дорого. Это приказ. И к ведущему – не так близко. Никуда он не денется.

Неприязненный взгляд, которым Вангелис одарил ведомого, и то, как Вале в ответ опустил глаза, сказали о многом. Ну что ж, Бента...

- Итак, двое суток одна пара небоеспособна.

Риккены подняли вопросительные лица.

- Не угадали. Танно принимает новую машину.

- Вот это да! – не сдержался Магне с верхней койки.

- Впредь убедительно прошу... эээ... не злоупотреблять моими талантами добытчика. Отдыхают Вангелис и Вале. Машины сдать, пилотам быть в резерве.

- Но командир, съер!...

- Стабилизатор в лохмотья, - отрезал Рубен. - Только не говори, что не сам виноват. Не пытался бы удрать от ведомого, не прилип бы он к тебе па дистанции, которая не позволила вовремя выделить и отстрелить противника. Скажи спасибо, что это только стабилизатор. Герой-одиночка, Мать Безумия!... Двое суток ремонта! Это командный вид спорта!

Вангелис глядел на него, фиолетовый и совершенно потрясенный: в его голове, очевидно, не укладывалось, как один отличный пилот может орать на другого отличного пилота только за то, что тот - отличный пилот.

- Ладно, - остыл Рубен. - Пролетели. Касательно радиообмена. Галдеж, который мы на радостях подняли в эфире, достиг мостика «Фреки». Некоторые... хммм... позы, в которых вы, по вашим словам, имели противника, вице-адмирал счел интересными. Еще раз руководство услышит подобное безобразие - их на нас же и опробуют. Учитесь говорить кратко и по делу. Всех касается. Теперь все. Отдыхаем.

Несколько бесконечно долгих секунд, с совершенно окаменевшим лицом и чугунными мышцами, и даже не мигая, Рубен глядел на мигающую зеленую лампу и слушал разливающийся в кубрике сумасшедший трезвон. Не понимая, не будучи в состоянии осознать, как такое возможно. Ошибка связистов, короткое замыкание систем, смещение пространственно-временных реалий, дурной сон!

Жизнь несправедлива, но... не до такой же степени!

Боевая тревога! Опять?

* * *

Есть такое зелье,

что потом вся жизнь - похмелье.

Кто его раз пригубит,

губы себе навек погубит.

Станут губы огня просить,

станут губы огонь ловить,

обжигаясь сугубо -

а иного им пить не любо.

Башня Рован

Капля зависла на конце пипетки и всем своим весом обрушилась под веко, оттянутое невозмутимым техником. Холодная. Глаз непроизвольно дернулся.

- Полежите пока, лейтенант. Релаксант сейчас подействует.

С врачом не спорят. А с военным медтехником, возвышающимся над твоим распростертым телом – попробуй поспорь. За прозрачной перегородкой из зеленоватого пластика точно так же мучили Трине.

- ... и расслабьтесь.

Легко сказать. Мышцы были как булыжные – тяжелые и такие же твердые – время от времени напоминающие о себе прострелом судороги. Аукнулись ему все дни, когда тревога гремела вновь и вновь, с извращенной жестокостью дожидаясь, пока щека твоя коснется подушки. Через двое суток выработался рефлекс. Опускаясь на койку, ты уже приучался ждать звонка, готовый взлететь на ноги, едва только вскинувшись из короткого сумбурного сна. И когда сплошной вибрирующий трезвон заливал палубу, ты снова и снова несея к машине, с искусственной бодростью покрикивая на эскадрилью, и только в кабине вспоминал, что голова, кажется, осталась там, на подушке. Сны досматривать. Ох, и какие сны! Несколько последних дней Шельмы шевелились благодаря стимуляторам, да еще ведерному термосу с кофе, который стараниями поварской бригады никогда не оставался пустым.

Бело- голубой медицинский дроид пощелкивал, превращая в своем таинственном нутре пробы пилотской крови в формулы и текст на доступном медику языке. Зеленый на черном. Медтехник, проводивший профилактику, глядел на монитор и хмурил тяжелые брови, и поди догадайся, привычка у него такая, или ему не нравишься ты сам на молекулярном уровне.

- ...не можешь – поможем, – буркнул он, видимо, любимое свое присловье, – а не хочешь... – и не успел Рубен отдернуть запястье, как иньектор ужалил его в предплечье. Холодная струйка обожгла вену изнутри, напряженные мышцы вздрогнули и сами по себе распустились. Провалился в собственное тело, словно в кисель. Не сказать, чтобы так уж неприятно, особенно после того, как, словно загнанная лошадь, только и делал, что бежал, бежал и бежал, останавливаясь лишь глаза протереть, потому что чесались отчаянно, но...

- А ну как зазвенит сейчас? – Губы тоже едва разлепились. Ничего себе. Встану – плашмя упаду. А вот не отрубиться бы прямо тут.

- Ну, постреляют в этот раз без вас. Мы же сидим тут как-то, когда пилоты поднимают железный щит? Гвоздь согнуть можно об этакий бицепс. Я, сказать по правде, всегда недоумевал, зачем пилотам вся эта... архитектура тела? Работаете-то все равно лежа.

- Нам свой род войск рекламировать надо.

- Знамо дело, все – ради девчонок. Гладких, сладких, нежных, влажных...

- Отож! Док, ну я понимаю, мы ребята простые, но у вас-то тут все... эээ... медикаменты под рукой. Что ж вам-то маяться?

- Разве ж я маюсь? – искренне изумился медбрат. – Да у меня на столе каждый день два десятка спортивных парней, знай выбирай симпатичных. Причем, что характерно, никто не отбивается.

Распространенная поговорка гласит, что патологоанатом всегда смеется последним.

- ...с вашего позволения... а почему мой пилот там динамометр выжимает, а я тут лежу?

- Потому что я не сомневаюсь: вы выжмете его. А после ляжете. Совсем. За последнюю неделю вы выпарили пять кило. Организм обезвожен, кожные покровы сухие и вялые. Надо больше пить, и не только кофе.

- Ага, - ощерился Эстергази. - А вы сами пробовали наводить и стрелять, простите, с полным? А сколько он весит при восьми «же»?

- Знаю я эти пилотские уловки и отговорки. Думаете, таким образом задешево сохраняете достоинство, а на самом деле приближаете момент, когда вам в самом деле понадобятся впитывающие вкладыши. Давление повышено, и сердечные ритмы оставляют желать лучшего. Из адреналина в комплексе с тестостероном можно бомбу слепить. Вам ваша печень не нужна уже? В мирное время я уложил бы вас в стационар.

Рубен пробурчал что-то насчет радостей войны, но позаботился сделать это невнятно. Дядька этот и в лучшее время мог бы сломать его через колено.

- И долго это будет продолжаться? - поинтересовался он как можно более небрежно.

- Двадцать минут, исходя из массы тела. Или чуть дольше, учитывая изнурение организма. Или еще дольше - если вздумаете сопротивляться действию препарата. Мой вам доброжелательный совет - смириться с тем, что двадцать минут вы полностью во власти моего произвола.

Рубен благоразумно подавил все, что захотелось сказать в ответ. Армейские байки как само собой разумеющееся утверждали, что, во-первых, медицинская служба без колебаний вколет любому все, что взбредет им в голову, а во-вторых, запросто отбоярится от любого служебного расследования, буде таковое случится. Если, конечно, у кого-то хватит дури пожаловаться. Галактическая фармакология - страшный лес, а цеховая солидарность медиков приведет, скорее всего, к тому, что сам еще окажешься виноват. Потому как все работники медицинской службы в той же степени маньяки, садисты и извращенцы, в какой пилоты - распутники, наркоманы и пьяницы.

- И каковы будут рекомендации? - Голос распростертой на кушетке жертвы прозвучал до того смиренно, что противно стало самому.

- Мои? - Могучие лапы монстра перевернули пилота на живот так, словно он весил не больше листа бумаги. Короткие мясистые пальцы впились в мышцы воротниковой зоны. - Курортная полоса, натуральные продукты питания, спорта не больше двух часов в день, трижды в неделю, а лучше - танцы. Аттракционы. Зоопарк. Девушка. И никаких полетов!

- Совсем никаких? - скрупулезно уточнил Рубен.

- Ну разве что на флайере. А лучше бы и вовсе никаких.

- Сдохну, - резюмировал Эстергази. - Без полетов - однозначно.

Справедливости ради следует заметить, что слово «сдохну» было выдохнуто в пластиковую поверхность кушетки с интонацией глубокого физического удовольствия, на что медтехник не преминул весело фыркнуть. В «киселе» по одному вылавливались мышечные волокна, которые массажист заботливо разминал, разглаживал и выкладывал одно к одному. Интересно, когда первый бог лепил из глины Адама, он тоже похрюкивал себе под нос веселый мотивчик?

- Ну, - сказал он, - это вы себя так настраиваете. Впрочем, - руки перебрались на поясницу, блаженство стало просто неизъяснимым, и хотя вместе с чувством тела возвращалась боль, это

была здоровая боль, как от физического труда или спорта, – я слышал о феномене Эстергази. Позвольте спросить, вы... эээ... генетически оптимизированы?

– Нет, насколько мне известно.

Вопрос этот давно уже не вызывал у Рубена удивления. Время от времени, начиная с курсантских лет, кто-то набирался храбрости задать его и, в общем, в нем не было ничего унижительного. Своего рода завистливое восхищение: ну не может человек так летать. Хотя может – Рубен ухмыльнулся поверх сложенных под подбородком запястий – взять Ренна. Ничуть не хуже, откровенно говоря, и есть кому оставить эскадрилью. На тренажере Рубен сделал мальчишку исключительно на одном только воображении. Ибо отвагу он всегда полагал качеством само собой разумеющимся, а потому второстепенным. В первую голову пилот должен быть изворотлив и хитер.

Кажется, и моргнуть не успел, а его уже снова перебросили на спину. Так, наверное, чувствует себя только что развернувшийся топоинный листок, еще клейкий и весь переполненный живительными соками.

– Отрадно, когда дело рук твоих ласкает глаз и веселит душу, – процитировал медик. – По-китайски это звучит как стихи.

Перед лицом завис офтальмологический сканер.

– А теперь плохие новости.

– Что? – Рубен ушам своим не поверил. – А до сих пор, значит, были хорошие?

– Изменения на глазном дне я вынужден признать необратимыми. Склеротизированы стенки микроскопических сосудов, множественные кровоизлияния. Это, – медик ткнул толстым пальцем в бегущие строчки, – уже никак не назовешь стопроцентным зрением. Слепые пятна, сужение сектора зрения процентов на пять-десять. Не помню, чтобы я встречал действующего пилота в очках. Что будем делать?

Первая мысль у Эстергази была совершенно идиотской, а именно – шантаж!

– Я не могу сейчас позволить себе лечь на операцию, – сказал он, криво усмехнувшись.

– Операция в условиях «Фреки» вам не поможет. Дело же не в ослаблении глазных мышц и не в изменении формы хрусталика. Здесь не обойдется без пересадки донорского органа. Искусственный глаз. Или – если предпочитаете – биокибернетика. Выглядит он совершенно естественно, и нет ни малейшей опасности отторжения тканей. Через полгода вернетесь в полную норму. Как насчет линз в качестве временной меры?

– Линзы? Как они поведут себя при перегрузках?

Вес линзы поверх веса глаза. Он бы сказал, это только усугубит положение. И не выцарапаешь ее из глаза – в скафандре-то.

Медтехник пожал могучими плечами.

– Я бы мог назначить восстановительные мероприятия, когда бы мы поймали проблему раньше. Регенерационные возможности организма достаточно высокие. Но вы же лупите перегрузками по слабому месту снова и снова, не давая ни малейшей передышки ни колбочкам, ни

зрительному нерву. Любая мобилизационная комиссия признала бы вас негодным.

– Меня? – Рубен приподнялся на локте, ушам своим не веря. – Я привожу двух-трех уродов с каждого боевого вылета, док! С этими самыми глазами, позволю себе заметить!

Медтехник, конечно, не доктор, докторов на служивую братию не оберешься, но как они ведутся, когда их подобным образом повышают в звании!

– Послушайте, док, в сущности стрельба истребителя не так чтобы очень уж зависит от зоркости глаз. Системы наведения фиксируют цель в зоне поражения. А дальше – это вопрос статистики! Мы заливаем сектор плазмой, надеюсь, что цель накроет хотя бы один заряд из ста. Именно так это делается, никак иначе. Дистанция поражения намного больше, чем визуальные возможности человека.

– Теперь вы расскажете мне о слепых пилотах, Эстергази? Неужели такая существенная разница между пилотированием истребителя и службой на корабле?

– Только не рассказывайте мне о почетной должности интенданта.

– Это вам ваше начальство расскажет. Мое дело – предоставить ему отчет о состоянии вашего здоровья. Зачем Тремонту слепой комэк? Тем более – через некоторое время он может получить вас в исправном состоянии. Учтите, при сильной перегрузке или яркой вспышке это может произойти мгновенно. Сдается мне, Эстергази, вам не терпится остаться наедине с вечной ночью.

В это невозможно было поверить, особенно теперь, когда тело вновь ощущалось живым, и он чувствовал в нем, кажется, самую незначительную жилку, и кровь, струящаяся в них, была не холодной и загустевшей, как все последние дни, а жаркой и быстрой. И весь этот бред насчет подступающей слепоты выглядел не более чем бредом, обычной чушью, какую всегда несет обслуживающий персонал в попытках набить себе цену.

– Я провожу в космосе столько же часов, сколько любой мой пилот, и летаю на тех же скоростях. Что в моем случае из ряда вон?

Растопыренная лапища махнула перед лицом, огребая датчики с висков и лба.

– Возьмем к примеру человеческую кость, – задумчиво произнес медтехник. – Материал довольно прочный. Требуется достаточное усилие, чтобы его сломать. Однако если ее надлежащим образом вывернуть, как мы говорим – напярч, она ломается буквально от щелчка. Представьте себе, Эстергази, что вы с младенческим добродушием – я другого слова подобрать не могу! – лупите себя по напряженной кости. Вот, и внутричерепное... Разумеется, я назначу ударную дозу ангиопротекторов и витаминов, и кислородотерапию под давлением. Но ситуацию это не стабилизирует. Так... костыли марафонцу.

– Хорошо, сформулируем вопрос иначе. Каково состояние моей эскадрильи? Сравнительно скажем с моим, чтобы я мог сделать адекватные выводы, и каковы персональные риски?

– Н-18? Черные Шельмы? – толстые пальцы пробежались по пультам, добывая информацию из недр корабельной сети. Пользуясь моментом, Эстергази поспешил влезть в брюки.

– У всех в той или иной степени сосудистые проблемы, у всех – гормональный дисбаланс. Дален у вас аллергик?

Рубен промолчал: если Магне и оборвут крылья, то не с его подачи.

– Лучше других выглядит.

– Вот! – торжествующе воскликнул комэск. – А летает не меньше прочих. Правда, – признался спустя секунду, – парень дышит чистым кислородом, и уговаривает три баллона вместо двух. А Вале как?

– Глубоко загнанный психоз. Но это – к Синклеру. Видимых осложнений я не обнаружил. Ни у кого из Шельм «кость не напряжена» до такой степени, как у вас. Вот, к примеру, видите вы флайер, – сказал «док», разводя пальцы, как всегда, когда собирался прибегнуть к метафоре. – Самый современный, мощный, самый, если хотите, красивый...

Рубен криво усмехнулся.

– ...и приведенный в совершенную негодность некомпетентностью и варварской эксплуатацией. Со сбитыми шестернями, двигателем, изношенным неоправданно частым применением форсажа, с топливной системой, заросшей нагаром от несоответствия заливаемого топлива техническим характеристикам транспортного средства, и маслом, не менявшимся сотню лет.

Рубен глянул на него исподлобья, из-под сдвинутых бровей. Метафора, говоришь? Ты сунулся с авиационной метафорой к мужчине с именем Эстергази?

– Я бы сказал, док: это всего лишь машина. Выгнутый и спаянный металлопласт, грубое существительное, материальное выражение и костыль для истинно горячего и живого глагола «летать».* * *

– Ха, Шельмы, считайки проверяйте, почту перевели!

Пилоты, кто более порывисто, кто – с ленцой, ничего особенно не ожидая, но до единого все потянулись к плоским коробочкам индивидуальных считывателей, куда по корабельной сети приходила электронная почта.

Ренн забился в тень своего угла, выглядя при этом настолько нарочито обособленно, что разом привлек общее внимание. В особенности забавников. Танно Риккен ради этого дела даже развернулся на своей койке головой в изножье. Тринадцатый, тварь наименее деликатная из всех, немедленно сделал вид, будто именно сейчас наконец понял, где отведено ему спальное место, запрыгнул на койку Ренна и, громко урча, тыкался под руку мордой. Рубен был почему-то совершенно уверен, что как минимум одним хитрым желтым глазом бобтэйл при этом косит в монитор.

Единожды Улле мягко турнул кота, но, даже свалившись с койки, тот сделал вид, будто не понял, и снова вспрыгнул к Ренну, лапами на грудь.

– Сколько их у тебя, Первый? – спросил с соседней койки Гектор Трине. – Двадцать?

– Нет, – хихикнул Эно Риккен. – Но она явно строчит не по письму в день. Это не благочинная переписка, это, я бы сказал... чат какой-то!

Притиснув Тринадцатого локтем, чтобы хоть как-то его обездвигить, Улле выключил считыватель и раздраженно объяснил зубоскалам, куда бы им пойти и каким образом удовлетворить чувство юмора. Потом вернулся к своим письмам. Видны были только ноги от

колен, да смутно белел хвост бобтэйла, навязывающего пилоту свое общество.

Поусмехавшись на них из своего угла, Рубен Эстергази сел разбираться с собственной почтой.

В директории обнаружились четыре файла. Никто его не забыл и не уклонился от святой обязанности поддержать воина. Дед, отец, матушка и некто, подписавшийся одной К.

С Кирилла станется. Ради одного удовольствия держать криптослужбы в черном теле, Император вполне способен состряпать неудобоваримый текстик и даже потратить на него времени сверх того, что у него отнесено на «дружбу». Как сам Рубен уважал и ценил отца, и готов был выпрыгнуть из кожи вон ради одного одобрительного взгляда, так Кир с детства тянулся за ним самим. Иногда это выглядело даже провокационно. При всем при том собственные «наступления в лужи» бесили Кира изрядно, что выливалось в ряде напоминаний в смысле «кто тут хозяйствует». И когда Император сидел на планете, а Рубен – на внешней орбите системы, это его свойство не создавало совершенно никаких неудобств.

Письмо от Адретт он проглядел, рассеянно улыбаясь: жанром мать владела в совершенстве. Письмо молодой матери взрослому сыну: очаровательное, легкое, отнюдь не пустое, исполненное уверенности, что «мальчик» не станет зря лихачить и ссориться с «другими детьми». Рубен не помнил совершенно точно, когда Адретт приняла этот тон, но он уже вполне присутствовал, когда он исполнял при матери обязанности шофера... Или партнера по танцам па корпоративных и светских вечеринках, чтобы, как она со смехом признавалась, подразнить преобладающих там леди «среднего» возраста. Тон этот, к сожалению, предусматривал обязательный досмотр армейской почты на предмет государственных тайн.

Ознакомившись со всем комплектом, стандартным как по составу, так и по содержанию, Рубен потянулся и сцепил руки за головой. Улле швырнул в Риккена подушкой, но в того не попал, а угодил в Далена. Магне на своей верхней койке мучился с операцией, почти невозможной, а именно – с. помощью стандартного армейского считывателя пытался перевести зарплату на погашение родительского кредита. Со всей возможной флегмой он сунул снаряд себе под спину, и Ренну пришлось сбрасывать кота, топтать через весь отсек – что громко сказано! – и с применением силы изымать свое.

Взгляд сам собой сосредоточился в одной точке. Шельмы хохмили и препирались где-то за пределами невидимой сферы, окружавшей комэска, когда тому удавалось «закрыться».

Он хотел другое письмо. Сожаление было неожиданно острым, и даже болезненным, словно в подвздошье вогнали гвоздь. Или в висок. Сколь угодно краткое письмо, может быть – из одной подписи. Вот как Кир кодирует себя единственной буквой.

Ты даже не знаешь, станет ли она ждать. Какие, в общем, у тебя на это права? Это вон Гринлоу успел. Позаботился, и вернется домой, будучи в своем праве. А у нее – свой комплект обстоятельств, исходя из которых она... Когда ты спустишься с небес, возможно, найдется какая-то совершенно другая девушка. Тебя удивляет собственное сожаление?

Едва только Рубен начал понимать суть отношений мужчин и женщин, его изучающий взгляд сразу обратился на мать и отца. Мягкая взаимная снисходительность и ирония, и ощущение, что они – вдвоем, даже будучи порознь, заставляли его и для себя в перспективе желать того же. И вот только сейчас его озарило, что принцип обрел лицо. И имя.

В «мужском» разговоре – инициатором которого, как Рубен догадался позже, несомненно была Адретт – отец предупредил быть «особенно осторожным» с той, кого мужчина с именем Эстергази посадит себе на шею. По крайней мере, чтобы после не сожалеть. Учитывая

имущественные права и длительные командировки. Во всяком случае, повидав изрядное количество «драматических див», «задорных хохотушек» и «глянцевых обложек», Рубен достаточно легко распознавал «девушку с удочкой».

В жизни пилота Космических Сил секса обычно несколько меньше, чем хотелось бы. В этом смысле, разумеется, каникулы и отпуска у Эстергази даром не пропадали. Личное время – вещь дорогая. Никогда у Рубена не было ничего неосуществленного или подавленного. Обычно наживка объедалась в кругах несколько ниже собственного, и у него вошло в привычку по отбытии не оставлять координат.

Полагал ли он, что будет так же и в этот раз, когда, летя пассажиром, повстречался взглядом с усталой стюардессой, чья дежурная улыбка недвусмысленно посылала в Хель всех перевозбужденных кобелей? Надеялся, что она примет приглашение, придет на бал... ну и так далее, как оно в конечном итоге и вышло. В противном случае нашелся бы кто-нибудь еще. Один бы, пожалуй, не остался.

Вот только вернуть все назад он не хотел. Она была трогательна, как мокрый цветок. Испуганные глаза, умолявшие его – мужчину – найти единственное спасение для них обоих, спровоцировавшие его на приступ нежности, острой, словно физическая боль. Если бы она все-таки убежала... ведь кинулся бы следом, по кустам, наперерез, чтобы удержать ее силой. Сейчас, после того, как он сделал ее счастливой, насколько мог, и поневоле – несчастной, мерки были уже чуточку другими, чем даже когда они стояли в Тавире, глаза в глаза, и чуть не ножи приставив к горлу друг друга.

Ливень, внезапный и сильный, хлынул в один из дней, в Тавире, застав их обоих на террасе. Девушка, весело и испуганно взвизгнув, убежала спасаться под крышу, как то, в сущности, свойственно девушкам, а он остался, подставив холодным, хлещущим с неба струям упрямый лоб и грудь. Тем самым напоминая себе, что он есть существо земное в той же степени, что небесное, и испытывая по этому поводу дикое веселье.

Ливень был свирепым, вода заливала глаза, Рубен не видел ничего, кроме бесформенных пятен разных оттенков серого, и даже захлебывался, смеясь сам себе. И даже не помнил точно, когда обнаружилось, что босым на досках настила он стоит не один, что, прижимаясь к нему, обнимая, укрываясь за ним от дождя, такое же насквозь мокрое, хрупкое, почти обнаженное, дрожит...

И только тогда стало пронзительно ясно, что дождь ледяной, и как легко причинить ей боль, и как невозможно... Сгрести в охапку, втащить, слабо отбивающуюся, в дом, затолкать под обжигающий душ, где целовать до самозабвения...

Помилуйте, я хочу всего лишь письмо. Сойдет и пустой файл, я сам придумаю, что могло там быть, был бы подписан.

Отец сказал бы, на этот раз ты с наживкой заглотил и крючок.

Ты не космический истребитель, и не мужчина, по правде говоря, если боишься принять своею грудью этот залп.

Басовитый вопросительный мямл вернул комэска в Н-18. Тринадцатый, опираясь лапами о койку, запрашивал разрешения обратиться. За сценой пристально наблюдали десять пар глаз. Улле Ренн, штатный почесыватель, был занят. Вспомнив, как это делал Вале, Рубен неуверенно пощекотал пальцем пушистое горлышко. Вероятно, зря, потому что бобтэйл понял его превратно, мгновенно запрыгнув комэску па живот. К счастью, форменные футболки – белого

цвета. Улле, к примеру, приходилось охаживать комбинезон липким роллером не по разу в день.

Командирский считыватель тихонько пискнул и подмигнул зеленым. В самый раз, и возразить-то нечего.

– Время для спорта, Шельмы!

* * *

В спортивном зале палубы Н круглые сутки горели белые люминесцентные лампы. Тени от них были резкими, и даже знакомые лица в их свете выглядели странно. И еще он был совершенно пуст. Шельмы оставались одной из немногих эскадрилий, которые еще соблюдали график тренировок: слишком большие нагрузки приходились на пилотов в последнее время, и по доброй воле сюда приходили единицы. Рубен соблюдал строгость в этом вопросе. Продолжительное «напряженное лежание» в кокпитах вкупе с гравитационными перегрузками, перемежаемое бесцельным валянием, вело к атрофии мышц и остеохондрозам. Поддерживаемые в тонусе, Черные Шельмы поднимались по боевой тревоге относительно легко. Ну а еще это эффективно помогало против вредных и пустых мыслей. И против гормонов. А куда ж без них?

В этот раз Рубен подсуетился и захватил кольца сам, послав в сторону остолбеневшего Магне ослепительную улыбку. Кто не успел, тот опоздал, дружище! Полюбуйся, братец-Шельма, что может на снаряде мастер.

«Ракушка» в ухо, глаза – прикрыть. На этот раз в мозг наливалась музыка из старых фильмов: Лей, Морриконе, многочисленные «Бурные воды» Мория, замысловатые фламенко Пако де Лусии. Тело превратилось в тугой клубок напряженных мышц, сладко тянущих, но – живых. Хорошо чувствовать себя живым.

Рубен с детства любил кольца. В сущности, вся его мускулатура была сформирована ими. Упражнения на кольцах отвечали его подсознательному стремлению к совершенству. Именно здесь особенно видно, если ты чего-то не можешь. Или можешь недостаточно хорошо. К тому же, закрывая глаза, он мог оказаться в любой обстановке – по желанию, сколько хватит воображения, а воображения ему хватало всегда. И потом, взметывая в воздух пластичное тело, послушное единственно его воле, не осуществлял ли он снова и снова, в еще одной доступной ему форме самое непреодолимое желание мужчины – летать? То, что он, покуда жив, никогда не сможет исполнять вполсилы.

Безликой, ко всему равнодушной силе гравитации Эстергази противостояли всегда и норовили обмануть уже в том возрасте, когда заучивали свое имя. Она олицетворяла для Эстергази понятие рока – а в рок они не верили!

Что-то изменилось в его чувстве пространства, в расстановке фигур, пробежали какие-то искры, биотоки мозга даже музыку окрасили в тревожные тона. Что-то, словом, было неладно и настойчиво выдергивало комэска из гиперпространства нирваны. Спротивлялся, сколько мог, противостоя внутреннему дискомфорту, и даже стиснул зубы, но упражнения в борьбе с самим собой удовольствия уже не доставляли. Рубен довершил оборот, открыл глаза и спрыгнул па пол.

Кроме него, оказывается, никто не занимался. Шельмы стояли у избранных снарядов, напряженные плечи и спины говорили сами за себя, и только Вале, взмолившийся на брусья, глядел на всех свысока. На лице его – неслыханное дело! – был нарисован живейший интерес.

Рубен поспешно выковырял из уха «ракушку».

– ... гарем старается, лижет из кожи вон...

– А вы тоже постарайтесь, глядишь – и вам позволим! – счастливый дар Магне Далена все на свете обращать в шутку.

Пятеро Кинжалов – Гросса нет среди них! – стояли у самого входа. Видимо, тоже зашли покрутиться-побоксировать, злой гормон погонять, ан занято. И не кем попало.

– Плюнуть некуда, чтоб в Шельму не попасть.

А вот лица у них нехорошие. Рубен, в конце концов прекрасно понимал Гросса, чья ненависть была исключительно классовой, своего рода крестовым походом, да в общем – обычная детская толкотня в песочнице в извечных попытках установить иерархию самцов. И хотя Кинжалы никогда не упускали случая показать в сторону Шельм «большой зуб», сам ритуал показывания зуба стал уже чем-то совершенно рядовым. Сопровождаемая диким хохотом, весь «Фреки» облетела реплика очнувшегося под капельницей Гросса: «Эстергази, чтоб он был здоров... триста раз... поймаю – пришибу!» Рубен, когда ее довели до его сведения, посмеявшись, посчитал инцидент исчерпанным. Или, точнее сказать, переведенным в сферу профессионального соперничества: кто больше уродов привезет.

Надо признаться, за последнее время в общем зачете Шельмы несколько раз преобольно нащелкали ближайших соперников по носам, то бишь по уязвимой гордости. Легко догадаться, чья эскадрилья служила в частных разговорах Кинжалов притчей во языцех и первопричиной всех бед. К тому же Кинжалы неистово обожали своего комэска, и с этой точки зрения любой ушат помоев на князька Эстергази воспринимался ими делом благим, вроде священной мести за обиду, нанесенную кумиру. «Эстергази, мать его» звучало у них органично, как имя собственное.

Ненависть Ланге, командира Синего звена, была животной, необъяснимой и – совершенно индивидуальной. Не сказать, чтобы чувство это было для Эстергази внове, более того, процентов у десяти мужской части общества, с которыми он встречался в узких коридорах, примерно это чувство он и вызывал. Как с ним справляться – до сих пор оставалось для него неразрешимым психологическим ребусом. Ланге напоминал ему быка с выкаченными белками, мир которого подернут кровью. Пахнуло курсантской юностью, когда один пятерым с такими глазами он старался не попадаться. А в банде из пятерых такого и одного достаточно. И собой не управляют, и противника не считают. Бешенство заразно.

Гросса тут – предусмотрительно? – не было, и если эскадрильи сцепятся, отвечать придется старшему по званию из тех, кто тут есть. Ну-ка, догадайтесь с одного раза!

Откровенно говоря, он помедлил, прежде чем протолкаться вперед. Не мог придумать слов, чтобы успокоить тех, кого приводил в свирепое бычье бешенство один его вид, да что там вид – одна мысль о его благоденствии.

– Ребята, – окликнул их Вале со своего насеста. – У вас, я вижу, проблема? Хотите об этом... хммм... поговорить?

Фраза из арсенала психоаналитика Синклера, причем перепетая уморительно точно, обратила к нему шестнадцать пар недоумевающих глаз. Сидя на одном брусике и упираясь ступнями в другой, озаренный общим вниманием, парень буквально лучился. Рубен заподозрил недоброе, но промолчал, потому что сказать все равно было нечего.

- Древний мудрец доктор Фауст... или Фрейд?... поправьте, если ошибусь... - начал Иоханнес, наклоняясь вперед, грудью к выставленному колену, - толковал симпатии и антипатии, а также прочие влечения, склонности и движения души в зависимости от так называемых индивидуальных комплексов. Отложим в памяти этот момент и пойдем дальше. Чуть более поздние исследования показали, что человек, как это ни прискорбно, есть всего лишь совокупность сложных химических соединений. Ну, или это нам льстит думать, будто они достаточно сложные. Состояние каковых соединений друг относительно друга...

- Что он несет?

Рубен с изумлением обнаружил, что обзавелся колпаком-невидимкой. Быки, что стояли против него, склонив рога, и только арену копытом не рыли, определенно его не видели. Нет, конечно, тореадор по-прежнему тут присутствовал, но только в поле их зрения теперь попала ярко-красная мулета.

- В толк не возьму... но Фрейда к добру не поминают.

В пользу этого пункта Рубен бы голову прозаклаживал.

- ...регулируется так называемыми гормонами. Серотонин, к примеру, заведует счастьем, кортизон - ужасом, адреналин - возбуждением, тестостерон - мужеством, эстроген... ну, это вам не грозит. У меня, - Вале запустил пальцы в нагрудный кармашек, - есть то, что вам поможет.

Даже Шельмы затаили дыхание. Помочь в этом случае, по разумению Рубена, могла только немедленная боевая тревога.

В руке фокусника появилась алюминиевая пластина с десятком больших таблеток. Белых и круглых.

- Контрасекс! - радостно возвестил Вале. - Тринадцатый с удовольствием поделится с братьями по оружию!

Может, он и еще что-нибудь хотел сказать. Опустив рога к земле, быки ринулись к брускам, а Шельмы - наперерез. Их было все-таки больше, даже если не брать в расчет как боевую единицу самого Вале. Тем более, он и не подумал покинуть насест, рискуя, что снаряд опрокинут вместе с ним самим. Нападавших остановил, разумеется, не численный перевес противника и не присутствие старшего офицера. А исключительно одно то, что невозможно же идти врукопашную с безудержно, словно от щекотки, хохочущим противником.

- Стойте! - рявкнул Ланге. - Шельмам еще укажут их место, рано или поздно, и я буду в этом участвовать. А этого, - он ткнул пальцем, будто ставил точку или, скорее, восклицательный знак, - я объявляю лишенным мира!

Вале фыркнул носом в колени.

- Мужики, чё-то вы больно всерьез... - начал Дален.

У него, как предполагал Рубен, как раз были самые верные шансы на одном языке сговориться с эскадрилей, организованной по принципу фабричной банды. Сам-то Магне в этом направлении даже и не думал, с гордостью считая себя стопроцентной Шельмой.

* * *

Очередная передышка, которая могла продлиться то ли пять минут, то ли пять часов. Ожидание тревоги изматывало почище боев. Шельмы лежали по койкам, большей частью молча. Свет был притушен, к вящему удовольствию комэска, который, пользуясь случаем, занимался дыхательной гимнастикой. Точнее, выполнял единственное упражнение – дышал глубже. На три счета глубокий очищающий выдох, чтобы почувствовать, как слипаются стенки легких. Пауза. На три счета вдох на полную емкость груди, так, что больно даже. Магне научил, и оказалось, что штука полезная, унимает сердцебиение, и грудь не так давит. Давило, правда, довольно сильно. На груди уютно свернулось пять кило кошатины. Тринадцатый, истинный Шельма по духу, моментально разобрался, кто в стае главный самец, и одному ему выражал пиетет. Стоило Рубену отлучиться по делам эскадрильи – бобтэйл немедленно отправлялся изъявлять верноподданнические чувства Ренну. Однако как только комэск появлялся в дверях – кот вспоминал о присяге. Так и получилось, что если Рубен его не сгонял, Тринадцатый устраивался у него на животе или груди, или в сгибе коленей, если комэск спал на боку. Сегодня шевелиться было особенно лень, и Рубен, лежа плашмя, отрешенно внимал восторгам Трине в адрес Аниты Козмо, ее сросшихся черных бровей и глубокого проникновенного баска. Были у Аниты, ясное дело, и другие достоинства: как большинство звезд, огребавших популярность в отзывчивой и непритязательной армейской среде, сценические костюмы она носила достаточно умеренные. Особенной славой пользовался ее комби-купальник из черной кожи-флекс. В отличие от Мэри Зеро, уже столько лет мусолившей образ покинутой бэби-блондинки, Анита пела о «страстных и пряных ночах». Поклонником Мэри Зеро у Шельм числился Танно Риккен, а брат за него охотно и весело отлаивался от шуточек в адрес «естественной мужской страсти защитить и обогреть». Магне, без которого не обходился ни один треп «о бабах», полагал, что если есть пара нежных бедрышек, то прочее зависит уже только от систем наведения. Впрочем, эскадрилья давно уже была в курсе насчет валькирии его собственной мечты. Блондинка его роста, на каблуках-платформах, в коротком облегающем платье – непременно голубом! – мускулистая, с резкими движениями и непременно – непременно! – с длинными волосами, забранными в «хвост». Магне до мелочей продумал образ возделенной богини – а Содд уверял, что даже и реплики за нее! – и даже уверения, что блондинки дороги" и даже комсостав стоит за ними в очередь, не могли сбить его с взятого курса.

Вот, кажется, как нас прикладывает, впору вовсе о женщинах забыть. Ан нет. Первыми пали барьеры самоограничений. И хотя любой из нас способен сейчас спать с женщиной только исключительно буквально, едва ли в часы относительного покоя кто-то может не думать о них.

Что до Рубена, он подозревал, что обе дивы суть цифровые манекены, и голоса их спроектированы с учетом рекомендаций психотерапевта и биотоков среднестатистического армейского мозга. В любом случае они вызывали у него желаний не больше, чем дешевые латексные модели на батарейках из каталога «Все для холостых». Если... нет, правильно будет сказать, когда он вернется, у него есть название авиакомпании... имя... и лицо.

– Эстергази! – в раздвижные двери Н-18 всунулась голова Гринлоу. – Ты не в курсе? В умывалке твоего пилота бьют!

Взвились – куда там боевой тревоге! Тринадцатый, оскорбленный в лучших чувствах, еще висел в воздухе, вздыбившись и растопырив лапы, а Шельмы уже грохотали по кишке коридора в сторону палубного санузла.

Бента Вангелис, оказавшийся шустрее прочих, влетел в умывалку первым, поскользнулся на кафельном полу – ах, эта вода! – и выехал на середину, отчаянно балансируя руками. Следом ввалились и прочие.

Ох, какое плохое дело. Их было трое. Вале хрипел и извивался, а закрученное на шее полотенце не оставляло ему ничего другого. Рубен хорошо знал это такое полотенце. Посредством точно такого же полотенца на первом курсе двое старших предприняли попытку выразить отношение к месту Эстергази возле трона. Если удачно его набросить, отпадает необходимость держать жертву – так судорожно она вцепляется обеими руками в удавку. Важно также как следует прогнуть ее назад, удерживая в миллиметре от падения. Человеку, чей мозг стремительно теряет связь с телом, кажется, что, потеряв равновесие, он ломает себе позвонки. Иоханнес был к этому близок: лицо побагровело, глаза закатились до белков. Один держал, запрокидывая Шельму назад, двое других жестоко и унижительно точно избивали его скрученными в жгуты мокрыми полотенцами. Тяжелыми, как дубинки.

После короткой схватки Шельмы выложили три тела в аккуратный ряд, прямо в лужу на полу. Трине, Йодль и кто-то из Риккенов устроились у них на спинах, придерживая локти в районе лопаток. Тощие мосластые предплечья Содда торчали из засученных рукавов. Улле Ренн выглядел настроенным весьма решительно, хотя угрозу в его случае представляли разве что ботинки на ногах.

Вале, опираясь на локоть, заходил в кашле. Дален неуверенно стоял над ним: то ли поднимать, то ли дать очухаться. Единственный, кто, ступив на порог, не сделал ни единого движения, был Рубен. Старший офицер среди присутствующих, имевший право «поднять и двигать вопрос».

Коридор за спинами рассыпался гулкой дробью многих ног, па пороге вырос Гросс собственной персоной и еще восемь его пилотов: те, что числились в остатке.

– Что, Эстергази... Что за... дерьмо?

Вале наконец собрал себя в кучку. Дален помог ему подняться, но Иоханнес оттолкнул его руку и, шатаясь, побрел в ближайшую кабинку. Там его громко вырвало. Ни на кого не глядя, с видимым усилием дотащился до питьевого фонтанчика и, зачерпнув ладонью, сполоснул рот. Все молча смотрели на него.

– Иоханнес, ты хочешь, чтобы я дал делу законный ход? – Голос был совершенно чужим, холодным, сухим и таким презрительно-княжеским, каким и от рождения ни разу не был. – Должен предупредить, если он скажет «да», я покончу с тобой, как с комэском и добыей расформирования твоей уличной банды.

Вале покачал головой, хотя и видно было, что через силу. Против самого себя Рубен вздохнул с облегчением. Помимо писаного Устава, в армии, само собой, есть и неписаный. Не выносить на вышестоящее начальство то, что... словом, можно не выносить.

– Трое твоих напали на одного моего. Сам их накажешь. Так, чтобы я... нет, так, чтобы он остался удовлетворен?

– А я тебе должен за этого плюгавого педика?

Наверное, это длилось всего мгновение: кровавой яростью заволокло глаза. Эстергази даже испугался: не оно ли, не та ли самая роковая вспышка давления, о которой его предупреждали упорно и долго и каковым предупреждением он так неосмотрительно пренебрегал? Но и испуг был ненастоящий, того же рода, как в бою, когда веселое бешенство заставляло забывать обо всем. Там это было противостояние мастерства и техники, и чужой пилот точно так же был осведомлен о ставках в этой игре. Расстреливая чужой истребитель, он никогда не добивал катапультировавшегося пилота, поскольку это противно чести. Сейчас он не просто желал

Гроссу скорой и мучительной смерти – он хотел убить его прямо сейчас и своими руками, раздолбать ухмыляющееся рыло прямо о мокрый кафель. И мог – вот что самое неприятное. Эскадрильи стояли кругом. Трое на одного – полное дерьмо, в глубине души это признавал каждый, но комэск против комэска – это шоу, в особенности если – эти два комэска. И лишь во вторую очередь повод к свалке стенка на стенку.

– Гросс, ты, надеюсь, понимаешь, что на этот раз...

Нет, не то. Ехидный прищур Гроссовых глаз, в которых если и есть тревога, то очень уж глубоко запрятана.

– Если ты отказываешься решать вопрос со своими людьми, я буду решать его с тобой.

– Даже так?

– Так. Вплоть до дуэли.

Гросс присвистнул.

– Вылетишь, – констатировал он. – И с комэсков, и со службы вообще. Хотя с твоей кредитной карточкой можно себе позволить.

– А с твоей – нет.

Победителем здесь будет не тот, кто приложит больше силы в нужную точку, а тот, кто удержит нерв.

– Да ладно, – сказал Ланге, которого в числе нападавших не было. – Шельмам гонору давно бы поурезать. На боевые операции ходим поди. И у нас поди-ка перекрестье прицела имеется. Можем ведь и не оказаться рядом... когда *очень* понадобится.

Гросс цыкнул и зашипел, но поздно. Есть грань, которую научаешься не переходить, но для этого требуется житейский опыт и хотя бы минимум ума. Как ни странно, глупая ненависть Ланге столкнула камень с души Эстергази.

– Я этих слов не слышал, – сказал он. – Твой пилот их не говорил. Иначе возникнут сложности, которые *действительно* не нужны ни тебе, ни мне. Само собой, если вас не будет в нужном месте в нужное время... что это такое – ты сам понимаешь. Вопрос уже не дисциплины. – Он обнаружил, что улыбается, стоя так высоко, что Гроссу не допрыгнуть вровень даже на батуте. – Это называется другим словом.

– Хорошо. – Гросс сделал чрезвычайно важный шаг назад, подчеркнув тем самым уступку, но по-прежнему глядя Эстергази в глаза. – Я их накажу, всех... четверых. За идиотизм! Надеюсь, будешь доволен.

– Не буду, – сказал Эстергази.

Еще секунду они мерились харизмой, потом Шельмы, повинаясь жесту Лидера, слезли со спин поверженных врагов, те поднялись, в комбинезонах, сплошь пропитанных водой, и, ни на кого не глядя, вышли первыми. Ни один из Шельм не тронулся с места, пока все остальные Кинжалы следом за своим комэском не покинули поле боя.

– Свободны, – сказал Рубен уже своим нормальным голосом.

Из всех побед эта была самая тяжелая.

Не торопясь и проходя в двери по одному, пилоты потянулись обратно.

- Вале!

Иоханнес вздрогнул, обернулся, взглянул – как обжег. Рубен даже вздрогнул непроизвольно.

- Я говорил по одному не ходить?

- Так точно, командир. Съер.

- Индивидуалист?

- Вроде того.

- Я тоже, – неожиданно признался Рубен. – Как по мне, подходящее качество для аса.

* * *

Если прикрыть глаза, меру наполнения пространства чувствуешь, слыша хождения и стуки, и негромкие голоса, какими приветствуют друг друга давно знакомые люди, кому уже не столь важно соблюдение субординации. Трремонт сел рядом с Крауном, и кадровик не стал поднимать век, потому что и сам знал: лицо старого друга было от усталости серым, а взгляд – беспокойным. И это попятно: из всех, кто тут сегодня собрался, на него пришелся главный удар. Вот только сейчас ему выпало «накачивать героизмом» сто семьдесят смертельно уставших, плохо побритых парней, тяжело молчащих на грани тихой истерики. Сто семьдесят. А две недели назад было двести сорок. Крауну не было нужды смотреть, чтобы узнать чифа летной части по... а собственно, по чему? По характерному ощущению тепла, происходящего, должно быть, от трепета его внутреннего огня? Вольно или невольно Краун переносил чувство восприятия этого огня с Винсента, которому искренне симпатизировал, на всех знакомых пилотов, поскольку ему казалось – оно принципиально свойственно им. В той или иной степени, разумеется.

Размеренные тяжелые шаги Эреншельда. Торопливая трусца сопровождающих его адъютантов. Характерная, обманчиво-ленивая поступь командира десантной эскадры. Главный инженер. Главврач. Легкая щегольская ниточка Клайва Эйнара. Звуки. Эхо. Авианосец – не что иное, как огромная пласталева коробка, в которой резонирует все на свете. Включая боль, отчаяние и смертный страх.

Это заседание проводилось малым кругом, в персональном кабинете вице-адмирала. Конференц-зал для собиравшейся компании был бы слишком велик. Адъютант включил мониторы на стенах, чтобы командиры приданных «Фреки» крейсеров могли участвовать в совещании виртуально.

- Приветствую вас, господа, – сказал Эреншельд, садясь во главе стола. – Поговорим о сложившейся ситуации. Я располагаю персональными докладами всех начальников служб. Следует, я думаю, провести перекрестное ознакомление. Капитан Краун, начнем с вас.

Ланселот Краун щелкнул клавишей считывателя, отправляя на аналогичные устройства присутствующих материал своего отчета.

- Еще перед началом боевых действий аналитические расчеты предполагали, что в случае

продолжительного массированного наступления нашим узким местом становится ограниченность людских ресурсов. Наши потери на сегодняшний день составляют, – он перевел взгляд на равномерно струящиеся на мониторе строки, – тридцать процентов личного состава. Его наиболее квалифицированной части. Пилотов, – у него странно онемели губы. Далеко не каждый, с кем сталкивала его служба, способен был спровоцировать его на проявление эмпатии. Краун считал себя уравновешенным человеком. Тем не менее, сейчас он отчетливо ощущал и служебную панику Тремонта, и его вполне человеческую боль.

– Анализ записей с фотопулеметов позволяет утверждать, что противник несет более тяжелые потери: как в технике, так и в личном составе. То, что *они* могут позволить себе интенсивную атаку такой продолжительности, какую мы имели возможность наблюдать, и такой численности, заставляет предполагать, что противоборство на нынешнем этапе сводится к одной схеме. А именно: кто первым ляжет под грузом потерь. Мне кажется... я убежден, – поправился он, бегло глянув ниже, – капитан Тремонт лучше доложит о состоянии дел во вверенном ему подразделении.

Тремонт дернул углом рта. Он готовился, но, тем не менее, как всегда, оказался не готов.

– В целом, несмотря на многочисленные трудности, авиа часть пока справляется со своими задачами. Проблем с материалами, благодаря поддержке базы, нет. Состояние техники хорошее, претензий к инженерным службам нет, боеприпасов достаточно. Состояние личного состава... близко к критическому. Нагрузка на пилотов – предельная.

– Расшифруйте подробнее.

– Тридцать процентов, – повторил он. – Это чертовски много, прошу прощения, вице-адмирал, сэр... Пилоты совершают по шесть боевых вылетов в сутки. Парни практически не вылезают из кокпитов. И примите во внимание, по мере того, как их становится меньше, возрастает кубатура патрулирования, а как следствие – нагрузка на пилота. Чтобы ослабить нагрузку на истребителей, патрулирование относительно безопасных секторов ведут штурмовые авиакрылья, пересаживаемые на истребители. Попытки чередовать очередность патрульных вылетов ни к чему не привели. Потому что при каждой атаке приходится вводить в бой все резервы. Только вчера, – он непроизвольно вздохнул, – я опять объединил две эскадрильи.

– Ничуть не сомневаясь ни в героизме наших пилотов, ни в их профессиональной подготовке, замечу все-таки, что парии выполняют свой долг.

Клок черных волос на голове Тремонта встопорщился, Краун потянул было того за рукав, но командир летной части досадливым движением освободился.

– Я сам пилот, и я представляю, что такое – шесть вылетов в сутки. Два инсульта прямо в кабинах. Обоим – по двадцать пять. Я каждый день принимаю кассеты с самописцев: комэски не могут поставить роспись, у них трясутся руки. Гросс ходит, держась за стенку коридора. Эстергази слепнет, а я не могу отправить его вниз, потому что у меня нет не только лучшего пилота, но даже вообще лишнего.

– Лучший снайпер у вас все еще Эстергази? Или ремесленная хватка опрокинула наконец княжеский гонор?

Тремонт сморгнул, сообразив должно быть, что преступил границу допустимого.

– Княжеский гонор пока на высоте. Гросси отстают... прилично. Да и в общем зачете Шельмы против Кинжалов выглядят повеселее. Выглядели, во всяком случае, до вчерашнего дня.

– Я подал Императору представление на рыцарские звания и Серебряных Львов для лучшей эскадрильи, – задумчиво молвил вице-адмирал. – И это оказались, само собой, Шельмы. Нас могут не понять.

Чиф летной части по-волчьи приподнял верхнюю губу.

– Я немедленно спишу Эстергази, если вы позволите мне боевые вылеты. А лучше присвойте ему внеочередное звание и поменяйте нас местами. У него получится.

– Сам Эстергази согласен?

– Нет. Но он – офицер и подчиняется приказам.

– Бросьте, Винсент. Смешно завидовать двадцатипятилетнему мальчишке. Все равно вы его счет не превысите.

Шутка не возымела действия.

– Не ерундите, Тремонт.

– Прошу прощения, вице-адмирал, сэр, – Тремонт, как Краун и опасался, пошел вразнос, и теперь его уже не остановить, не привлекая внимания главкома. – Парии, конечно, выразят надлежащие чувства по поводу званий и наград, но было бы намного полезнее для дела, если бы в ближайшее время что-то кардинально изменилось. Мы не можем более контролировать такой сектор космоса. Мы уже, – он поморщился, – пропустили внутрь системы несколько бомбардировщиков. Это не вина моих пилотов, и это не имеет, осмелюсь заметить, никакого отношения ни к отваге, ни к героизму.

– Ваших пилотов никто не винит, капитан Тремонт. Равно как и лично вас. Для орбитального и планетарного оборонных комплексов Зиглинды два-три звена бомбардировщиков не должны составить серьезных затруднений. В любом случае, это не то, за что с нас снимут головы.

– Сэр, если сегодня-завтра на «Фреки» не возрастет число боеспособных пилотов, чтобы дать людям хоть малейшую передышку, либо если мы не уменьшим им сектор ответственности, «железный щит» системы просто рухнет.

Вице-адмирал задумчиво глядел на начальника летной части. Отечные старческие пальцы барабанили по поверхности стола.

– Новость, которую я сообщу, вероятно, порадует капитана Тремонта. В состав действующего флота спешно готовится вступить новейший авианосец «Валькирия». Он намного мощнее «Фреки» и способен нести в полтора раза больше истребителей. В ближайшее, – он подчеркнул это слово интонацией, – время он вместе с приданными ему крейсерами и эсминцами примет на себя контроль над своим сектором ответственности. Соответственно сузится зона наша и «Гери». Поверьте на слово, «Гери» приходится не слаще нашего.

Тремонт дернулся, сглотнул, пробормотал: «Благодарю вас, сэр» – и сел, ни па кого не глядя. Он явно казался себе глупцом, не ко времени и не к месту вылезшим с эмоциями. Положив ладонь на стол, Краун просигналил: «Все в порядке», но друг только отмахнулся.

– Сэр вице-адмирал, – спросил Краун, – в связи с полученными ободряющими новостями мы можем планировать расстановку пилотов хотя бы в две смены?

- Как только «Валькирия» доложит, что заняла позицию в своем секторе - немедленно. Кстати, капитан Краун, информация по вашему ведомству. Сегодня во второй половине дня ожидается прибытие резерва второй очереди. Решите этот вопрос с капитаном Тремонтон.

- Слушаюсь, сэр.

- Пара слов по политической ситуации, - продолжил Эреншельд, словно инцидент с начальником летной части не стоил большего внимания. - Ни Новая Надежда, ни Земли по-прежнему не изобличены как виновники происходящего. Это ставит нас в невыгодное положение: каждый из них настолько боится вхождения Зиглинды в состав потенциального противника, что готов вмешаться в конфликт на уровне открытых военных действий. Мы не раз этим пользовались, сохраняя суверенитет. В данном случае этот рычаг не работает. И командер Лаки сейчас расскажет нам - почему.

Поименованный представитель аналитической службы кивнул коротко остриженной головой.

- Мы провели спектральный анализ фрагментов тел вражеских пилотов. Обнаружено, что белковые структуры изменены относительно принятых в нашей системе норм. Согласно официальному атласу освоенных территорий такой комбинации просто не существует. Таким образом, пока не доказано обратное, приходится считать, что мы атакованы третьей силой. Причем сила эта такова, что оказалась в состоянии давить нас массой. Исходя из индекса относительных потерь, аналитическая служба предполагает, что противостоящая нам цивилизация многочисленнее нашей. Что в общем-то немудрено: население Зиглинды не превышает миллиарда. Либо... - Лаки сделал паузу, словно предположение, которое он хотел озвучить, звучало дико и для него самого, - мы столкнулись с сознательной формой жизни, развившейся в районе, который мы привыкли использовать как свалку отслужившей свое боевой техники. Формой жизни, осознавшей себя общностью и испытывающей потребность в кислородной планете.

- Вы хотите сказать, - уточнил Эреншельд, - до сих пор цикл этой формы проходил на «станциях»?

- На данном материале, сэр вице-адмирал, мы ничего не можем утверждать с определенностью. Только предположения, и те основанные на принципах человеческой логики. Есть ли у них единоличный лидер, способный подвигнуть общество на жертвы во имя великой цели или религиозного долга, или же это жизненная необходимость демократического общества: в данной ситуации представляет скорее академический интерес. Лично я рискнул бы охарактеризовать общий настрой противостоящей нам силы как фанатический.

- Форма жизни - гуманоидная?

Лаки кивнул, признавая вопрос закономерным, и отправил на считыватели аудитории парный портрет двух человекообразных существ.

- Это, разумеется, реконструкция, - сказал он. - Все системы управления нашими кораблями, взятыми агрессорами на вооружение, рассчитаны на строение человеческого тела. Грубо говоря: две руки, две ноги, два глаза и переносимость вектора перегрузки в направлении «грудь-спина».

Глаза собравшихся были прикованы к мониторам. Отображенные там лица определенно не соответствовали человеческим представлениям о красоте и раздражали глаз, способный найти определенную привлекательность даже в монголоидных и негроидных формах. Кожные покровы бледно-серого цвета, отсутствие волос, костные выступы там, где согласно стандарту

им не следует быть.

– Это все, что мы способны выжать из компьютерной экстраполяции обугленных фрагментов, подобранных манипулятором-разведчиком в секторе сражения. Ваши пилоты, капитан Тремонт, оставили нам не слишком много.

Камера отошла, демонстрируя угловатые обнаженные тела, неестественно длиннопалые и словно бы обезвоженные, более всего похожие на плод воображения обкуренного автора уличных граффити.

– К нашему общему неудовольствию, мы пока уступаем им инициативу наступательных действий, – сказал Эреншельд. – Разведгруппа, посланная в направлении рассчитанного вектора, пока не вернулась.

– Правильно ли я понял, – в тишине спросил Краун, – согласно анализу белковых структур, они – не люди? Конкурирующая форма жизни, подразумевающая борьбу за выживание вида. Это социобиологическая аксиома, не так ли? Они захватывают планету для себя, и ассимилировать население у них не получится, даже если бы они захотели... Логично предположить в таком случае, что к уничтожению планируются не только силы вооруженного сопротивления Зиглинды, но и все мирное население планеты?

Он вопросительно глянул в сторону чифа аналитической службы, будто желая убедиться, что использует правильную терминологию, и тот согласно кивнул в ответ:

– Соответственно нам следует ожидать термических бомбардировок с планетарной орбиты. Как только они на нее выйдут.

– Орбитальный пояс обороны, – сказал вице-адмирал. – Силы ПВО планеты. И наш щит еще не рухнул, господа. Современная техника Зиглинды намного превышает возможности морально устаревшего хлама, которым пользуется противник. «Валькирия» полностью укомплектована профессионалами. Я решительно запрещаю вам пораженческие настроения!

* * *

маятник в левую – в правую сторону

каждому брату досталось поровну

каждому Гаю досталось по Бруту

всем великанам – по лилипуту...

Башня Рован

Рикард Джонас полагал, что ему не повезло. Всю дорогу он маялся скачковой мигренью, отягощенной дурными мыслями. Увольняясь в запас по выслуге лет, он никак уже не рассчитывал, что придется возвращаться в Космические Силы, тянуться во фронт и мучительно жевать резину «Сэхримнира». Пятнадцать лет, день в день отданные военной службе, в его воспоминаниях отнюдь не выглядели самыми счастливыми. Пищевая и сексуальная неудовлетворенность, спорт из-под палки, время, утекающее безвозвратно в компании чужих людей, и множество ненужных условностей.

Теперь, спустя двадцать лет, Джонас был, что называется, представительным мужчиной, с капелькой веса, который завистники называют лишним, с ухоженными ногтями короткопалых веснушчатых рук, с щеточкой холеных усов над верхней губой. Между прочим – муж, и между прочим – отец. Мысль о том, что Империя не оставит вдову и детей, утешала слабо, учитывая, что это может быть его собственная вдова.

Деваться было некуда. Планета встала «под ружье», внутренние рейсы, где он служил пилотом, частью закрыли совсем, частью сократили. «Подмели» всех, кто имел хоть малейший навык пилотирования боевых машин. Несмотря на бодрый тон новостей, шепотом передавали глухи о страшных потерях. Поневоле вспоминалось, что «Фреки» означает – «прожорливый».

Истребитель. Расходный материал войны. В сорок пять человек приучается смотреть на вещи трезво. Пусть мальчишки играют в героев и молодцов. Пушечное мясо! Джонас, сидя в отсеке скачкового транспорта, стиснутый плечами таких же мобилизованных из резерва, как он сам, давал себе обещание воевать осторожно. Корешиться здесь не имело смысла. Все равно по эскадрильям их распределят, как будет угодно чифу кадровой службы. Поменьше... душевных обязательств.

Вот привелось же, помилуй Господи, исполнить гражданский и верноподданнический долг!

Эта идиотская война была придумана специально, чтобы воспрепятствовать ему в момент, когда результатом его долгосрочного стратегического планирования стало наконец устойчивое материальное положение.

Лишь сравнительно недавно, лет двадцать пять назад высшие командные должности открылись для отпрысков англосаксонской и франко-испанской генетических линий. Военная карьера никогда не интересовала Джонаса, хотя он числился у начальства на неплохом счету. Положительная репутация была частью плана. Выслужив свои пятнадцать лет, он демобилизовался день в день, и гражданская авиакомпания, которой он предложил свои услуги, приняла их с радостью. Прекрасный положительный пример на фоне спившихся, комиссованных по болезни и тех, кому начальство отыграло в характеристике мелкие грешки и неуживчивый характер. И хотя по уровню жизни и индивидуальным предпочтениям Джонас представлял собой чистейшей воды буржуа, возможность козырнуть прошлым военным пилотом дорогого стоила в обществе, помешанном на армейской службе. Теперь он был уважаемым человеком, индивидуумом, а за штурвалом лайнера – вовсе царем и богом. Кто бы мог подумать, как обернутся против него обстоятельства.

Сбитых с толку, больных головой и координированных примерно в той же степени, что стадо на архаической бойне, их выгрузили на причал, и они, столпившись, ждали сотрудника кадровой службы. Тот отвел пилотов резерва в конференц-зал, где они расселись полукругом на жестких скамьях из пластформинга. Лицом к залу сидел чиф по кадрам, элегантный мужчина тех же сорока пяти, с длинным лицом, некрасивым, но умным, из тех, что вызывают доверие и, как правило, его не обманывают. Внимательные глаза, залысины в рыжеватых волосах. Официален, как повестка. Первым рядом перед ним ерзали командиры эскадрилий. Джонас вздохнул, ожидая, кого пошлет ему в начальники оскалившаяся фортуна.

– ...Пламме, Лехвист, Джонас, Деверо – к Черным Шельмам, – неуловимым щелчком по деке узловатые пальцы зафиксировали назначение.

Подобрав вещички, поименованные пилоты протопали к столу. Со скамьи комэсков поднялся рослый, плохо побритый парень с воспаленными глазами.

- Удачи, - вполголоса пожелал кадровик.

Комэск молча кивнул. По пилотам, поступающим в его распоряжение, только взглядом мазнул. И взгляд этот Джонасу ох как не понравился. Угрюмый, и обращен внутрь себя. Световое перо прыгало в его пальцах, пока командир ставил подпись. Эстергази? Джонас хотел присвистнуть, но сдержался. Военному министру - сын? И внук героя гражданской войны? С одной стороны, это утешало: начальство обычно склонно беречь детей крупных шишек. С другой... была масса подводных течений в верхах, и он бы с ходу не сказал, в каких отношениях состоит породистое семейство Эреншельдов с Эстергази, у которых все - поперек генеральных линий, и все каким-то образом - вверх. Опять же Джонас никогда не видел человека, доведенного до такой степени изнеможения. Провожая пилотов в отведенный эскадрилье жилой отсек, Эстергази шагал так размашисто, что казалось, он просто боится рухнуть плашмя.

Более всего Джонас боялся угодить во власть героического дурака с благородным безумием во взоре: такие не берегут ни себя, ни других. Героическое безумие, однако, свойственно молодости, а комэск Эстергази юнцом не выглядел. Джонас даже, помнится, удивился, что у моложавого министра такой взрослый парень. Судя по тому, как вылеплено лицо - лет тридцать пять, не меньше.

Кубрикдохнул спертым теплом, как растопыренной ладонью в лицо ударил. Вентиляция и охлаждение - явно недостаточные. Объем помещения не рассчитан на физиологические нормы двенадцати человек. А Джонасу он показался еще и непривычно тихим. На одной стене глянцевоплакат, изображающий пухлый подкрашенный рот и смоляную прядь через него наискосок. На другой в объединяющей рамке светились четыре голографических снимка. Четыре донельзя героических юных лица. Джонас нервно переморгнул, сообразив, что именно означает эта выставка. Ожидая дальнейших распоряжений, вновь прибывшие опустили сумки к ногам.

- Бента, - отрывисто сказал комэск, тяжело опершись о края верхних полок, - применишь Синее звено. Возьмешь Пламме, Деверо, Лехвиста. Джонас пойдет в Красное вместо тебя.

- Слушаюсь, командир.

Темнобровый, очень молодой пилот упруго поднялся со своей койки, указал избранной троице на свободные места и деловито принялся собирать вещи для переезда в противоположный угол: темный и какой-то пустой.

Впрочем - не совсем пустой. Посреди свободной нижней койки обнаружился здоровенный полосатый кот с коротким хвостом. Новый Синий звеньевой, перемещаясь, невзначай потревожил его, кот сел, посмотрел на всех осуждающе, задрал морду и утробно, мучительно взвыл. Комэска передернуло.

- Дело не в контрасексе, командир, - вполголоса сказали с верхней койки. - По Улле он...

- Знаю! Магне... эй!

С койки над командирской свесилась рыжая голова.

- Съер?

- Возглавишь пару вместо Бенты.

- Оу! - парень был явно обрадован. - Поохотимся!

- ... Джонаса возьмешь ведомым.

- Ведомым?! - не выдержал вновь прибывший. - Я в два раза старше... командир! Я демобилизовался в чине командера! Я полный срок отслужил на этом корыте. Ну. или на другом, но в точности похожем.

- Боевого опыта у вас нет! - отрезал командир. - Вале! Начиная со следующего вылета летаешь моим ведомым.

- А занимайте нижнюю койку... эээ... Джонас, - великодушно предложил сверху рыжий. - Мне-то все равно.

- Я нужен? - комэск окинул кубрик взглядом, который, похоже, ничего не видел. - Эно, Бента, если понадобится - я в тактическом.

Джонас сел на освободившуюся койку, разбирая вещи и приглядываясь. Внутри была паскудная тянущая пустота, не имеющая никакого отношения к голоду. Молодежь вела себя сдержанно, переговариваясь вполголоса, как люди, поневоле привыкшие ценить тишину. Бента Вангелис в «том углу» что-то объяснял вновь прибывшим про «командный спорт». Кот, помаявшись по кубику без видимой цели, занял наконец пустую койку командира. Время шло, ничего не менялось.

Белобрысый хлюпик, повышенный до командирского ведомого, отлучившись ненадолго - Джонас решил было, что в туалет - вернулся быстрым шагом и, опершись о койку Далена, озабоченно сказал:

- Магне, надо что-то делать! Так ведь и сидит, оцифровал запись, уставился в монитор не моргая и на сотый раз гоняет за себя, за Улле и за каждого Синего. Ищет решение задачи. Спасибо хоть выбрал полет без подвижности. Не знаю, что думаешь ты, а мне - страшно.

Говорилось тихо, но так, что Джонас слышал: на правах пилота Красного звена. И то, что он слышал, нравилось ему все меньше. Мало ему мальчишек, кровь из носу блюдущих «кодекс мужика», нижайшего статуса в звене, так еще и командир, впавший в характерный псих.

Рыжий соскользнул с койки, ловко опершись на предплечья.

- А Содди при жизни таким орлом-молодцом не смотрел, - задумчиво молвил он. - Подправили они там, в кадрах. Пошли, что ли, силком вытаскивать?

- Девку ему память надо, - резко сказал Джонас. - Нашлась бы тут какая повариха, засиял бы ваш комэск, как начищенный.

Вале вспыхнул гневным румянцем до самых корней волос, но промолчал, выжидательно глядя на Далена. Видимо, тот обладал более высоким статусом в стае и правом говорить вперед. Джонас также заметил, как наострили уши остальные звенья.

- Мысль пошлая, - наконец сказал Дален. -...но здравая. Я бы даже признал ее пригодной к исполнению. Едва ли только кто соблазнится нашей киберкухней. Где ее возьмешь, девку-то? А жаль - к слову.

- Серьезно, мужики, - со своего места высунул голову Серый звеньевой, - почему командиру еще костей не мыли? Кто-нибудь видел его женщину? Магне, а?

- Он не женат, точно. Бента, ты рядом был, снимков на считаке не видел ли?

Вангелис мотнул головой: то ли не видел, то ли – не мешайте. А вот звено его явно более расположено было сплетен набираться, чем в дело вникать.

- При всем уважении, Магне, не думаю, что она у него одна.

- А взять да и спросить – слабо?

Эно хмыкнул.

- Про первый сексуальный опыт Императора уже спросили. Помнишь?

Магне ухмыльнулся во весь рот.

- Как не помнить. Достопамятная история про то, как старший курс утек по бабам через окно туалета.

- Я это окно проверял, кстати, – вставил Йодль. – Забито насмерть. Как и все до пятого этажа включительно по стояку.

Тимоти Шервуд трясся от хохота, буквально валясь набок. Джонасу в смешливости эскадрильи почудилось нечто нервическое.

- Мы ушищи-то развесили, губищи раскатали! А история кончилась тем, что Его Величество взять не захотели во избежание так сказать... скандалов и прочих рисков. А Величество уперся рогом: дескать, если он не пойдет, то и никто не пойдет! И урегулирования ради командиру пришлось остаться и тягать на ремнях вернувшихся гуляк.

- Надо думать, – вставил свои пять копеек Джонас, – вдвоем мальчики не скучали?

- Шутка эта, разумеется, и тогда звучала, – холодным голосом заметил Вале. – К слову сказать, намеки подобного рода приводят Императора в неконтролируемое бешенство.

- Только Императора? – поспешил уточнить Джонас. Белобрысый был, видимо, задет, и следовало воспользоваться случаем, чтобы указать ему место.

- Император за такие шутки дает, извините, в рыло, – ответил он. – Едва ли это сойдет за присвоение рыцарского звания, Джонас.

Танно Риккен на своей верхней койке буквально рыдал, зарывшись лицом в подушку.

- Это было самое лучшее во всей байке, – согласился Йодль, посмотрев на него. Сам он сидел внизу, рядом со своим ведущим. – Император, молотящий воздух руками и ногами, и наш комэск, удерживающий его на весу. Дескать, сир, никто же не осмелится дать вам сдачи!

Шервуд вытер слезы смеха с красного лица.

- Мы поздно поняли, что история-то оказалась про то, «как мне удалось убедительно проиграть Киру в пространственные шахматы». Бог ты мой, как это было преподнесено!

- Ну, у них и вторая ходка была, – напомнил Дален. – Помните, когда оргкомитет сообразил, что Императора можно взять вместе с телохранителями? Тогда-то по возвращении всех и замели: с прожекторами, матюгальниками и прочей красотой. В самом деле, Джонас, из тех,

кто с ними учился, шуточку эту дурацкую никто не повторяет. И вообще – не будем трогать командира за нежное. Не сегодня. Вале, идешь? Джонас? Нет, Бента, справимся сами.

На тактическом мониторе окрашенные в белое Тецимы перемещались как попало, поливая огнем друг дружку и условного противника, периодически взрываясь и сталкиваясь с приглушенным «бумс». Комэкск лежал мордой в стол. Магне непочтительно тряхнул его за плечо. Потом еще разок.

– Нашли решение, командир?

– А? – Эстергази потер лицо. – Да. Нашел. Можно было...

– Сколько времени вы решали эту задачу? – тихим голосом спросил Вале.

– Часов... три? Или пять?

– Там были доли секунды, командир. Вы должны были найти это решение, и Улле должен был, и эскадрилья – сыграть по вашим правилам, и уроды – не проявить инициативы, выше рассчитанной. Это не в силах человеческих. И потом... бой ведь не переиграешь заново? Ни Улле... и никого ведь не вернешь?

Два воспаленных глаза сморгнули, словно невеста какая истина прозвучала вслух.

– Бесполезно? – хрипло переспросил комэкск.

– Лучше было бы потратить это время на сон, – твердо сказал белобрысый. – В прошедшем бою никто уже не погибнет.

– Я все равно не смог бы... – начал командир, словно не существовало простого «заткнись». Потом махнул рукой и тяжело поднялся. Звено зарысало следом в Н-18.

* * *

– Всегда, когда мы покидали свой родной порт и задраивали верхний рубочный люк, мы закрывались и от друзей, и от семей, от солнца и звезд, даже от запаха морской свежести. Мы сокращали наши жизненные ценности до двух главных величин, самой важной из которых была цель: стать братским экипажем.

– А вторая?

– Не стать братской могилой.

Эрих Топп, из интервью Н. Черкашину

Вице-адмирал Арнольд Деккер стоял на мостике «Валькирии» – просторном мостике нового образца, оборудованном монитором внешнего обзора вкруговую на все стены. И пусть командный центр располагался в самом сердце авианосца, огромное «фальшивое» окно добавляло ему зрительного пространства. Оно к тому же было оборудовано системой приближений, сюда проецировались показания радаров, и имелась возможность вывести изображение с любой камеры или сканера, установленных на бортах. Офицеры, служившие на мелких судах, получая назначение на АВ, испытывали, как правило, чувство сильного облегчения. Гигантские размеры и множество дублирующих систем гарантировали, что все опасности, связанные в дальнейшем с прохождением службы, последуют скорее от

небрежности исполнения обязанностей и нарушения армейской дисциплины, нежели от объективных причин физического характера. Летающая крепость, зависящая от базы только в плане поставок топлива, боеприпасов и запасных частей. Находясь здесь, можно было иной раз забыть, что вокруг пустота. А разве помним мы о космической пустоте, чувствуя под ногами земную твердь? Разницу Деккер находил, пожалуй, только в диаметре. Планета, к тому же, не может сняться с орбиты и отправиться, куда глаза глядят. А «Валькирия» запросто прыгнет, достаточно рассчитать курс.

К слову, Деккер еще ощущал последствия прыжка. Потому и опирался на трость тяжелее обычного, и пытался обмануть организм уговорами, что, дескать, небольшая головная боль в его возрасте вполне еще переносима, а сиропчик – для пассажирствующих дам, кабы были, да вот еще для управляющих скачком, потому что слишком много от них зависит.

Два года после спуска со стапелей орбитальной верфи «Етунхейма» определенный сюда личный состав обживал «Валькирию». Стрельбы, учебные тревоги, маневрирование, как одиночное, так и в совокупности с приданным АВ эскортом. Зато теперь тягостность длительных командировок уравнивалась уверенностью в полной боевой готовности АВ.

Офицер соответствующей специальности сидел за пультом многоканальной связи, пытаясь соединить командира с коллегой Деккера Гельмутом Эреншельдом. Командующий «Валькирии» обязан был известить Эреншельда о том, что занял оговоренное положение в пространстве системы. А интонации сообщили бы «старому моржу», кто теперь представляет собой главную силу в регионе. Одних пилотов-истребителей – триста пятьдесят человек, и не каких-нибудь пенсионеров-резервистов, которыми давно уже обходится скудный рацион «Прожорливого». Агрессивная молодежь, у которой руки чешутся пострелять, и дюзы разогреты.

Корабли не выходят из гиперпространства скопом во избежание столкновений. Для каждой единицы в составе авианосного соединения рассчитывается своя координата выхода, и уже потом они подтягиваются друг к другу, следуя указаниям с флагмана. Вот и сейчас «Валькирия» зависла в пространстве в блистающем одиночестве, в ореоле невидимых глазу излучений.

– Связь установлена, вице-адмирал, съер! Вице-адмирал Эреншельд.

Адъютант включил командующему конус трансляции, Деккер назвалсЯ и сделал паузу, позволяя лучу связи преодолеть расстояние, сравнимое с диаметром системы.

– Привет, Гельмут, это я.

Персонал па мостике застыл в благоговении. Только богам дозволено вот так, попросту обращаться друг к другу по официальному каналу.

– Не представляешь, как я тебе рад, Арни, – вернулось через полторы минуты, искаженное помехами.

– Ну почему же... Не буду лукавить, я счастлив, что я здесь, а не на твоём допотопном корыте. Еще и потрепанном вдобавок. Что такое? Нет, Гельмут, это я не тебе.

Офицер-связист стоял, вытянувшись, едва не умирая от сознания того, что вмешивается в разговор вице-адмиралов. Инструкция на этот случай чрезвычайно строга. «Невзирая на ранг персон» – сказано там.

- Принят сигнал бедствия, вице-адмирал. Сьер. Наш сектор.
- Гельмут, минуту, извини. Тут у меня SOS на другом канале. Корабль нашего эскорта?
- Никак нет. Транспортный челнок.
- Наш челнок? Зиглинды?
- Так точно. Оpoznан без каких-либо сомнений. Десантный транспорт класса ВМ51.
- Ответьте и переведите на меня. И дайте его на экран.
- Слушаюсь, сьер.

Нерезкий от многократного увеличения, беспорядочно вращающийся транспорт, известный в армейском сленге как «бегемот», занял центральное положение на стенном мониторе. Секундой позже был пойман и звуковой сигнал.

- Говорит пилот транспорта ВМ51/656 техник-лейтенант Суарец. Следуя рассчитанным курсом, преждевременно покинул гиперпространство, возможно, благодаря вмешательству вражеского тральщика. Зафиксировать и опознать тральщик посредством штатных приборов оказалось невозможным. В результате вынужденного выхода получил повреждения. Прошу оказать экстренную помощь и принять на борт.

- Сканер! - отрывисто приказал Деккер.

- ...разгерметизация, - голос Суареца дрожал от напряжения и необходимости соблюдать уставную интонацию, сухую, как воздух на военном АВ. - В моих отсеках - люди.

- Дайте картинку от сканера.

Стандартная ячеистая внутренность армейского транспорта, и в самом деле - люди, видимые как колеблемые в невесомости тени. Почти прозрачные для сканера, прошивающего броню. Темное пятно холодного реактора, серые метки на местах выключенных пушечных установок. Включенные, они проявили бы себя тревожным красным цветом.

- Действуйте по инструкции. Берите его лучом, и в транспортный шлюз, - решился вице-адмирал. - Десантной бригаде занять места и быть наготове для отражения возможной диверсии. Задраить переборки.

- Захват произведен, - отрапортовал по внутренней связи оператор гравитационного луча. - Объект помещен в шлюз. Наружный створ заперт. Внимание, Уравниваю давление и открываю внутренний створ!

- Оставайся на связи, Гельмут, - сказал Деккер. - Надо было, конечно, выслать к нему патруль, но у него люди...

Могучий удар сотряс под ним палубу и швырнул об нее всех, кто находился на ногах. Деккер упал тяжело и был почти оглушен. Все незакрепленное валилось со своих мест. Погасло освещение, и некоторое время, пока кто-то не дотянулся до автономной системы мостика, стояла кромешная тьма.

- Масштаб... - прохрипел вице-адмирал, даже не пытаясь встать. - Доложить масштаб повреждений...

Он... не помнил, чтобы прежде на этом мостике было так душно, и как был, лежа, сорвал воротничок. Сморгнул, какую-то долю секунды полагая, что зрение обманывает его. Переборка прогнулась вовнутрь, словно уступая налегшему плечу. По ней бежали крупные капли. К ужасу своему Деккер понял: плавится пласталь. Самый прочный материал космического строительства.

- Арии, что у тебя там происходит?

- Системы правого борта выведены из строя. Судя по показаниям... - молодой офицер, читавший приборы, морщился от боли, должно быть, что-то сломал при падении, - у нас вообще... нет правого борта!

- Левый борт?

- Системы левого борта выборочно действуют. Сильнейший электромагнитный импульс, съер вице-адмирал... Множественные замыкания электросети.

Словно в насмешку большой проекционный экран левого борта продолжал показывать опрокинутую глубину. Подняв к нему глаза, Деккер увидел приближающуюся несчетную стаю, перед которой без орудий правого борта он был беспомощен, как распятый на скале Прометей.

- Арни, что случилось?... - кричал в наушниках Эреншельд.

Переборка текла как ледяная. Где-то там, вдоль правого борта люди, тысячи людей, кому не повезло испариться в первое мгновение, заживо вплавились в пузырящуюся пласталь.

- Троянский конь с атомной начинкой, - сказал он, осознав, что еще слышен на «Фреки». - Они записали нашего пилота, который просил хоть какой-то помощи у них. Они оставили трупы в упаковке, заменив только реактор ядерным зарядом, сработавшим от перепада давления в шлюзе. Сканер не распознал бомбу, поскольку принципы действия ее и двигательной системы «Викинг» одинаковы. Двадцать тысяч человек, Гельмут...

На мостике «Фреки» вице-адмирал Эреншельд вышел из конуса трансляции и, перегнувшись через пульт, выключил сеанс. Люди молча смотрели на него.

Двадцать тысяч человек. Несколько лет работы орбитальной верфи. Чудо инженерной мысли. Любимая военная игрушка Зиглинды. Всего несколько минут.

- Свяжитесь с «Гери», - сказал он. - Мы уходим на планетарную орбиту. Передайте эскورتу соответствующие распоряжения.

- Вице-адмирал... съер... Мы оставляем колонии пяти планет внешнего кольца?

- Не более чем чуть обжитые источники сырья! Мы потеряем оба авианосца, если пробудем здесь еще хотя бы сутки. Мы потеряем Зиглинду, если потеряем хотя бы еще один АВ! Командирам крейсеров в случае потери управления и угрозы неконтролируемого падения на планету приказываю эвакуировать экипаж и активировать самоликвидацию. Мы не можем стать угрозой для своей планеты. Тремонт! Где вы? Скажите пилотам: на время перебазирования «Фреки» устанавливается стандартный режим патрулирования. Ваши парни могут поспать.* * *

Проснулся среди ночи, будто ударенный кулаком снизу. Так, бывало, доставалось Магне, когда

его залиvistый храп не давал спать всей эскадрилье. Уставился в темноту кубрика воспаленными глазами. Ничего перед собой не видя, или видя – не то.

Она только что была здесь. Он ощущал ее губами, руками, всем пылающим телом. Цепочку острых позвонков под пальцами, влажную, туго натянутую кожу на скулах – признавалась, что «плачет» и от радости тоже, скользящую ласку прохладных пальцев на своих плечах. Два розовых кружка на бледной коже, от одного созерцания которых можно впасть в продолжительный транс. Можно было бы, будь у нас лишнее время и поменьше огня у обоих. Встречный порыв желания, как минимум, равен его собственному. А так – чего на них смотреть, когда можно целовать? Можно... провести губами по всему рельефу подставленной шеи, сжать бедра, ощутить под собой упругий трепетный животик и поймать ртом у рта только еще зарождающийся стон.

А дальше все физиологично, аж до хромосом, и почти жестоко. Да что там – почти. Кажется, он не был тем любовником, о каком грезит женщина. Разве что... разве что она могла понять. От этой мысли стало совсем худо, аж внутренности скрутило. Извольте признать, это был только сон. В медпункт, что ли, обратиться, за понижением... эээ... фона?

Рубен спихнул кота и сел, но Тринадцатый не обиделся. Тишина давила на уши, будто и не спали по соседству одиннадцать Шельм, и его охватило ощущение непреодолимой жути. Словно бы он был один среди всех. Другого рода. Человек среди вещей, а может, шут его знает, наоборот?

Стараясь не шуметь, он нашарил ботинки, обулся и встал, привыкая в темноте к чувству собственного тела. Потом ощупью пробрался на выход, благо – недалеко, и потащился в умывалку так, словно на плечах у него лежало как минимум два «жэ».

Бесова выдумка этот секс.

Вода на затылок из-под крана показалась недостаточно холодной. Глаза, когда он рассмотрел их, наклонившись к зеркалу – все в красных прожилках. За «ночь» проклюнулась черная щетина. Натали нравилось, когда он был выбрит «в шелк», чтоб дыхание соскальзывало.

"Это все, – внезапно отчетливо понял он, – не имеет значения. Все, что «потом» – не осуществится. Ибо я не вижу, каким образом это может кончиться хорошо.

Я, – осознал он, – не владею собой!"

Здравствуй, истерика.

– Даже пар пошел, – услышал он. – Командир. Съер?

Он был тут не один, оказывается. И не заметил. Вале, когда молчит, заметить нелегко, а рот тот открывает редко. Вот это подгадал, так подгадал. Скажем прямо – не лучший ракурс для командира.

– Все еще казните себя из-за Улле?

– Это тоже, – буркнул Рубен. – Что, так заметно?

Ведомый кивнул.

– И еще народ полагает, что она, верно, диво как хороша.

Рубен поперхнулся и закашлялся. Ты, кукла дьявола! Комэску башню сносит, а Шельмам – забава?

– Треплется?

– Само собой, командир.

Ну что ж, если ты расположен разговаривать, у меня тоже есть моральное право...

– Хорошо. Я знаю, откуда тут взялся я. Для Эстергази, в конце концов, не предполагается ничего иного. Но ты-то как сюда угодил?

Вале дернул ртом, зачерпнул горсть воды и умыл лицо. Аккуратно, в минималистичной манере. Прямо кот.

– Крылья Империи в большем почете, нежели чрево. Пилотом я мечтал стать с детства. Все мои книжки и видео были про пилотов. Я летал в воображении намного раньше, чем понял, как оно на самом деле.

Рубен хмыкнул. Память об учебных годах вызывала какие угодно ассоциации, кроме романтических.

– Разочаровался?

Вале чуть заметно кивнул.

– Но как я мог уйти после того, как прожужжал родным все уши? А особенно после того, как матушка моя прожужжала уши всему своему обширному кругу общения. Экая честь! А кроме того, на каникулах со мной носились как с писаной торбой, баловали, откармливали... Я был любим, уважаем, мною гордились. Совершенно другая и при этом – совершенно нормальная жизнь. А в Учебку возвращаться приходилось с гирями на ногах. Снова становиться нулем. То, что у нас вот здесь, – он определил руками чудовищный авианосец вокруг себя, – это каторга. Здесь приходится доказывать право человека на достоинство. На уважение. В ней ощутимо меньше любви. Если бы не война... я бы, пожалуй, сломался. А так – деваться-то некуда.

– Что страшнее смерти, Вале?

– Да у меня, я так думаю, не то, что у вас. Нарастающее отчаяние, чувство одиночества...

Рубен поневоле скроил гримасу: чувство одиночества в кубрике, забитом под потолок...

– ...напряжение, недоверие, ненависть. Ожидание смерти. Но быть недо-Шельмой, командир, было хуже всего. Тринадцатого эскадрилья хотела больше, чем меня.

– Я свинья, – вдруг сказал Рубен и даже стукнул кулаком по краю раковины. – Я высокомерная недалекая сволочь. Я принимаю как должное, что есть некоторое количество достаточно могущественных лиц, которые лоб разобьют, чтобы я был жив-здоров-благополучен, и сосредоточился, перекрывая личный счет конкретного Рейнара Гросса. А кого волнует она? Я вообще подумал, где она, что с ней? Нет, я о ней если и вспоминал, так только в смысле, что она может дать! Письмо, удовольствие, понимание... счастье. Я вообще ни о чем не позаботился. О, конечно! Я же исполнял свой долг, большой и важный!

– Она разве не аристо?

- И даже не буржуа. Стюардесса. Случайная, в сущности, встреча, последняя женщина, и...
- Крылатое создание? Почему я не удивлен, командир?
- Если она нашла покровителя, из властных или, как минимум, из имущих, – Рубен хрустнул пальцами, – то ей, считай, повезло устроиться. Могу ли я не думать, что это не я?
- И вы б ее не осудили?
- Осуждать женщин – занятие для женщин. Разговор, в конце концов, упрется в «хочу ли я ей счастья». Хочу. Следовательно...
- Я долго наблюдал, все пытался понять, из чего должен быть слеплен образ, вокруг которого достроено это вот все, – движением рук Вале обозначил «Фреки». – Ну, чтобы вписаться естественным образом во всю эту пласталь, Устав, равнение на знамя, чтобы всякий, глянув, сказал: во, самое оно! Кураж, личный счет, донжуанский список, немного жеребьячьего юмора... вы уж извините, милорд... А в целом – единственный человек, кто воскресил мои героические детские бредни!
- Кажется, – признался Рубен, криво усмехнувшись, – я дозрел надеть всех глупостей, насчет которых меня предупреждали. Ох, дайте только наземь ступить, вот тогда рухнет вся эта дурацкая декорация, и пускай все запивает белым светом...
- А уроды согласятся подождать, командир? Не налетят в самый неподходящий, не побоюсь сказать – интимный момент?

Рубен хмыкнул, развеселившись.

- А мы их встретим плазмой в лоб и проводим торпедой в дюзу. Я-то гадаю, ради чего геройствуем, а? Ладно, пойду... приму меры.

* * *

Спортзал, где Рубен собирался «принять меры» к своему вышедшему из-под контроля воображению, оказался пуст, но это обстоятельство уже не удивляло. Пилотов изматывали рабочие нагрузки, да и число смен сократилось. В связи с этим обстоятельством образовались «мертвые часы», когда там гарантированно не было ни души. А если и попадалась, признаком хорошего тона считалось не обращать особенного внимания на товарища по несчастью.

Проходя мимо, Рубен угрюмо посмотрел на кольца. Протяжная и нежная песнь тела от нагрузки этого рода сделала бы ему только хуже. А вот боксерский мешок, что, скрипя, чуть покачивался на четырех растяжках, привлек и приковал к себе его взгляд. Словно бы невзначай приблизившись, Шельма не моргая следил за его движениями. Глаза резало нещадно. Монотонность движения – туда-сюда! – порожденная, скорее всего, вибрациями работающих двигателей и механизмов авианосца, походила на издевательство. Как тиканье старинных часов. Давно, на один из домашних праздников, посвященных то ли дню его рождения, то ли окончанию какого-то из курсов, мать подарила ему такие – в спальню. Он не мог заснуть, пока их не убрали. Это он-то, способный спать при полной загрузке жилого отсека, в любое время дня и ночи – стоило только приказать! Размеренный однообразный звук, вызывающий чувство напряженного ожидания... чего? Вопрос не для мальчика, что хочет быть пилотом.

Удар, в который Рубен вложил все, пришелся снизу вверх, справа, туда, где у человека была бы

челюсть. И левой – «под-дых», пока не очухался. Однако уже первое попадание оказалось роковым: одна из верхних растяжек соскочила с потолочного крюка, мешок закрутило, удар «в живот» вышел... неадекватным, поскольку пришелся на возвратное движение, руку просто отбросило мягкой тяжелой силой. Рубен даже пошатнулся и вынужден был отступить на шаг.

– Гы! – Услыхал он за спиной, и звуки ленивых аплодисментов. – Она дала сдачи!

Досчитал до десяти – исключительно дух перевести! – и обернулся. Медленно. Насторожившись и напрягшись всем нутром.

Рейнар Гросс стоял на пороге. Один – это было первое, что отложилось в сознании. С мокрой головой и полотенцем через плечо. В лучшей традиции подростковых драк комэски сделали несколько шагов по кругу.

– Меня попросили тебя не трогать, – задумчиво сообщил Гросс.

– Какое совпадение: мне то же самое *приказали*. Особенно... кхм... по голове.

– А ведь другого случая навалить тебе... за все... может ведь и не представиться, как ты думаешь?

Глаза Гросса усмехались, и хотя было непонятно, что У него на уме, и настороженность в целом не отпустила Эстергази, какая-то часть его все же расслабилась.

– Есть что предложить?

Гросс, не торопясь, прошел мимо, сняв с ограждения ринга пару перчаток, брошенных там кем-то из десантной пехоты.

– Составишь компанию, князь?

– А вот с удовольствием! – ощерился Рубен. – По правилам, или?...

В самом деле – почему нет? Груша, способная дать сдачи. То, что доктор прописал!

– Я с фабрики, – ухмыльнулся Гросс. – У тебя все зубы... эээ... свои?

– Я прошел Учебку. Нет. Не все.

Гросс аккуратно застегнул перчатки на ремешки-липучки. Армейский стандарт предполагал, что человек способен закрепить их на себе без посторонней помощи. Из-за духоты оба комэска были в футболках и немнущихся легких форменных брюках, раздеваться не пришлось. Рубен взял перчатки для себя с полки стенного шкафа и с ощущением веселой жути перелез через канаты.

* * *

Писк зуммера вырвал Тремонта из тяжелого неровного сна. В темноте каюты мигал зеленый огонек вызова. Одной рукой чиф летной части протер глаза, другой – включил терминал связи.

Краун.

– Что случилось, Ланс?

- Ради всего святого, извини. Но, я думаю, картинка того стоит...

Неофициальное. Трмонт незаметно перевел дух.

- У тебя дуэль.

- Чтооооо?!!! Кто? Где?

Трмонт подпрыгнул и схватился за брюки.

- погоди. Включи картинку из спортзала палубы Н. Я подумал, ты никогда не простишь мне, если пропустишь.

- СБ в курсе?

- СБ уже в партере. Гросс против Эстергази.

- О, нет, - застонал Трмонт, падая обратно на жесткую койку, весьма болезненно приложившую его в копчик. Но «картинку» с камеры в спортзале все-таки включил. И вскочил обратно, ничуть не заботясь о насмешке в глазах Крауна. Эта насмешка, никогда не бывала издевательской, что делало возможной их многолетнюю дружбу.

Чувства дежурных СБ, не желавших принимать меры к пресечению поединка, были ему, как спортивному болельщику, вполне понятны. Не им отвечать за княжеский нос, если Эстергази не сумеет увернуться от летящего в лицо кулака размером с добрую подушку. Каждый удар Гросса стоил командиру очередного седого волоса. Он сердито посмотрел на Крауна, наслаждавшегося дуэлью в своей каюте, сидя в кресле и положив ногу на ногу.

- Это необходимо прекратить. У них - личное.

- Насчет личного - согласен, - невозмутимо ответил кадровик, не отрывая глаз от монитора. - Обрати внимание - в голову не бьют. Это спорт, Винс. Расслабься.

Легче сказать, чем сделать. Со стороны происходящее выглядело чистым зверством. Парни метались по рингу, совершенно мокрые, а камера, дистанционно направляемая умельцем из СБ, следовала за ними, выхватывая самые живописные ракурсы. Кулаки, кажется, были повсюду. Особенно гигантские кулаки Гросса, полностью прикрывавшие владельца от любых атак и выбрасываемые с великолепной быстротой. Эстергази скорее уклонялся от ударов, чем блокирован их. Пламя вокруг скалы. Немудрено - весовые категории у них определенно отличались.

- На кого бы ты поставил, Винс?

- Гросси как будто ничего не делается, - буркнул командир. - Будь это кто другой... без страсти сунуть глаза и с места выше головы прыгнуть... С Эстергази всегда так.

- Винс, не стеклянный твой Шельма. Не первая драка в его досье. Я бы на твоём месте вздохнул свободно и позаботился, чтобы ребятам, когда они сядут рядом, было чем нарушить... диету. Совместные грешки объединяют.

- Ага, - сказал Трмонт, чувствуя себя взлохмаченным идиотом в трусах. - Поверишь ли, у них всегда есть. Я успокоюсь, когда увижу, что они сели рядом.

- До этого недалеко, поверь мне.

- Угу. А что по этому поводу думает Клайв Эйнар?

* * *

- ...и натуральные продукты, - продолжил Гросс.

- ...большую часть года - тот же «Сэхримнир», что у тебя, - возразил Рубен, пропуская над головой эту чертову молотилку. - И приборы не серебряные... Это ты постановок по видео насмотрелся.

Максимум, что ему удалось - достать предплечье. Тем не менее, Гросс отступил на шаг и вдохнул судорожно.

- Ты летаешь аристо-классом. Там на фарфоре подают... Уси-пуси... И девчонки там с длинными ногами.

- Я летаю в кабине! А ноги... эй-эй... - Гросс пошел в тяжелую массированную атаку, Рубен буквально вывернулся между его могучим торсом и канатами, - везде попадают! И, кстати, лучше, чем у фабричных девонок... ножек... лично я не видел.

- Это да! - Натиск ослаб, Гросс утер пот со лба. Настоящий пилот должен быть изворотлив и хитер. Вот тут-то мы и... Изящные пяточки, худые икры, точеные бедра и выше, вплоть до мягкого-мягкого, нежного-нежного... Воспоминание швырнуло его под защиту противника. Три звонких шлепка впечатались Кинжалу в ребра, любой из них, нанесённый голой рукой, пробил бы, пожалуй, чехол боксерского мешка, или, по крайности, лопнул его по шву. Дежурная смена СБ у своего пульта издала восторженный вопль, но тут его, разумеется, никто не услышал. Гросси резво, но неуклюже отпрыгнул, опуская локти. Рубен отскочил в свою сторону, опасаясь получить заслуженной сдачи. Собственные его предплечья словно бейсбольными битами охаживали, легкие саднило, пот заливал глаза. Скулы ломило от пристывшей к лицу залихватской ухмылки, которую не согнать, даже если захочешь. Пользы от нее - Гросса доставать. И, кстати, он давно не чувствовал себя так великолепно! Кажется, он ощущал даже толчки крови, переполняющей жилы. Очень горячей крови.

- А вот что действительно... живые цветы... они везде, когда я приезжаю домой... где меня ждут. Цветы можешь... в счет ставить.

- Ладно, хватит! - Гросс поднял перчатки вверх в жесте мировой. - Хорош, хорош!!! Кайф!

Рубен опустил руки и обнаружил, что не может вдохнуть. Вышло у него только с третьей попытки, когда противник уже содрал перчатки с огромных лапищ и поглядывал на него с хитрецей.

- А что это ты все время слушаешь, Шельма?

Только сейчас Рубен вспомнил про «ракушку», традиционно законопаченную в правое ухо. Вероятно, закончился плейлист, который он ставил, когда падал заснуть. Музыка не звучала, и он совершенно забыл.

- Послушать... дашь?

Он вытряхнул «ракушку», и Гросс с детским восхищением поднял перед глазами крохотный черный шарик.

- А управление? С пояса?
- С наручного комма.
- О как! - Гросс прижал динамичек к виску. - А запусти...

Не думая особенно ни о чем, Рубен нажал кнопку рестарта последнего плэйлиста. Картина была фантасмагорической. Он стоял посреди резонирующей пласталевой коробки, зависшей в свою очередь посреди космической пустоты, в просторном, залитом резким светом зале, рядом с человеком, которого хотел убить. И человек этот, слушая «его» музыку, жмурился и вскидывал белесые брови в гримасе безмолвного изумления, и вдыхал прерывисто, будто выныривал с глубины,

- Что это?

Рубен жестом предложил Гроссу отогнуть пару пальцев, прикоснувшись к динамичку левым виском.

- «Besame Mucho». Поверишь ли, написано шестнадцатилетней девочкой. К вопросу о том, что они понимают. И когда...

Рейнар Гросс одарил его взглядом, полным суеверного ужаса.

- Ты... тут... слушаешь музыку, от которой не то взлетаешь, не то - кончаешь... и у тебя котлы не рвет?

- Что ты знаешь о моих котлах? Свои береги. Это дело - жить внутри музыки, особенно вот такой, нежной и страстной! - знаешь ли, затягивает.

- Эй, хорошенького - понемножку!

Гросс отдернул руку с наушничком: дескать, погоди, и даже чуть отвернулся, чтобы законный владелец не мешал. Но тут же повернулся вновь, с мучительным и жадным вопросом:

- А это - что?

- «Призрак оперы». Уэббер.

Усилием воли оторвавшись от «ракушки», Гросс сунул ее обратно в руку Эстергази, пошарил в кармане и извлек оттуда плоскую коробочку с несколькими кустарно свернутыми сигарами. Плюхнулся на маты, жестом указав на место рядом с собой. Почему бы и нет. Взять предложенную самокрутку Рубен таки поосторожничал, заподозрив недоброе.

- Ну как СБ налетит, а мы тут зеленых ксеноморфов ловим?

Хитрые и мудрые глаза Гросса прищурились на него сквозь чуть заметное дрожание воздуха, заменявшее сигаре дым.

- Скажу тебе по секрету, брат... В СБ все схвачено. По крайности - такие невинные вещи, как... У меня к тебе разговор.

- Ну?

Кинжал помолчал, глядя на дым.

- Серьезный разговор, - повторил он. - Задолбал меня этот клятый авианосец.

- Этот?

- Ну - тот. Ты понимаешь. Сам знаешь, о чем говорят вслух, а о чем - шепчутся. Говорят, не выйдем мы отсюда. Старый состав прорядили через одного, а резервистов вовсе сбивают на порядок чаще. Ляжем все. Однажды кончимся. А?

- А почему ты спрашиваешь у меня?

- Ну... известно же, какие у тебя друзья, связи... У тебя больше возможностей для анализа.

Рубен пожал плечами.

- Я женат, - внезапно сказал Гросс. - Она беременна. Месяца два осталось на сейчас. Тебе не стоило тогда так шутить.

- Извини.

- Резервисты говорят - *они* в самом деле швыряют на планету термические бомбы, когда проходят сквозь нас. Побегашь тут по убежищам, с животом. Говорят еще - лучше здесь, чем там. Вот я и хочу знать, на что ты надеешься? Без лозунгов, конкретно - ты!

- Честно? На Кира.

- На Кира? А, да. Но... каким образом?

- Он лучше меня играет в пространственные шахматы.

- ?

- Он что-нибудь придумает. На своем рубеже. Разведка обнаружит их гнездо, и мы нанесем по ним ответный молниеносный удар. Или же Кирилл договорится о помощи с одной из Конфедераций. Мы всего лишь выигрываем ему время. Так... и что там про авианосец?

- Я тут подумал, если они нашу помойку разгребают, сколько у них в принципе может быть АВ? Едва ли мы сбросили их так уж много.

- Вовсе немного.

Рубен закрыл глаза, припоминая курс истории флота.

- «Локи» - точно, как морально устаревший. Еще «Бальдр», на нем была авария, восстановлению он не подлежал. Проще было построить новый. Если они его залатали, то их верфь достойна восхищения. Или паять и клепать у них может буквально каждый член социума. Дальше уже история уходит в глубь веков, но уверен, больше двух-трех не наберется.

- Максимум, значит - четыре-пять? Не слишком больших и устаревших...

- Учти, «Етунхейм» еще и на продажу склепал до полусотни. Для всяких там конфедератов.

- Это наша помойка! - горячо заявил Гросс.

Рубен рассмеялся.

- Только не говори, что у тебя тоже навязчивая идея завалить АВ?
- Но у меня есть реальный план.
- ...о котором Тремонт и не слышал даже?
- Тремонт запретит авантюру, даже толком не выслушав. Лучше после потом порадует.
- Я так и думал, что авантюра.
- Толковая авантюра. Народ полагает, что одной эскадрильей не обойдемся. А к кому мне еще идти? Слушок идет - Тремонт тебя на свое место хочет.
- Не принимай всерьез. Тремонт летать хочет. А потеряем обе?
- Отвечу я. И командовать операцией - тоже я буду. Потом, надо тебе объяснять, что где две эскадрильи, там и четыре?
- А-а... - почти против воли Рубен поглядел на Гросса с интересом. - С «друзьями»? Одной торпедой меньше, значит. Ну а потери ты себе представляешь?
- Статистически - вдвое меньшие, чем при обычном штурме. Ну так как? Будем обсуждать?

* * *

В суматохе подготовки к вылету непривычный глаз мог бы вовсе не углядеть ни упорядоченности, ни смысла: столько тут толкалось народа из разряда технической obsługi. Рейнар Гросс, однако, был человек опытный, и даже свой. Перешагнуть через путаницу топливных шлангов и, лавируя между тележками с аккумуляторами, отлаиваясь на тычки и попытки наехать на ногу, пробраться к подъемникам, что навешивали к стабилизаторам торпеды, было для него делом ежедневным, почти рутинным. Последние проверки, приборы, фокусировка... Он также настоял, чтобы перед этим вылетом машины смазали и отполировали. Ничем не стоило пренебрегать. И, сколько он успел заметить, Шельма сделал то же самое.

Сквозь зубы признав свои машины готовыми к вылету, Гросс протолкался туда, где вместе со своим инженером стоял хмурый и сосредоточенный Эстергази.

- Ну, готов?

Шельма усмехнулся. К чему Гросс оказался совершенно не готов, так это к тому, что князь будет ему усмехаться. Взгляд обращен внутрь себя: вертит операцию в уме, ищет слабые места и неожиданные решения. Шахматист. Едва удержался, чтобы не добавить про себя привычное:..."хренов".

Не люблю чужую харизму. Не знаю, что с ней делать. Особенно с такой вот, от какой начальство берет оторопь, а девки глупости творят. Чудо природы, вишь ты. Экономит, матушка, на нас, а потом как отвалит одному.

Гросс оценил Эстергази по достоинству еще в первую встречу, увидев только, как он вошел и оттер в сторону мальчишку-зама, светлая тому память. Про мужчину чаще всего можно понять все по тому, как он войдет, повернется и встретится с тобой взглядом. Другое дело - всеми фибрами души ты не хочешь принимать, что уже понял. А куда деваться? Вот и пыжишься. И это не делает тебе чести.

- Тоже ставите «друзей»? - спросил Геннеберг. - Акция, стало быть.

Комэски кивнули, не открывая ртов. Весь АВ был в курсе конфронтации Кинжалов и Шельм, и теперь смотрел на них, стоящих рядом, среди истребителей двух эскадрилий, снаряжаемых к войне, едва ли не с чувством мистической жути. То, что дело плохо, дошло бы уже и до идиота. Однако глядя сейчас, как деловито и сдержанно они дают указания техникам и оружейникам, ты сказал бы, что дело - серьезно.

- Резервную волну на своих машинах настроил?

- Само собой.

Эстергази не получил бы пощады, когда бы оказалось, что хоть малая толика хваленого мастерства, профессионализма, отваги - всего лишь отголосок громкого имени и славы прошлых поколений. От любого другого давно бы уже отвалили с проверками. Никому не позволено безнаказанно быть лучше других.

Из застекленной будки, что во втором ярусе, на обоих глядел Тремонт. Начальник казался озабоченным, комэски козырнули, но, судя по выражению лица, настроение его не улучшилось.

- Тянуть не будем, - сказал Гросс. - Прямо на следующий раз и сделаем. Чего тянуть-то?

* * *

Кто цветет, тот должен помнить,

что цветам отпущен час.

Осень ходит недалеко,

смотрит пристально на нас.

Не горюй, что изменились

очертанья лепестка:

поступь осени легка,

тяжела ее рука,

но если цвет опал бесплодно,

ждать ли нового ростка?

Башня Рован

Пять протяжных гудков, предваряющих боевую тревогу - невыразимый словами трезвон, от которого на «Фреки» ни в какой щели не укрыться. Заслышав его, падаешь с коек, давишься пайком, вылетаешь из туалета, на ходу застегивая штаны. Пилоты взмываются в кабины, затягивая молнии скафандров-компенсаторов. Лишь опущенный блистер отсекает чертов звук. Как переживают этот кошмар остающиеся - всегда загадка. Ведь утихнет он не раньше, чем о готовности доложит последний пилот.

- Кинжалы готовы!

- Кинжалы пошли!

Кассета вылетела в заборный вакуум, Тецимы брызнули из нее в стороны: шесть в одну, шесть - в другую, один, казалось бы, момент маневрирования - все перестроились и пошли согласно боевому заданию.

- Шельмы готовы!

- Шельмы пошли!

- Кинжал - Шельме, - донеслось на резервной волне, хитрым образом подстроенной и заныканной комэсками для связи друг с другом. - Что у тебя?

- Оборона верфи. У тебя?

- Перехват. Я ближе. Тварь уже вывалилась на меня. Выпускает птичек. Подтягивайся.

- Сейчас. Отмечусь только, что был.

Легендарная верфь, где производилось лучшее в Галактике вооружение, при подлете напоминала беспорядочное скопление освещенных спиц, каждая из которых - толщиной с улицу. Именно здесь строились гигантские авианосцы, никогда не садившиеся на поверхность планеты. Святая святых Зиглинды. Святее были только ее неисчерпаемые недра. Даже сейчас... а впрочем, сейчас больше, чем когда-либо, шныряли тут грузовозы, искрила вакуумная сварка. Планета снабжала технику свой «железный щит». Предполагалось, что уроды заинтересованы нанести сюда массированный удар. Рубену почему-то казалось, что им - исходя из того, что было про них известно - намного интереснее захватить верфь как можно более целой. Что они возьмут ее потом, спокойно и голыми руками, когда падет сопротивление планеты. По уничтожении ее «железного щита». Таково было его личное мнение, которого он по малости чина не мог высказать вслух. Послали защищать верфь - будем защищать верфь.

Кое- что виделось и утешительным. С отходом на планетарную орбиту сектора ответственности стали меньше, что позволяло вести более или менее человеческий образ жизни, это само собой. Но вот условия прыжка предполагали, что теперь нападающая сторона, выходя из гиперпространства там же, где и раньше, двигается в сторону своих целей на обычных скоростях. Что занимало определенное и вовсе не малое время. Уйти они по-прежнему могли мгновенно, но пока шли сюда... тут их можно было обнаружить и бить, не ожидая, пока они нанесут сколько-нибудь значительный ущерб.

Недостаток состоял в том, что, прорываясь сквозь «щит», враг видел в бомбовом прицеле планету.

Шельмы пронесли над верфью, закладывая пологий вираж. Со стороны маневрирование в ее пространстве казалось смертельно опасным: таким нелогичным выглядело со стороны это переплетение радиальных и дуговых элементов. Словно главному инженеру предложили не заморачиваться ни правильностью, ни эстетизмом, а делать все исключительно так, как ему удобнее. Главное - результат. И, похоже, на этих условиях тут сменилось не одно поколение главных инженеров. Но чем ближе подходила эскадрилья, тем громаднее распахивались перед крохотными кораблями зевуща ажурных арок. Промахнуться под ними не смог бы, вероятно, и крейсер, а двенадцатиметровая Тецима, даже столкнувшись с конструкцией и даже взорвавшись, не причинила бы вообще никакого существенного повреждения. Сварочные и

режущие автоматы, двигавшиеся по направляющим, были много больше истребителей

- База - Шельме, - включилась командирская волна. - Кинжалы наблюдают массированный выход уродов и просят помощи. Вы ближе других. Что верфь?

- Шельма - Базе. Верфь чиста. Понял, иду.

Щелкнул переключателем резервной волны.

- Шельма - Кинжалу. Гоняешь их?

- В гриву и хвост, - голос Гросса в шлемофоне был флегматичен. Так и уговаривались, что он попросит помощи, когда возникнет подходящий момент. - Давай, жду.

- Лидер - Шельмам. Экономить торпеды. «Друзей» - к бою.

«Друг», подвешенный на стабилизатор вместо одной из торпед, в активированном состоянии представлял собой имитацию Тецимы в натуральную величину, способную после выпуска более или менее самостоятельно маневрировать и даже стрелять. «Друг» предназначался для сбивания с толку вражеских систем наведения, а замысел Гросса состоял в том, чтобы снизить статистическую вероятность поражения атакующих АВ истребителей. Целую неделю Шельмы не вылезали из тактического центра, отрабатывая «петлю идиота» - траекторию, по которой выпустивший торпеду истребитель уходил из-под огня авианосца на безопасную дистанцию. Нормальные системы наведения, правда, палили только по приближающимся целям, но никак не по уходящим: удовольствие осуществить месть уступало целесообразности, прицел следовало переносить на новую угрозу, сбивать торпеду, а не того, кто ее выпустил. Однако после взрыва «Валькирии» ядерным старьем, запрещенным к применению всюду, где перемещались на двух ногах, не следовало рассчитывать на соблюдение уродами правил ведения войн.

- Лидер - Шельмам. Пуск «друзей» по моей команде. Старайтесь держаться под их прикрытием.

- Чистейшей воды безумие, - проворчал кто-то, не представившись. Джонас, ясное дело.

- У каждого из нас есть глубоко личная причина, почему эти бомбы не должны упасть на планету.

- Да, только правительственные бункеры глубже.

Можно было заткнуть его грубо. И даже, наверное, стоило. И был бы в своем праве. Но когда вопрос стоит вот так, о мере твоего собственного лицемерия... Ты слишком хорошо знаешь, что рискуешь их жизнями потому, что видишь - есть шанс. Это единственная причина. Высшее командование, как правило, делает это легко. Внешне, по крайней мере.

Я плохой командир?

- А вы, батенька, представьте, что АВ - это яйцеклетка, - вклинился в разговор участливый Дален.

Строй разнесло в стороны, а командир набил шишку о внутренность шлема.

- Заодно и выясним, кто тут самый шустрый.

- Лично я, - сказал Вале чопорно, - воюю за Тринадцатого. У него, бедняжки, даже персонального скафандра нет.

- Непорядок, - внес свою лепту Эно Риккен. - Надо ему какой-нибудь ящичек герметичный спроворить, с автономным обеспечением. Чтобы по тревоге нырял туда...

- ...и закрывался.

У Рубена не было никакого желания прерывать базар в эфире. Гм... а помощь-то их лишней не была. Кинжалы намертво увязли в стае уродов, выброшенных из недр вражеского АВ.

- Гады, - пыхтел Гросс на резервной волне. - Они держат нас, пока бомберы идут к планете! Где тебя носило?

- Запись потом посмотри, - огрызнулся Эстергази. - Пришли, как смогли. Вот только сперва раздолбаем твоих смертников, чтоб за спиной не маячили...

Уроды, не ожидавшие еще одной эскадрильи, прыснули во все стороны: кто не успел - для тех все кончилось быстро, прочих не стали догонять. Цель была другая.

- Мда, - скептически сказал Йодль. - Как уважающего себя сперматозоида, меня эта штука совершенно не привлекает.

- Ты слыхал про долг? - хмыкнул Риккен. - К примеру, супружеский.

- Ладно, Шельмы, - окликнул их Рубен. - Мемориал Содда по глупым шуткам закрыт. Поехали. Парни... будьте осторожны. И бейте по дюзам.

При электронных турелях на корпусе АВ операторов нет. Разве что техник, следящий за их общим функционированием. Техник-то и увидел на мониторе, как несколько десятков звезд устремились к авианосцу беспорядочным клином, но прежде, чем оказаться в зоне поражения дальнобойных лазерных пушек, каждая из них удвоилась, сводя с ума системы нацеливания. Потом от их стаи отделились и вырвались вперед новые цели... Пошли торпеды. Аварийные системы подвергнувшегося атаке АВ заливались писком, оповещая об опасности, грозящей кормовым отсекам. Турели сосредоточили огонь на приближающихся объектах. Отличие лазерных орудий от плазменных в том, что они должны быть нацелены точно. Не заливать сектор огнем, а прошивать в точку раскаленной спицей. Учитывая обтекаемость и отражающую способность титаново-иридиевого покрытия Тецим, это обстоятельство давало им шанс.

Торпеды первого залпа были распылены на безопасном расстоянии от борта, и несколько крошечных корабликов, следовавших за ними, тоже превратились в огненные клубки, но нападающие дерзкие мухи перестроились, выпуская в первый ряд тех, кто еще не расстался со своим тяжелым вооружением. И дали еще один залп! Избранный ими участок АВ был снабжен слишком малым количеством самонаводящихся турелей для эффективного отражения четырех атакующих эскадрилий. Техник запаниковал и схватился за переговорную трубу.

- Чуть погоди, - сказали ему. - Есть для них кое-какой сюрприз.

Начальство давно проиграло битву с обычаем пилотов провожать свои торпеды витиеватыми напутствиями. Психологи признали вредным все, что поперек человеческой натуры. Все, что выкрикивается в эфир во время боя - прощается.

У Рубена не было возможности проследить взглядом путь «своей» торпеды, а его персональный «друг», конечно, взорвался, и он уже отворачивал по крутой дуге, уступая Синим место отстреляться, как вдруг мгновенный блеск со стороны солнца привлек его внимание...

- Шельма - Кинжалу... видишь?...

- Что за... Ммммаааать!

- Лидер - Шельмам, ВРАССЫПНУЮ НЕМЕДЛЕННО!

Для атаки на вражеский авианосец Кинжалы и Шельмы строились плотно. Для того, в основном, чтобы количество целей превысило возможности турелей. И торпеды противника, подкравшегося невидимкой со стороны огромного косматого диска светила, оказались уже почти в самом центре их скопления. Небольшие торпеды, но когда одна из них взорвалась...

- О нет! Лидер - Синему! Бента!...

Горящие обломки, Тецимы и «друзья» вперемешку, всё, что попало в радиус поражения, который оказался... большим. Рядом, в шлемофоне что-то схожее по смыслу, но гораздо сочнее орал Гросс.

Не задалось, значит. Только что они были охотниками, и вот уже вели бой за одну только возможность уйти. Еще одно звено... Думать об этом сейчас было почти невозможно. Думать о чем-либо вообще было совершенно невозможно!

- Тройка - Красному-Один. Старик отвалился.

Рубен выругался. Джонас определенно ему надоел.

- Подбери его, Магне. Один не выкрутится. Двойка - ведомым к Далену!

- Но, командир!... - возмутился Вале.

- ПРИКАЗ! - прорычал Эстергази, закладывая вираж и легко отрываясь от обоих.

- Тройка - Первому, понял, - обреченно сказал Дален. - Командир, вы того... осторожнее бы.

- Не первый год замужем!

Шнырять посреди боя, разбившегося на беспорядочные схватки, и постреливать, когда представлялась возможность снять *урода*. Рубен даже увлекся. Дело привычное, можно даже забыть об отсутствии ведомого за левым стабом. Забывать об этом, правда, не следует никогда.

- Кто-нибудь! - голос Гросса в ларингах вскипел паникой и злобой, - Отстрелите эту суку на...!

- Шельма - Кинжалу, что у тебя?

- Подцепил на хвост эту погань. Она с фиксацией цели!

- Флэши сбросил?

- Ясное дело! В ней, верно, детектор масс, на дурь не ведется!

- Дай пеленг. Я иду.

Умненькая торпеда. На «дурь» – контейнер, при отстреливании рассыпающий в пространство ложные цели – не повелась. Не отпустила Гроссов хвост. И теперь, оглушая эфир бранью и форсируя двигатели, Кинжал выбирался из боя. Чтобы коли уж взорваться, так своих не зацепить. Радиус поражения в куче легких Тецим был ужасен.

Рубен пристроился параллельным курсом.

– Отстрели се, Шельма, – прохрипел Гросс. – Чего ждешь?

– Я пустой.

Торпеду можно снять только торпедой.

– Черт, черт, черт!

– Катапультируйся, – подумав, предложил Рубен. – Я подберу.

– Ни хрена. Сгорим оба.

Перегрузка прижимала так, что даже вздохнуть подвигом казалось. Гросси выжимал из двигателя все, что мог, и по тому, как при равном ускорении было несладко Рубену, тоже едва ли мог пошевеливать рукой. Или извилиной.

– Еще быстрее можешь?

– Спятил? Это... мощности ж не хватает! И предохранители не дают!

– Ладно! – внезапный приступ идиотского веселья охватил Эстергази, и на долю секунды он смолк. Быстрая, почти неуловимая глазом тень накрыла Гросса – он уходил от солнца – и тут же писк датчика, сообщавшего пилоту, что тот зафиксирован как цель, прекратился.

– Ты чист! – сообщил Шельма странно искрящимся голосом.

– Фууу! Что ты сделал? Аааа! Кретин, зачем...

– Шельма-Лидер – всем! Очистить коридор! Везу торпеду.

И – ходу! Ты носишь звание лучшего пилота планеты. Учитывая, что именно эта планета поставляет лучших пилотов в Галактике, есть законный повод лелеять в себе гордыню. Огнем из дюз ты способен начертать свое имя на черном небе. И даже делал это на спор с отцом, удостоившись кивка и слова «можешь». Ты проходил через игольное ушко. Через десяток ушек, завязывая в промежутках узелки и петельки. И вот теперь ты зависишь от скорости. А у торпеды она всегда выше. И мощность двигателя... и предохранители, мать их за ногу так...

Гросс кричал что-то насчет благородной матушки Эстергази, но, учитывая обстоятельства, вступаться за ее честь было немного некогда. Да и сама Адретт, вероятно, не приняла бы на свой счет столь изощренные извращения. И тон Кинжала извинял.

Борт вырастал перед ним, он уже видел турели, поворачивающиеся *медленно*. Нет. Не сюда! Здесь торпеда не причинит особенного вреда, лишь чуть разворотит обшивку и поплавит прилегающие отсеки. Дальше, дальше. Вошел в зону поражения и прошел ее, уголком мозга удивляясь, что все еще жив. Безумный, очертя голову, лет между уродливыми шишками и нашлепками брони, что иной раз даже прикрывали его от палящих по нему лазеров. Когда-то в шутку мы уже летели так, только вместо злой смерти за спину держался чудный пилот Улле

Ренн.

Торпеда держалась так же крепко, как Улле тогда. Ну, теперь это уже скорее хорошо. Боги любят ненормальных. Еще скорости!

Отказано! «Несовместимо с жизнью». Торпеда за спиной совместима с ней еще меньше. Чертов скафандр, его это датчик ограничивает мощность, подаваемую на двигун. И, кстати, он сам ее жрет! Кулаком выбил заглушку, нашарив под ней пучок проводов, и секунду помедлил, проиграв торпедке еще несколько десятков метров. А между тем, понадобится еще пространство для маневра. Скорость неощутима. Только ускорение. Это прозвучало почти как молитва. И еще маневр! «Петля» без компенсатора тебя просто порвет... А, это быстро. Очень быстро... Настолько быстро, что возможно организм не успеет... Коротко вздохнув, сжал провода и вырвал весь пучок. Тецима прыгнула вперед, озадачивая преследователя.

Остальное видели изумленные зрители. Крутая, в космах плазмы дуга, вычерченная истребителем, что вырвался со спины чужого АВ, развернулся к дюзам, буквально чиркнув по ним, а потом – свечой? иглой? – ушел вверх, беспорядочно кувыряясь. Дюзы, как лепестки, раскрывшиеся от мощнейшего взрыва, и что-то ослепительно яркое и белое там внутри. АВ дернулся всей тушей, запоздало торопясь спрятаться в прыжке, и вот тут-то последовал самый красивый спецэффект. Развороченные дюзы Брауна-Шварца отразили плазму по траектории, не поддающейся никакому просчитыванию, АВ мотнуло в сторону, часть его исчезла, откушенная измерением, а другая, видимая пошла глубокими морщинами и смялась гравитационным дисбалансом. И еще один взрыв, прекрасный, как гигантская хризантема, от которого невозможно отвести глаз.

Но Гросс все же заставил себя это сделать. Его ободранная сбоку Тецима сиганула следом, а за нею поспешили Дален, Вале и все Шельмы, пережившие бой.

По пеленгу нашли, а с помощью магнитных захватов и реверсов остановили вращение. Гросс только глянул на разнесенный вдребезги блистер и отвернулся.

– Кинжал-Лидер – всем. На базу.

* * *

– У меня абсолютный максимум был, – говорил Гросс неохотно и глухо. – Восемь «жэ». А он сделал меня как стоячего.

– Он компенсатор отключил, – сказал Тремонт, выныривая из разбитой кабины. – А «петля идиота» была запрограммирована. То есть надеялся, что вынесет. Лобовое попадание лазера выжгло все, с ложементом. Даже семье нечего послать... для похорон.

Медтехник, которого им удалось отловить на скорую руку и затащить в ангар для консультации, только головой покачал.

– При такой-то перегрузке, с отключенным компенсатором... на «свече» он был скорее всего мертв и наверняка – слеп. Разорвало на вираже без всякого лазера.

Гросс стукнул кулаком в стенку ангара, в укромный закуток которого для разбирательства загнали Тециму Эстергази, и зарычал.

– Самая большая пакость, какую он мог мне сделать – это убиться в операции под моим командованием!

- Едва ли он это планировал загодя, - сказал Краун.

- Все эти люди там, - Гросс дернул головой в сторону раздвижных дверей. - Каждый из них, и уйма еще, сколько внизу, и вы сами... Все думаете, что это моя торпеда была... Что кто угодно, только не он, да?

- Что ж, тогда, значит, Эстергази - единственный, кто не посчитал, что его шкура дороже твоей. И всем придется с этим смириться. И тебе.

- Сию секунду прекрати истерику, - рявкнул Трмонт. - Операция удалась. Расследование будет проведено, но только в части ваших с ним широко разрекламированных отношений. Насколько я понимаю, ты не просил цеплять па себя твою торпеду. Офицер и командир принял решение. Эстергази все - военные пилоты. Для них будет довольно странно воспринять его гибель иначе, чем во исполнение воинского долга. Я понимаю, конечно, что нескольким действующим лицам чрезвычайно хотелось бы, чтобы этого размена не состоялось, но это головная боль не твоя и не моя. Сколько пилотов вышли живыми?

- Пятнадцать, - угрюмо выдавил Гросс. - Пятеро Шельм убились. Четверо моих.

- Слать тебя за самодеятельность под трибунал смысла нет, дальше фронта все равно не пошлют. Ну, разумеется, если министр не потребует твою голову на блюде. А вот объединить вас придется.

Гросс отвернулся, сунув кулаки в карманы и тяжело дыша. Он не мог отдышаться с тех самых пор, как погрузочный механизм втянул машины в шлюз.

- Как я буду смотреть Шельмам в глаза?

- Кинжалам, Гросс. Они - твои.

- Нет. Уж такую малость можно сделать для... ну, я не знаю, ему, наверное, все равно. Командир, съер... позвольте остаться Шельмами!

Часть 3. Любая цена

Есть невидимые грани,

что незримо делят мир,

и они имеют цвет, и вкус, и звук.

Если тронешь хоть одну -

мир, как арфа, зазвучит

и рассыплется созвучьями вокруг.

Затаившееся время пробудится от любви,

и часы твои помчатся, как вода.

И однажды, обернувшись, ты увидишь,

как живых

заволакивает тусклая слюда.

Мир качнется, повернется,

звезды дрогнут в темноте,

ветер встанет, и оглушит тишина.

Мы останемся внезапно

в бесконечной пустоте

из забытого угаданного сна.

Башня Рован

- Никс, пожалуйста, у тебя ведь все еще есть Сеть?

Подруга посторонилась, пропуская Натали в комнату. Такая же стандартная ячейка, в каких обитали все незамужние девицы на службе Компании, только обставленная и украшенная с некоторой претензией. Снимок ветви красного бука в сменном переключаемом файле на стене, а вместо стандартной откидной лежанки – огромный голубой диван с белыми подушками. Уютно оборудованное гнездышко, не стыдно и топ-менеджера принять. И принимали – по слухам. Сетевой выход полагался Никс якобы по должности, на самом же деле это был незначительный знак внимания со стороны «лица», ради которого – и с чьей безразмерной кредитной карточки! – красовался тут диван. Никс, в отличие от Натали, работала в офисе и могла бы уже съехать из общежития в премиальную квартирку в относительно престижном квартале, за которую нашлось бы кому платить. А и съехала б, догадывалась Натали, когда бы не продолжительные депрессии, смущавшие дух, заставляя сдерживать коней на всем скаку, и тормозящие принятие ответственных решений. А так сердце у Никс было золотое. Уж позолоченное – как минимум. Никс считала, что жизнь к работающим девушкам жестока и несправедлива, и иной раз могла расщедриться на *очень полезный совет*.

Во всяком случае сетевой терминал у нее был, и в хорошем настроении Никс разрешала им пользоваться. Натали повезло. Хозяйка даже вызвалась сварить обеим кофе. Что-что, а это дипломированный секретарь с образованием умела в совершенстве.

- Ты наверняка знаешь адрес официальной странички Императора.

Никс, хорошо покрашенная блондинка в шелковом цветастом халатике, устроилась боком на подлокотнике-валике и приподняла тщательно оформленную бровь. Кружка дымилась, время от времени Никс прикасалась губами к краю, но кофе был еще слишком горяч, и ей оставалось лишь меланхолично качать ногой. Свою кружку Натали поставила на край стола и забыла о ней.

- Любой правительственный сайт. Детка, с каких пор тебя пробивает на патриотизм?

Поскольку нужного совета не последовало, Натали набрала в строке поисковика «официальная страничка Императора» и методично, от напряжения даже не моргая, тыкала все найденные ссылки. Около полутора тысяч, да?

- Хорошо, - пробормотала она сквозь зубы. - Может, тогда - неофициальной? Это было бы даже лучше на самом-то деле.

- Что именно нужно тебе на неофициальной страничке Императора?

- Фотоальбом.

- Ну, этого баракла... Или тебе нужно что-то?...

- Неофициальный фотоальбом.

- Ну ты даешь, мать. Я думаю, *таких* фоток нет в природе, а если и есть - откровенный монтаж! Однозначно. Хотя в определенном смысле... это может быть смешно.

- Господи, Никс, меня меньше всего интересует оскорбление величества. Просто нужны живые непредставительские фото в кругу друзей. Должны же они где-то быть. А вот...

Уставившись в монитор, Натали ожесточенно листала снимки.

- Слышь, а вот на яхте, прямо скажем, ничего!

- А? Нет, - Натали даже не взглянула, - это совсем не то.

- Ума не приложу, что ты ищешь.

- Вот... - снимок с искрящегося заснеженного летного поля, где рядом стояли покрытые изморозью АКИ, а пилоты спешили к ним. Фотографу удалось передать ощущение секущего ветра. - Что-то близкое... До носа - воротник, на носу - очки-полароиды. Куртки эти с подогревом... Они так закутаны, и не разберешь, где кто. К тому же половина вообще спиной.

Никс ткнула пальцем, явно забавляясь:

- Держу пари - этот.

- Этот? А, нет... О!

То же поле, только после полетов. Запахавшиеся молодые пилоты сбились в кучку перед фотографом.

Возможно, даже для снимка в Новости. Очки подняты на лоб, и сплошные зубы. Братва эта смеется все время. Почему даже думать об этом больно?

- Старье, - ухмыльнулась Никс. - Четыре года как. Один из последних экзаменов перед выпуском. Зачем тебе старые групповые фотки Императора? Колись, иначе... дальше ты не ищешь.

- Погоди... сейчас.

В самом деле, Никс не была злой, однако считала информацию законной платой за услуги. Правда, иной раз об этом следовало себе напомнить.

Натали укрупнила фото. Потом еще раз, так, что границы его вышли за пределы экрана, и жалобно ругнулась, когда обнаружилось, что фото потеряло резкость. Следовало спешить. Скоро Новости, а Новости она не пропускала. Лучшего снайпера Зиглинды показывали часто,

правда, больше снимки, чем записи. Символ героизма и стойкости «железного щита» в общественном сознании. А для нее – дрова в костер, которому она не давала потухнуть.

– Это предел разрешения. Если ты намерена увеличивать и кромсать еще, получишь вместо лиц бессмысленные размытые пятна.

Натали вздохнула и последним безжалостным движением отсекла Императора.

– Как ты его! – притворно ужаснулась Никс. – И кто же счастливчик? Ты так поиздевалась над снимком, что уже трудно рассмотреть.

– Ну... мне достаточно знать, кто это.

– Я тоже знаю. Руб Эстергази – экий лакомый кусочек. Сказала б ты сразу, чье фото тебе надо, я дала бы тебе этот адрес, – завладев манипулятором из внезапно окаменевшей руки Натали, Никс раскрыла перед ней фотоальбом с прекрасным объемным снимком. Натали даже зажмурилась, забыв о припасенной рамочке для сменного файла на стену. – Милочка, самых завидных женихов Зиглинды следует знать в лицо и поименно. А уж пятьдесят самых красивых мужчин планеты – подавно. Добро пожаловать в фэн-клуб. На худой конец почему было не воспользоваться официальной страничкой Эстергази?

– Не хотела оставлять след в поисковике, – буркнула Натали.

– Горе ты мое. Перспективнее, правда, вздыхать по Императору. Этот, – она указала подбородком на улыбающееся с экрана лицо, – цену себе знает. И козыри у него на руках.

– Я провела с ним трое суток, – голос Натали дрогнул, но она храбро закончила. – В мотеле.

– В мотеле?... Поправь меня, если я ошибусь: по форме одежды – полотенце?

– И если бы не вся эта заваруха, право, не знаю... может, и у меня был бы такой диван...

– Будь проклята война, – быстро и покладисто согласилась Никс. – Утром классика, вечером – экзотика. Верю, верю, верю... Ты всерьез утверждаешь, что это чудо природы не только гетеросексуально ориентировано...

– ...нет никаких оснований сомневаться в этом.

– ...не только нелениво в постели...

Натали только хмыкнула.

– ...но и хотело конкретно тебя?

Натали неопределенно пожала плечами. Никс, затягиваясь сигаретой, смотрела на нее изучающе.

– По правде-то и с ними плохо, и без них – невыносимо. Идеальный мужчина, как по мне, должен быть кривоног, лыс и уродлив, так, чтобы глядя в зеркало, а потом – на тебя, а потом снова в зеркало, непроизвольно тянулся к своей кредитной карточке, покуда ты не нашла себе другую. У парня с таким лицом должна быть какая-то убойная фишка. Совершенству в жизни места нет.

– Он нежен. Он умен. Он на шаг впереди на скользкой дороге. Он умеет... сделать красиво. Он

даже знает, что делать с женской истерикой. И еще, Никс – он ласков. Это ни с чем не сравнить.

– И еще двадцать пять сантиметров мечты?

Натали вспыхнула, а Никс расхохоталась.

– И судя по упертому виду и остановившемуся взгляду теперь ты требуешь продолжения банкета. Военные нилоты – наш хлеб. С маслом. Учítывая, какими голодными ребята спускаются с орбиты... Но Руб Эстергази... – она потерла пальцами лоб. – А скажи-ка ты мне вот что: оставил он номер персонального коммá?

– Как ты себе представляешь: девчонка вроде меня запросто звонит Эстергази? Да меня отсекут на входе. И потом, не все так просто. У него военная связь.

– Это неважно. Главное – жест. Ну, а твой-то у него есть?

Натали помотала головой.

– Его же вызвали... в десять минут, ночью. Залетел домой только саквояж схватить да меня на паркинге высадить. Перепрыгнул из машины в машину. Мы проститься-то толком не успели, так, два слова на бегу.

– Нда. И как всегда – не те два слова. Хотя, может, не все так уж и плохо. Кончится же когда-нибудь эта заваруха, а поскольку, как я поняла, его практически с тебя сняли, все предпосылки вспоминать – и желать! – именно тебя в те короткие минуты отдыха, когда у мальчиков физиологически рвет котлы, у него налицо. Возможно, он даже попытается тебя найти, если никто не перебежит дорогу. А вот тогда уже, если зевнешь – извини, подруга, не жалуйся.

* * *

День был мутный и серый, облака смога опять зависли над Рейном, и у Адретт Эстергази все валилось из рук. Верный признак, что следует все бросить и посидеть закрыв глаза, без видео, без книги, даже без музыки. Иногда ей бывало тягостно проводить дни в ожидании мужа, и она сожалела, что не работает, как в юности, когда ей посчастливилось перехватить взгляд молоденького офицера, нервно ожидавшего в приемной, барабанив пальцами по фуражке, пристроенной на колено. В этом вопросе свекор и теперь был неуступчив. И хотя они жили отдельно и были во всех отношениях самостоятельной семьей, да и нервности с тех пор у Харальда поубавилось, замшелые фамильные ценности остались прежними. Руки леди должны быть праздными.

За одним исключением. Четверть века назад ей пришлось взять в руки бластер, и тогда ни один Эстергази не осмелился возразить. Хотя нет. Протестовал Рубен, энергично пинаясь изнутри. Эстергази до мозга костей, и в этом тоже. Усаживаясь с видеокнигой в полном зелени зимнем саду, Адретт улыбнулась воспоминанию, счастливому несмотря ни на что. Тихий шепот воды в трубках системы автополива напоминал шорох дождя, в массе нависающей со всех сторон зелени прятались керамические фигурки животных.

Олаф по отношению к ней держался учтиво, но без теплоты. Когда Адретт была моложе, она думала, что это вызвано нелюбовью, и только потом, постепенно, сумела разобраться в сложном букете ревности: сына – к его жене, и еще – жену Олафа, которая от него ушла, и более того, покинула планету с каким-то дипломатом. Поговаривали, ей было все равно – с

каким. Не так-то просто жить с Эстергази, у которых прежде всего – долг. Это официальная версия. На самом деле прежде всего была страсть к полетам, но с верноподданнической точки зрения первое звучало благопристойнее. До сих пор одно с другим сочеталось.

Да еще и генетическая линия у Адретт была не *та*, франко-испанская, под корень вырубившая программу улучшения породы, благодаря которой император Улле соглашался терпеть изначально этнических венгров Эстергази так высоко. Харальд был уже вполне светловолос.

Хотя брак – тьфу, тьфу! – удался. Она не могла припомнить, чтобы им пришлось повысить друг на друга голос, и в размолвках с его отцом Харальд всегда играл роль равновесного центра, в конечном итоге оказавшись силой, объединяющей семью. Среди немногочисленных подруг Адретт слыла скромницей и счастливницей, исповедницей и впитывающей жилеткой для их больших и малых трагедий, для бесчисленных историй измен, запоев, растрат и просто грязных носков, разбросанных где ни попадя. «Ну, – говорили они после, с облегчением сморкаясь, – у тебя-то все не так». Подразумевая, что сытый голодного не разумеет.

Действительно. Со временем, когда Олаф убедился, что младшая семья, ограниченная им в праве распоряжения имуществом, вполне удовлетворена жалованьем Харальда и друг другом, отношения наладились. Свекор стал появляться на горизонте чаще, и вскоре Адретт уже безмятежно блистала на фоне обоих офицеров и джентльменов.

Троих.

Она могла назвать день и час, когда ее мальчик встал в этот ряд. Родительский шок или что-то вроде. Момент изумления, когда она потеряла ребенка, принадлежавшего ей.

Ничто, как говорится, не предвещало. В гостях у нее за пятичасовым чаем сидела Китти Эреншельд. Здесь можно было расслабиться – Китти никогда не жаловалась и не искала утешений. Китти была во всех отношениях блистательна. Никогда не быв замужем – в подчинении, если пользоваться ее терминологией – Китти шла шпильками по сердцам. Она была из другого мира, эта дама, иной раз ехидно вопрошавшая: не скучает ли ухоженный, такой домашний Харальд. Сам Харальд, к слову, был от нее в легком шоке, а Олаф терпеть не мог этот шикарный сорокалетний скандал в мини-юбке. Тем не менее «особа» эта была единственной, кого Адретт могла принять в кухне, отослав прислугу и не заботясь об этикете. Особа сбрасывала туфли с умопомрачительных ног и в немыслимых количествах пила персиковый чай без сахара. Любовники оставленные, брошенные, переданные по наследству и спущенные с лестницы. Каждый раз другие: постоянство утомляло Китти. «Я, в конце концов, не бессмертна», – говаривала она. Адретт уже не помнила, кого именно из высших должностных лиц Империи Китти выставляла в уморительном виде на этот раз, потому что вошел Руб в поисках пожевать, печенья, к примеру, и чашечка чаю тоже пришлась кстати, и рыжая стерва переменилась в лице.

Какие-то из его нечастых каникул, курсантские погоны, фуражка, сдвинутая на затылок, учтиво приподнятая при виде дам и тут же брошенная на холодильник. Удар молнии, как говорится, не поразил бы Адретт сильнее. Утром поболтаться на воле уходил длинноногий большерукий мальчишка в том возрасте, когда женщины снисходительно улыбаются при виде торчащих из-под фуражки ушей. А в дверном проеме, опираясь плечом о косяк и лишь прикасаясь губами к кружке, будто чай был лишь предлогом для пяти минут в прекрасном обществе, умело молча, открыто глядя, спокойно улыбаясь стоял молодой мужчина. Рубен Эстергази. Восемнадцать лет.

Китти молча нашарила ногой туфлю, и все пять минут Адретт непринужденной болтовней

спасала ее реноме.

– Только не говори, что ты родила это блистающее совершенство! – выдохнула Китти, когда порог кухни к ее величайшему облегчению опустел. – Адретт, твой парень не должен жениться. Это не может пропасть под спудом, переданное в одни руки. Это, в конце концов, вопрос социальной справедливости. Оружие массового поражения – вот что вы с Харальдом сотворили. Боги, почему мне не двадцать лет? Впрочем, что я была в двадцать лет? Глупый голенастый страусенок.

Поделом тебе, сердцеедка, хотела сказать Адретт, и за все шуточки по поводу моего супружества – тоже, но внезапно остро пожалела и ее сорок лет, и свои. И за это они выпили еще чаю, а после Китти ушла, став внезапно похожа на теплое выдохшееся шампанское. Адретт немедленно отправилась в комнату сыну.

– Руб, – спросила она с порога. – Надеюсь, ты понимаешь, что творишь?

– Вполне, – просто ответил он, снимая наушник.

Еще вчера Адретт без колебаний присела бы на край кровати для разговора. Сейчас это стало решительно невозможно. Что бы она сказала, вздумайся ему скроить невинное лицо и отрицать дурные намерения?

– Ма, вы же сами неоднократно называли ее *энциклопедией*.

– Не шути над сорокалетними леди, Руб. Есть достаточно прелестных девушек твоего возраста. Только не Китти!...

– Мам, уверяю тебя, я разберусь.

Разберется. Еще как разберется.

– И все-таки... Ты беспокоишься за меня или за нее?

Видит бог, мой мальчик, за тебя беспокоиться бессмысленно. Ты никогда не будешь несчастлив.

Достоинство зимнего сада было в том еще, что его стеклянная стена выходила на паркинг, и устраиваясь здесь со стаканом молока или чашечкой кофе, и, разумеется, с книгой, Адретт, совершенно невидимая с улицы, могла заметить флайер Харальда даже прежде, чем «Привратник» доложил бы о его прибытии.

Жили они высоко, над магистралями, иной раз плотные серые облака спускались ниже, создавая впечатление, что планеты внизу вовсе нет. Как орлы на скалах. Или даже драконы. Самое подходящее гнездо для Эстергази.

Эти башни, занимаемые знатью, заселены были на удивление неплотно. Адретт иной раз месяцами не встречалась с соседями. Большую часть объема, снизу в основном, занимали служебные и технические помещения: автономные агрегаты электро-, водо- и теплоснабжения, шахты коммуникационных кабелей и лифтов, климатические установки, водяные и воздушные фильтры. Даже вынос с площадкой персонального паркинга был существенно ниже. Увидев заходящий на посадку лимузин – что, уже – мне казалось, еще рано, Адретт поднялась, чтобы встретить мужа у дверей. Необходимости в этом, само собой, не было никакой, а сам ритуал выработался во времена их двадцатилетия, когда Харальд возвращался

со службы, прыгая через две ступеньки, и полутемная прихожая хранила весьма романтические воспоминания, чудесным образом объединявшие эту в высшей степени благопристойную пару.

Дверца лимузина отошла, но муж почему-то не выходил, хотя отсюда видна была пепельная прядь его волос и ботинок на порожке. Адретт замерла, касаясь пальцами стекла. Сердце стукнуло, сделав в ритме вопросительную паузу. Тяжело и медленно министр выбрался с пассажирского сиденья – о боги, почему он не на водительском? – и поднял лицо вверх, к окну, где она стояла. Лицо, стертая усталостью и будто бы присыпанное пеплом. Но дверь перед ним открылась раньше, чем Адретт на подгибающихся ногах добрела в прихожую.

– Рубен?

Он кивнул и слепо попытался обнять жену, но та рывком отстранилась.

– Как?

– Мгновенно, – глухо сказал Харальд. – Он не...

– Чертовы ублюдки, – сказала его жена, не имея даже желания повысить голос. – Чертовы Эстергази. Вы убили моего сына так же верно, как если бы пустили луч ему в затылок. Тысячи парней имеют мирные профессии, никогда не поднимаясь в небо и даже туда не глядя... Блистательная, дорогостоящая мышеловка, в которую мальчики лезут сами!... Стоит только показать им, сколько в этом гордости, красоты и силы и что никто, кроме тебя...

Она прижалась к стене, когда муж прошел мимо. Не в спальню, а в свой рабочий кабинет, и дверь за собой притворил. Огромная квартира погрузилась в тишину, которая продолжалась несколько часов, пока не стемнело. Общая спальня показалась дрожащей Адретт пустой и холодной. И черной. Рука тянулась зажечь свет – и опускалась, как будто что-то разладилось в связи сил и желаний. К полуночи, совершенно изведаясь, чувствуя себя одной, брошенной, беспомощной и маленькой и отчаянно нуждаясь в защите, в объятиях, где можно выплакаться, да и в самой возможности поплакать, Адретт сдалась и, пройдя по бесконечно длинному, слабо освещенному коридору, толкнула дверь в кабинет.

Там не было света. Единственная его полоса упала из приоткрытой двери в глубину темной, как пещера, комнаты, пересекая брошенный на полу пиджак. Харальд спал в кресле, дыша тяжело, но без храпа, хотя и взрыдывал иногда. Пахло коньяком, бутылка на столике, когда Адретт машинально взяла ее, оказалась хоть и не вполне пустой, но легкой. Смерть Рубена была как удар ножом в сердце, хотя, как с ужасом осознала Адретт, где-то в подсознании эта мысль жила. Как ни чудовищно было это обнаружить. Но белеющая в темноте рубашка напившегося в одиночестве мужа была как поворот этого самого ножа. Ступая на цыпочках, женщина вышла, унося бутылку и притворив за собой дверь. И только потом, оставшись в спальне абсолютно, совершенно, безнадежно одна, без малейшего облегчения разрыдалась.

* * *

«Совещание закончено, запись – в протокол», – загорелось на мониторе стола-органайзера. Секретарь немедленно перевела рычажок в положение «отформатировать голосовую запись», после чего скинула файл в архив и продублировала его на личный императорский считыватель. Кирилл, скорее всего, захочет потом внимательно просмотреть и проанализировать, кто что говорил.

Ей пока не доставало автоматизма. В Императорском Секретариате она работала без году

неделя, а уж личным секретарем – и подавно. С тех самых пор, как Кирилл набрался духу стукнуть кулаком и потребовал убрать с паз долой гримзу, пересидевшую в его приемной все Регентские Советы и бог весть па кого работавшую. «...и никаких сотрудниц Безопасности, и никаких секс-бомб!» – значилось в императорской ноте, однако девушка, спешно подобранная кадровой службой, разумеется, была не в курсе этого дописка. Кирилл желал, чтобы она получала приказы только из его уст.

Преданность и профессионализм. Кредо Империи.

Работы было много, хотя почта на адрес Императора проходила на пути своем множество фильтров, из коих пульт Софьи был только последним. Из кирпичиков ее обязанностей со временем – очень быстро! – образовалась прозрачная сфера, за стенками которой протекала теперь вся остальная жизнь. Даже война велась где-то там, вторгаясь вовнутрь массированными атаками докладов и отражаясь с помощью циркуляров и распоряжений, обязательных «всем, всем, всем». К концу дня в глазах у нее стояла истеричная тьма.

Да и сам день, как оказалось, предполагался ненормированным. Пока босс и сюзерен не скажет – хватит! А сюзерен, разумеется, ориентировался на свои силы, не на ее.

С другой стороны, не так уж много было тут несправедливости. Любое из своих затруднений Софья разрешала согласно инструкции, заменить ее могли хоть кем и в любую минуту, Кириллу же приходилось действовать творчески. И тот, и другая лавировали в стае намного более хищных рыб.

Недостаток опыта у Софьи вполне искупался трезвостью самооценки. Недаром в формулировке имперского принципа преданность предшествовала профессионализму. Кирилл нагружал ее сверх всякой меры, забывал здороваться и прощаться, иной раз вообще в упор не видел, полагая чем-то средним между кофеваркой, автоответчиком и переключателем систем связи, и считал само собой разумеющимися ее маленькие ежедневные подвиги в борьбе с личной жизнью, которая выглядела теперь чем-то вроде зимней мухи под стеклом.

Инструктаж руководителем Секретариата был проведен на скорую руку и включал в себя множество нюансов, от вовсе ненужных до буквально шокировавших скромную девицу из благонадежной семьи. Мало ли, инициатором каких отношений мог стать молодой Император, которого до самых недавних пор еще водил за ручку Регентский Совет. Выяснилось, что Кирилл и сам был достаточно хорошо вымуштрован. Не хуже, скажем, собственной секретарши. На рабочем месте никаких отношений, кроме профессиональных.

Хотя какие тут отношения, при стольких-то взглядах. Заинтересованных, а чаще выразительно-понимающих – дескать, ну-ну! – и ему, возможно, еще более неприятных.

Кирилл бы, вероятно, даже удивился, обнаружив за самым совершенным в Империи столом-органайзером с встроенными системами коммуникаций молодую женщину, угадывающую его настроение по походке и модуляциям голоса. Что она думает, будто у него слишком тонкая шея в воротничке мундира, и что, по правде говоря, выглядит он не мужчиной на середине третьего десятка, а юнцом с непосильной ношей, отказывающим себе в элементарных вещах, которые украшают жизнь, придавая ей запах, цвет и вкус. Кружка пива в жару, прогулка по магазинам с веселой и бессмысленной тратой денег, танцзал, и не элитный, куда выводят племенных невест, а обычный, городской, без претензий, где сама она отрывалась пару раз с пьянящим чувством вседозволенности. К тому же, подобно большинству женщин планеты, осмотревшись и пообтершись на новом рабочем месте, она испытывала жгучий интерес: каково это – быть выращенным не в семье, а Регентским Советом в качестве относительно

всемогущего символа.

Только преданность и профессионализм. Символ имперской веры. Собственно Империя и вываливалась сейчас в приемную через распахнутые двери конференц-зала. Убеленные сединами генералы, многие – с предательским брюшком, руководители административных округов, магнаты производства и коммуникаций, сами по себе решающего голоса лишённые, но присутствовавшие как докладчики по вопросам промышленных мощностей и объемов продукции, а также сроков перевода одного производства на военные рельсы. Общим числом не меньше сотни. Даже кондиционеры не справлялись – воздух из конференц-зала пахнул спертым. Или испортилась система? Секретарша черкнула себе памятку: вызвать техника, и поспешила опустить голову, отгораживаясь монитором от главных действующих лиц Империи. В таком количестве – у нее безотказно срабатывал защитный рефлекс.

– Милорд Эстергази, подождите!

Военный министр остановился посреди потока выходящих, поневоле разделившегося на два рукава, и обернулся, ожидая, пока к нему пробьется Кирилл. Софья, притаившись за монитором, ощутила болезненный укол ревности: военный министр проходил к Кириллу лишь назвавшись и в очереди не сиживал. Это было личное, это началось до нее, и не ее ума это было дело. Однако обижало.

– На пару слов... можно?

Эстергази кивнул. Выглядел он, как успела заметить Софья, скверно. Не в лучшей своей форме: обычно подтянутый, щеголеватый, весь острый и холодный, как церемониальный клинок. Что говорить, из тех, кого женский взгляд провожает, даже будь им под пятьдесят. Небрежность в причёске. Тяжесть на плечах. Неуверенность в движениях: повернувшись Кириллу навстречу, министр на кого-то наткнулся, слепо извинившись в ответ недовольному ворчуну.

Семейная трагедия. Софья даже почти вспомнила ту депешу в океане прочих и собственное мелочное злорадство, обращенное на высокомерного хлыща: дескать, вот и тебе... Да, в тот день Кирилл посмотрел на нее совершенно чужими глазами и велел идти домой, потому что сегодня – все. Хотя дел было по горло всегда, кому знать, как не ей...

Доверительно положив руку на обшлаг, Император увлек Харальда Эстергази обратно, в зев конференц-зала, где большой свет уже погасили и только чуть мерцали мониторы. Аккуратно притворил за собой дверь. Софья осталась по сю сторону, уныло глядя на сообщение поперек своего экрана: «Протокол сформирован».

– Для меня это тоже потеря, – сказал Кирилл, когда оба сели.

Харальд молча кивнул, глядя в полированную поверхность длинного стола.

– Как леди Адретт?

Министр поднял глаза и растянул губы в улыбку:

– Поверите ли, сир... Не знаю.

Кирилл зябко передернул плечами, покрытыми мундиром без знаков различия.

– Появились какие-то люди, – нехотя признался Харальд, – которые, видимо, могут лучше меня

понять ее... потерю. И поддержать ее. Я причислен... к виновникам.

- Руб всегда был тем, о чем другие могли только мечтать. Никто, кроме него, не...

- Умоляю вас, сир. Эстергази слышать не могут сейчас о героизме.

- Я тоже, - Кирилл нахмурил белесые брови. - Грешным делом, пусть бы тот АВ болтался. Изыскали бы другой способ, без самоубийственного вдохновения.

- Ваше Величество, - произнес Харальд, поднимая глаза, совершенно черные на лице, словно присыпанном мукой. - Я прошу об отставке.

- Что?!

- Я хороший пилот, хотя кое-какие навыки придется восстановить. На «Фреки» я мог бы принести пользу. Нижайше прошу освободить меня от занимаемой должности. Я должен стрелять.

- Нет, вы не можете! - Кир вскочил на ноги и забегал беспорядочными кругами.

- Я должен перед памятью сына.

- Пока мне не исполнилось пять, у вас было два сына, Харальд. Один раз вы меня уже отдали... им. Знали бы вы, чего мне стоило избавиться от мысли, будто вы оставили себе того, который получше! Гены императора Улле - пропади они пропадом - для ребенка вещь абстрактная. Хотите сделать это еще раз?

- Мужчины исполняют свой долг, сир. Я - мужчина. И вы тоже.

- А Руб так и вовсе был олицетворением достоинств в их превосходных степенях. Я знаю, и я - согласен. Вы нужны мне больше. Вы не можете бросить меня одного среди всех этих идиотов по праву рождения. Со взором горящим они убеждают меня, будто планета с радостью умрет за меня, и приводят в пример вашего сына! Население Зиглинды состоит не только из военных пилотов, а я воюю не за свое императорское достоинство. Среди этой толпы вгрызающихся в пирог лишь вашим суждениям я могу безоговорочно доверять. Я собираюсь просить военной помощи у Новой Надежды. Никто не знает, во что это выльется. Вы полетите со мной. Пожалуйста. Не оставляйте меня наедине с этим страхом. Каждый воюет как может. Я тоже, - он помедлил, - военный пилот.

* * *

Стоя посреди безлюдной площадки перед Главным Управлением Компании, Натали ошеломленно перечитывала только что врученное уведомление - стандартный кусок желтого штампованного пластика.

«В связи с сокращением объемов пассажирских перевозок... уменьшением общего количества рейсов на линиях... Компания пользуется правом расторгнуть трудовое соглашение... Империя позаботится о вас... будете трудоустроены согласно нуждам военного времени». Горстка мелочи на кредитной карточке. Все.

Давно к тому шло, вовсю пахло жареным, и те, кто побойчей, уже воспользовались связями, укрепив почву под ногами и подготовив плацдарм к отступлению. Натали, пребывавшая последние недели попеременно то в эйфории, то в ступоре, то в сладких грезах, в делах

житейских показала себя сущей дурой. Впрочем, если подумать, обратиться за помощью ей было особенно не к кому. Разве что к Никс... К Никс, скорее всего, уже очередь выстроилась.

Ну и куда ее теперь трудоустроят?

Барышни с образованием из хороших семей могли рассчитывать на работу в цехах электроники. Сфера обслуживания и производства предметов потребления также стремительно сокращалась: Империя, вставшая под ружье, решительно ограничила аппетиты подданных. Закрылись увеселительные заведения, зато раскошегарились топки резервных мощностей. Правительство отработывало сценарий «Вторжение».

Вот в это горнило тебя и кинут, подруга. Империя не может позволить себе разбрасываться кадрами. Каждый винтик пристроен к делу. Даже князю не стыдно послужить заклепкой в «железном щите».

Невольно она подняла глаза к небу, затянутому плотными тучами. Тусклый свет красного карлика, сочась сквозь облачность, превращал небо в зловещий театральный задник. Ветер, завихряясь, хлестал пылью со всех сторон, а сама она, казалось, стояла в самом центре бури. Сигнал тревоги – сирена с одной из башен – как будто накликал был дурными мыслями. И тут же над корпусом администрации пронеслись поднятые по тревоге АКИ-перехватчики. Неподходящее время предаваться раздумьям о судьбе. Интуитивно наклонив голову, чтобы спрятаться скорее от пронзительного звука реактивных двигателей, чем от огня, готового хлынуть с небес – от огня едва ли помогло бы, да и от звука тоже спасало не слишком – Натали опрометью ринулась в ближайшее убежище.

Ей досталось место на скамье у входа. К счастью, это был бункер Компании, большинство укрывшихся здесь носили форменные рубашки и платья серо-голубого цвета и имели адекватное представление о дисциплине. Но и они, хаотически перемещаясь между Натали, прижавшейся спиной к холодной стене, и скудными источниками света, преображали сцену в полотно постмодерниста, ужаснувшегося самому себе. Неопределенность, бездеятельность и страх, цепкий шепоток слуха, передаваемого из уст в уста. Гул и вибрация систем очистки воздуха. Кремальера герметичной двери, служащая сосредоточием всех взглядов. Чувство дикого одиночества в охваченной ужасом толпе. Картина ада, выполненная приверженцем кубистической манеры, в противоположность светлой, деятельной, громкоголосой Валгалле. Где-то так, в рамках господствующей если не религии то общепринятой культурной схемы.

Впредь ей придется пользоваться городскими бункерами. Там будут дети, а значит – истерика. Сегодняшний, коснувшийся сознания шепоток был насчет того, что муниципальные службы в спешном порядке готовят подземные площадки под расселение: на случай массированных бомбардировок. Резервисты-мужчины наземных родов войск были мобилизованы, прочие находились в готовности номер один, здоровым молодым женщинам также рекомендовано было освежить в памяти военные специальности на случай отражения десантов. «Не исключено», – так звучала правительственная формулировка. Занятых в военном производстве это, впрочем, не касалось. Другое дело – на военное производство могли встать пенсионеры, инвалиды и матери семейств.

Неужели *он* не защитит *меня*?

Этот налет продолжался особенно долго. Заключением в бункерной утробе даже раздали обед – дешевые армейские консервы с саморазогревом. Даваясь, Натали съела весь брикет со вкусом говядины. Припасенный на потом, он станет совершенно негоден к употреблению. К «Сэхримниру» следовало привыкнуть – если пайки войдут в систему. Нигде не существовало

статистики, согласно которой сбалансированный, медицински одобренный и официально утвержденный корм для «армейского скота» наносил пищеварению сколько-нибудь существенный вред. Утешайся этим.

К счастью, торопиться, мучительно ерзая на скамье, было некуда. Дома никто не ждал, а исполнять обязанности... что ж, ее только что уволили. Пытаясь успокоиться посреди накатывавших со всех сторон волн безмолвного безумия, Натали прикрыла глаза, активируя свой собственный маленький секретный арсенал.

Три дня – слишком мало по сравнению с общим их количеством, составляющим жизнь. Три дня – статистически, можно сказать, их и вовсе не было. Иногда, когда боль делалась невыносимой, Натали так себе и говорила. И с течением времени все слаще становилась эта боль.

Фрагменты. Выразительный росчерк брови, как от решительно настроенного пера, веселый блеск глаз, божественно золотистый природный тон кожи и плечи, верно, самые красивые в мире. Рука... последнее, что впечаталось в память одновременно с хлопком дверцы лимузина. Отчеркнутая свежей манжетой, такая твердая в управлении всем, что летает, и такая нежная, ласковая, умелая.

В одну из ночей в Тавире – тех ночей, что по уму забыть бы как можно скорее – жажда безумств овладела ими, и давясь со смеху, как проказливые дети, в кромешной тьме они загрузились во флайер... пять минут головокружительного лета не пойми куда, нырок под низко нависшие ветви, на долю секунды мелькнувшие перед лобовым стеклом. И тишина.

Черное небо и озеро, вода, тяжелая и гладкая, как ртуть, с отражениями сияющих лун. Мотор заглушен, ни шороха, ни вибрации, ни огонька на приборной доске. Фантазмагорическая картина перед глазами, и мистическое, пугающее ощущение в душе. Полное, чрезмерное уединение, когда не видишь даже соседа в кресле рядом. Только голос с бархатистой нотой, поднявшейся с самой глубины, полный желания, и ощущение присутствия, когда голос умолкал. Волшебная сила, превратившая ее самое в незыблемый и неоспоримый центр мироздания, и обладатель этой силы, сотворивший их мир для двоих и слегка ошарашенный результатом...

Тоже, в сущности, форма безумия, сказал внутренний голос. Натали раздраженно цыкнула на него: какого черта она не имеет права на форму безумия, раз больше ничего не осталось? Кремальера наконец повернулась, аромат мокрой зелени из мира мечты уступил место запаху нагретой вечерним солнцем пыльной мостовой, в убежище проник свет угасающего дня. Натали, поднявшись на онемевшие от неподвижности ноги, твердо сказала себе, что нет никакого Эстергази. И не было никогда.

И только привычно оглянулась в ту сторону на юго-западе Рейна, откуда уже неделю тянуло жаром спекшейся в стекло почвы. И башни в той стороне стояли покосившиеся, оплавленные как свечи и закопченные.

Добравшись до общежития уже в темноте, подолгу ожидая транспорта на пустынных улицах, она обнаружила карточку, прихваченную на дверь магнитом. Сообщение от Службы Занятости, несомненно продублированное на комм.

Итак, я работаю в бухгалтерии. Учет военной продукции. На общем фоне местечко теплое и уютное. Повезло?

И ещё одно на домашнем комме – от Никс. «Довольна? Гляди, не наделай глупостей». И почему-то отдельной строчкой: «Я сожалею».

Олаф Эстергази воспользовался услугами наемного флайера и остался недоволен. Путь до дворца с соблюдением формальностей магистрального движения занял недопустимо много времени. Учитывая, что дороже времени ничего нет. Старая истина, почти аксиома, из тех, что прорастают в сознании примерно к его возрасту. Молодежи свойственно прожигать лучшие годы и только потом оглядываться на них с сожалением.

Если придется. Нынче умирают молодые.

Лучше бы он сел в пилотское кресло сам, не обращая внимания на предписания врачей и протесты старческого тела. Идеалом были бы, конечно, сын или внук. Но сын принадлежал Империи, кажется, найдя в том свое собственное спасение, и уж конечно не стал бы тратить драгоценное время, потакая капризам старика, а внук... Адмирал в сердцах ударил тростью в стеклоплит мостовой, и тут же судорога пронзила правую икру, будто злая старуха стукнула сзади клюкой. Так и упасть недолго – на потеху. Серdito звякнули на груди ордена. Полный парадный набор.

Юная дева в приемной глянула хмуро, по и в иные дни имя Эстергази служило тут пропуском вне очереди. Чиновникам с их делами и жалобами, даже самым высшим, пришлось закусить раздражение и уступить место ветерану, навстречу которому, выпроводив очередного посетителя, Кирилл вышел сам.

Серебристо-серые панели, поляризованное притемненное окно и анатомические кресла в личном кабинете Императора, примыкающем к торжественному конференц-залу на сто человек, были именно тем, что нужно пожилому человеку после утомительного путешествия по магистралям Рейна. По крайней мере мальчик вырос предупредительным. Несомненная заслуга Адретт. Витаминный напиток, заказанный секретарше, и два бокала легкого красного в обход нее, через пульт городской доставки, замаскированный под сейф. Одному запрещал протокол, другому – медицина. Ничего, прорвемся.

Вид этого пульта напомнил адмиралу историю, поведенную ухмыляющимся внуком, предусмотрительно обождавшим, покуда матушка покинет компанию. После сдачи последнего экзамена Императора сотоварищи пробило на безобразия. Прости господи, какие безобразия могли прийти в голову пареньку, выросшему под камерами круглосуточного наблюдения! В отвязный кабак они завалиться не могли из-за боязни угодить под случайный объектив – снимки пьяного императора в стрип-баре отнюдь не поспособствовали бы престижу власти – а оторваться хотелось. Не все же пиво дуть в личных покоях, и Кириллу пришла в голову чумовая мысль заказать прямо сюда, в центр управления Империей – в этом была вся соль – знаменитую генетически оптимизированную экзотическую танцовщицу Никиту Бонус дель Торо с ее номером на столе.

– Эту? – с веселым изумлением воскликнул Харальд.

– Эту? – эхом возмутился дед.

Чикита, однако, была избалована контрактами и публикой, более управляемой, нежели гурт двадцатилетних, изрядно подданных юнцов, пусть даже выпуск весь целиком состоял из первых имен Империи. Тем более, кстати – этим позволено все. Договариваться с ней выпало Рубену, и дед полагал, что без знаменитой улыбки не обошлось.

В семнадцать лет Руб высокомерно отказался сняться в рекламе зубной пасты, предоставив это тем, кому не хватало на карманные расходы. Б двадцать один та же участь постигла

эротический сайт, представитель которого был специально предупрежден насчет попытки монтажа. Никто не рискнул бы связываться с разъяренными Эстергази. Адретт, каким-то образом узнав о предложении, была скандализирована, а для мальчишки все хиханьки. Нынешнее поколение куда развязнее. Разве вообразишь на их месте себя и Императора Улле?

Сколько в нем было жизни.

Так или иначе Чикита дала согласие, но стол, откуда осуществлялось управление Империей, так и остался неосквернен. К немалому шоку СБ, сканеры на входе показали человеческий скелет, скорчившийся внутри упаковки из-под ксерокса, и Чикита во всех ее цветах и перьях была извлечена посередине вестибюля под прицелом бластеров охраны. Виновники конфуза могли наблюдать всю процедуру с помощью камеры слежения из императорского кабинета. Кир, вероятно, был немного разочарован, однако прочие ржали как целый табун и в целом остались удовлетворены. Космические пилоты в общем привыкли постоянные помыслы и разговоры о сексе разрешать здоровым хохотом. Как правило – общим. С огромным трудом удалось уберечь происшествие от попадания в СМИ.

- Ну и, – осторожно поинтересовалась родня, – как она... вблизи?

- Вблизи, – сын и внук промокнул губы салфеткой, – пылает и плавится, как и обещали.

Весело поглядел на физиономии отца и дела.

- Ширпотреб. Но Киру надо попробовать что-то в этом роде. Вправить... предпочтения.

- Милорд? – вопросительный императорский голос вернул адмирала в здесь и сейчас.

- У меня просьба, сир, – Олаф Эстергази помедлил, потому что Император не должен был ему отказать. Ни в коем случае. – Возможно, вы сочтете ее экстравагантной. Я прошу аудиенции у вашего деда.

Белобрысые императорские брови взлетели вверх. Потом чуть опустились, хотя напряжение на лице сохранилось.

- Мне следовало знать, что сокровенные тайны императорской фамилии повторяются шепотом в каждой кухне. Ужо найду я и у Эстергази скелет в шкафу.

- Я готов предоставить в ваше распоряжение свой собственный скелет. Я прошу... нижайше.

- Ох, вот нижайше-то не надо, – буркнул Кирилл. – Не такое уж приятное... явление, скажем прямо. Но если вы настаиваете...

- Да.

- Ну, пойдемте тогда.

Судя по лицу, Император не был в восторге от этой идеи. Но – шел впереди, указывая дорогу, сперва через личный выход из кабинета, в лифтовый холл, в стальную капсулу, где предложил пожилому адмиралу сесть и взяться за поручень, прежде чем та стремительно ухнула вниз. Где-то в нижних этажах капсула остановилась, Кирилл вежливо выпустил гостя вперед себя.

Опираясь на трость и прищурившись, адмирал огляделся, узнавая коридоры старого крыла, пустынные и, кажется, даже слегка пыльные. Он не был тут лет двадцать. Совершенно иной

стиль. Вместо небольших функциональных помещений вдоль осевой линии, снабженных выразительными граффити для простоты ориентировки – громоздкие многооконные залы, переходящие один в другой. Или не переходящие. Причем это не решительно не поддавалось никакой логике. Кипение имперской деятельности осталось там, выше, а тут не попадались не только служащие, но даже автономные дроиды, наводящие чистоту.

И еще тут не было мебели. Совсем. Ни диванов, ни картин, ни ваз с вензелями, создававших тяжеловесный имперский шик. Только выцветшие панели и пыль. И эхо шагов в две переплетающиеся нитки, сопровождаемые стаккато трости как мементо мори.

Последнюю дверь Кирилл отпер своим ключом.

Некоторое время они стояли на пороге огромного зала, почти ослепнув от света, лившегося через бронестекло во всю стену. Потом Кирилл прошел в центр зала и неожиданно сел прямо на пол, спиной к Эстергази и лицом у окна, словно выведя ситуацию из схемы «государь-подданный», а также предоставив Олафу действовать на свое усмотрение. Самоустранившись. К слову – взгляд со стороны отлично у него получался.

Адмирал, разумеется, узнал комнату. Панели одной стены так и остались оплавлены. Глядя на них, он так и не знал, принесло ли это больше шока или облегчения.

– Никак Эстергази? Ну, я и представлял себе что-то в этом роде: иконостас... и ишиас.

Адмирал знал, чего следует ожидать, но при звуках этого высокого надтреснутого старческого тенорка сердце в груди чуть не разорвалось. Колено преклонять не стал – сделал себе скидку на возраст, на последовательную демократизацию общества, да и ритуал обращения к мертвому императору едва ли вошел даже в стадию разработки. И, судя по паузе, Император Улле не преминул это отметить. При жизни он был весьма чувствителен к выражениям пиетета.

– Я мог бы предложить тебе сесть, – произнес голос Императора, – но они вынесли все.

– Ты сам вынудил, – откликнулся Кир. – Зачем швыряться мебелью в дроидов и ни в чем не повинных слуг?

– У меня есть веская причина быть раздражительным. Меня убили в собственных покоях. Первый визит за четверть века... Впрочем, немудрено. Избирательная верность все так же характерна для Эстергази?

– Никто не сделал для династии больше, Улле. Мы спасли твоего внука.

– Вы могли попытаться спасти меня.

– Мы не участвовали в перевороте, – твердо сказал Олаф. Его очень затрудняло отсутствие у собеседника глаз и самого лица. Некуда смотреть и некуда адресовать слова, разве в пространство. Впрочем, если вспомнить обычное выражение глаз Улле, когда тот бывал не в духе – почти всегда в последнее время при жизни – этому обстоятельству можно бы втихую и порадоваться. – И я уверен, ты знаешь, что мы делали потом.

– Я знаю. Я разговариваю с внуком, когда он находит для меня время и когда у него подходящее настроение. Это случается реже, чем следовало бы. Немудрено – он ведь продукт Эстергази. Не думаю, чтобы он лукавил предо мной сознательно, но его видение – с ваших слов.

Взгляд Кирилла выражал усталую иронию и нечто вроде «я вас предупреждал».

– Очень мелодраматично. Конечно, вы не могли прийти на помощь мне. Здесь было слишком горячо. Вы предпочли вывезти невесту наследника, Лору Геммел-Чиорра, которую по существу никто не охранял. Кому бишь принадлежала эта блестящая идея налета на генетический банк?

– Моей невестке Адретт.

– О да, конечно, – ехидный смешок из пустоты вполне охарактеризовал отношение Императора Улле к ненормальным этносам вообще и к леди Адретт в частности. – Твой мальчишка в кресле пилота, вероятно, с очень большими глазами, твоя невестка с бластером и пузом, не забывающая продемонстрировать Лоре твердость духа зиглиндианок, сам нестигаемый ты для придания операции имени и статуса. Я удивлен, почему кино не сняли. Или сняли? Чудная пропагандистская картинка! По крайней мере, для моих генов вы выбрали чистый сосуд.

– А вот этого не будет, – вполголоса произнес Кирилл. – Я сказал. Насчет Адретт я предупреждал неоднократно. Кому-то здесь этот наци-бред может показаться утомительным и скучным.

– Генетический материал твоего сына и Лора Геммел-Чиорра, а также избирательная верность Эстергази в совокупности оказались равны твоему внуку на престоле Империи.

– Эстергази бесхитростные и честные, как молот Тора? Бросьте. Дорого бы я дал, чтобы увидеть, куда *на самом деле* был направлен тот бластер! Козырная карта, которую Эстергази вынули из рукава в нужный момент, когда гражданская бойня грозила пожрать самое себя. Компромиссный фактор. Но твой сын жив, а мой – нет.

– Мой внук, будучи еще эмбрионом, закрывал собой твоего... покуда его везли в аптекарской бьюксе. И вот теперь твой внук жив. А мой – нет.

– Он был истинным Эстергази... конечно?

– Он был от рождения крылат.

Возвращаясь обратно старыми пустыми коридорами, а следом – капсулой лифта, осуществлявшей связь меж явью и миром теней, Олаф Эстергази был молчалив и задумчив. Кирилл поглядывал искоса, вопросительно. Потом заговорил.

– Большею частью он раздражен, но иногда дает дельные советы. Я фильтрую, конечно. В конце концов – единственный живой родственник. Ну не живой... но доступный общению. Леди Геммел-Чиорра не сочла факт моего существования достаточно веским, чтобы остаться на Зиглинде.

– Зиглинда была тогда кровавой бойней, – отозвался Олаф. – И. таков с самого начала был уговор: в обмен на ваше рождение, сир, вывоз в любой мир на выбор плюс компенсация за моральный ущерб. Не могу осуждать ее за превратно сложившееся мнение.

– Эстергази не осуждают женщин?

– Без ее согласия ничего бы не вышло. Она была объявленной невестой наследника. Обе стороны публично объявили о намерении вступить в брак. Никакая другая женщина, выступи она в роли вашей суррогатной матери, не позволила бы вам законно претендовать на престол. Юридический прецедент для Зиглинды, но вполне в рамках галактического права. Я по сию

пору не убежден, что смена формы правления позволила бы Зиглинде сохранить суверенитет.

– Мужчины выполняют свой долг, – хмыкнул Кирилл.

– Что-то вроде того.

– Да я ничего. Я разве спорю? Он ведь всегда был таким?

– Полное сохранение личности, – вымолвил Олаф, с облегчением опускаясь в анатомическое кресло в прохладе жемчужно-серого кабинета, и, судя по выражению лица, пребывая не здесь. – Адекватные реакции. Модуляции голоса. Хотя звук чуточку иной. Кстати, насчет голоса... как это вообще возможно? При отсутствии дыхательного горла, гортани, связок...

– Использует то, что есть, насколько я понимаю. Вибрации стен, бронестекла, эхо наших собственных голосов и шагов... Вся физика звука идет у него в дело. А в целом... обычный династический призрак, – ухмыльнулся Кир. – Насильственная смерть, помноженная на силу духа. Видеодрамы смотрите?

– Не гоните пургу... лейтенант.

– Слушаюсь, адмирал. Съер. Есть не гнать пургу. В основу эффекта заложены принципы электромагнетизма. Душа взвешена, измерено ее напряжение на входе и на выходе, исследованы условия, при которых она входит в резонанс с объектом. Исследованы – стало быть, могут быть созданы искусственно. Причем ученые утверждают, будто бы нет никакой необходимости поддерживать их непрерывно. Чему я охотно верю. Избавиться от дедушки можно разве что взорвав старое крыло. На что я по здравом размышлении не пойду – я ж не варвар. Держим взаперти, чтоб не буянил.

– Император Улле был чудовищем, – без улыбки сказал Эстергази. – Непредсказуем и неуправляем. На моих глазах он наградил друга нашего детства юбилейной медалью, а назавтра в подвале расстрельная команда развеяла его в пепел. Ладить с ним можно было лишь полностью признавая примат его личности, вплоть до указаний, с какой стороны разбивать яйцо. Я не шучу. В нордическую систему ценностей он не верил ни на йоту: его занимали только производные от нее разграничительные линии, как средство упорядочить жизнь. Скажем так, браком Харальда он был разгневан, во всеуслышанье называя его ублюдочным союзом. Приходилось держать в тайне даже беременность Адретт. Ничто не мешало имперским взломщикам войти в любой дом, а там – несчастный случай... Кому жаловаться? Иной раз мне казалось, он тянет с действием только потому, что ему нравится держать нас на волоске. А сейчас он швыряется мебелью?

– Полноценный полтергейст, – ухмыльнулся Кир. – С отвратительным характером. Впрочем, я бы сказал, продолжительное одиночество ему на пользу. Мне, например, он даже рад.

– Сына он любил, – вздохнул Эстергази. – Хотя, простите, сам по себе ваш отец ничего не значил. Тень в тени трона. Возможно, единственная форма безболезненного сосуществования с Улле. Хотя, конечно, мы не знаем, насколько безболезненным для кронпринца было это сосуществование. Я прошу Врат Валгаллы для Рубена, – без перехода сказал он. – В теле его истребителя. Тецима, насколько мне известно, практически цела. Что может быть совершеннее боевой машины?

– Че-го?

– Проект вырос на основе феномена Императора Улле. Я только что убедился в полном

сохранении личности субъекта, в адекватности его реакций, в продолжении его... мыслительного процесса, то есть существования по самой объективной мерке. В последний раз вы говорили о крысах и шимпанзе. Как насчет человека?

- Проект законсервирован, - сказал Кирилл, имея слегка ошеломленный вид, и адмирал Эстергази изготовился двинуть войска в образовавшуюся брешь. - Мы не можем сейчас расходовать бюджет и мощности... Это чертовски...

- Семья готова финансировать спуск Тецимы с орбиты и ее отправку обратно. Мы также готовы, - помедлив, произнес старый адмирал, - спонсировать проект... в этой части... и далее, буде он покажет успешность.

- Упомянув Семью, вы имеете в виду?...

- Себя. Адретт пала добычей секты... из малозначительных, как муха в мед влипнув в оттенки скорбей. «Пройдя долиной смертной тени...», и все в этаким же духе па разные лады. Ублюдки какие-то прилизанные, в галстуках, одинаковые с лица, корзины белых роз...

- Розы - это... - Император покраснел.

- А! Извините, сир. Харальд нашел если не утешение, то занятие в государственной службе. А я заключу контракт хоть с чертом! Мы потеряли сына и внука, вы, осмелюсь предположить - верного друга. Имею дерзость предложить Империи... инструмент.

- Я хочу отказать вам. Я не могу поверить, вы в самом деле предлагаете проделать это... с Рубом?

- Я имею доступ к реальным сводкам, сир. Промедлив, вы имеете реальный шанс... вовсе потерять возможность предпринять к обороне... неординарные таги... не говоря уже об испытании оружия подобного рода. Я помню, как он улыбался. Прищуривался. Завязывал галстук. Я хочу слышать его голос. По крайней мере он будет летать.

- О, да. Руб обладал даром вызывать любовь. Вы не понимаете, - судя по голосу Кириллу хотелось кричать. - Мы делали это с человеком! Они пробуждаются в полной памяти, с привычками, с потребностями тела, которого нет...

- Я бы предпочел ампутацию смерти, если бы такой выбор стоял, - пробормотал Олаф. - Что это, как не ампутация, доведенная до абсурда.

- Неуправляемый психоз - вот что мы получили. И практически неуничтожимый... Не думаю, чтобы вы хотели услышать, как мы от него избавлялись. Вполне безобидный предмет. А вы предлагаете боевую машину! У меня не было ничего... никого, лучше Руба. Памятью его прошу - не настаивайте. Про это не написано книг. Никто ему не поможет.

- Не прячьтесь за память Руба, сир. Лучше дайте ему возможность... быть. А мне - обратиться к нему по имени. Готов об заклад биться, вокруг вашего «примера» не стояла любящая родня.

- Собственно, - хмуро признался Кирилл, - это был преступник, приговоренный к казни.

- Ну так! У Рубена прекрасные психологические характеристики, конструктивный склад...

- Милорд, уверяю вас, будет намного... эээ... менее болезненно вернуться в реальность и признать свершившееся достойным сожаления фактом.

- К чертям эту реальность, если есть выбор.

- Лучше прикиньте, каково будет принимать приказ об отправке Руба в гидравлический пресс. Вы выдержите это во второй раз?

- Вы смогли бы отдать такой приказ... сир?

- Разумеется. Вы сами нагрузили меня этими генами, - оскалился Кирилл. - Я не могу допустить существования неподконтрольной силы.

- Хорошо. - Адмирал выпрямил спину, насколько мог. - Ответственность за последствия я беру на себя.

* * *

У жабы тоже есть блюз.

Башня Рован

Столы, составленные вплотную друг к другу, горы инфочипов в прозрачных пластиковых лотках и бюрократический ритуал такой сложности, что поначалу Натали вовсе головы не поднимала. Место ей досталось неудобное: посредине стены, уютные углы были заняты старожилками. Над головой вечно гудел и бил холодной струей кондиционер. Она замерзала, вынужденная кутаться в шаль поверх делового костюма. Товарки же задыхались от духоты: кондиционер в подземном помещении оборонного завода был вещью жизненно необходимой. Горели люминесцентные лампы, превращая сотрудниц в раскрашенные манекены. Тот же бункер, по существу, лицемерно маскирующийся бурлящей полнотой жизни.

В том, что она устроилась сюда через восьмые руки, не было ничего удивительного. Все сидевшие в этой комнате состояли в тех или иных отношениях с ответственными менеджерами, да и сама прогулка генерального - румяного шестидесятилетнего бодрячка - по офису неизменно сопровождалась шлепками, щипками и восторженными взвизгиваниями. Вновь пришлось столкнуться с известным предрассудком, что якобы понятие «стюардесса» адекватно переводится как «первоклассный секс на халяву». Не то что бы у нее были реальные основания опасаться посягательств на личность и достоинство, всё же это был офис компании, а не темный закоулок фабричного квартала, но в памяти еще стоял блеск эполет, а в остальном достаточно было держать «опасность» в поле зрения и не поворачиваться к ней уязвимым местом. То бишь спиной.

Поначалу ее сочли «очередной» пассивой и встретили настороженно. Замолкали в ее присутствии непринужденные разговоры, а две-три, чуя в ней новую силу на подъеме и рассчитывая на расположение, поспешили в укромном уголке поделиться чрезвычайно важной информацией по расположению центров силы коллектива и связей меж ними. Заодно дополнив ее моральными портретами сослуживиц и тайнами их пороков. К некоторому замешательству Натали обнаружила, что не в состоянии установить однозначное соответствие между множествами их лиц и имен. Как будто место, реально занимаемое ею в пространстве, было от них в сотнях световых лет.

Навык стюардессы, впрочем, вполне справлялся с неуклюжими домогательствами чиновничков, ответственных за участки. Деловой костюм невзрачного цвета с юбкой значительно ниже колена на фоне витрины декольте, топики в крупную розу с платиновыми купидончиками в качестве язычков «молний», мини-шортиков из флекс-кожи в сочетании с

сапогами на шпильке и разноцветных искусственных шубок выглядел как вызов, как доспехи рыцаря, как скафандр высокой защиты, в котором она несла свою службу в агрессивной среде. Для самой Натали он был чем-то вроде хитинового скелета, не позволявшего ей растечься безвольной субстанцией, утратившей способность к поддержанию формы. Девушки меж собой решили, что она ведет рискованную, но расчетливую и тщательно выверенную партию. Менеджеры немедленно приняли этот вызов на свой счет.

Потом обнаружилось, что она – обычный «синий чулок».

Считалось, что зарывшись в землю, Зиглинда сможет еще долго огрызаться против захватчиков. По одному из видеоканалов ежедневно транслировали курс лекций по тактике партизанской войны. Сотрудница, у которой был сын-подросток, утверждала, что мальчишек от него не оторвать.

С этим спорил худой и нервный инженер, сверявший в бухгалтерии какие-то цифры и вызванный к разговору чашкой кофе. Размахивая руками, он кричал, что Чужих на планету пускать нельзя, что даже вынужденные уйти, они покинут ее, только залив плазмой с орбиты. Кричал он так громко, что вскоре Натали уже переводила его участок ответственности на другое имя.

Среда давила. А ведь вначале Натали скрашивала ожидание поезда, воображая, как объявят победу – настрой СМИ был неизменно оптимистичен – и транспорты с орбиты пойдут вниз. И можно будет помчаться туда и уж как-нибудь протолкаться. В само здание космопорта, конечно, не попасть, наверняка там пригласительные билеты для членов семей, и можно представить, каких масштабов достигнет массовое восторженное безумие. Но все-таки... Разве она сможет остаться в стороне? Он и не вспомнит. Можно себе представить, сколько у него было... таких. Или нет? Или – да?

Сложить цифры восемнадцатью разными способами, убедиться, что итоги не равны, и по комму, а иногда и спускаясь в цеха, долго и мучительно выяснять причины расхождений.

Измученные производственными накладками, необходимостью выйти на плановую цифру, а более всего – бюрократической процедурой, инженеры откровенно считали ее шлюшкой из верхов, но по крайней мере тут ее не встречали сальной усмешкой и не провожали скабрёзностями в спину, столь бесстыдно-невинными, что казалось – они заложены в основе существования мира и способны подменить собой почву под ее собственными ногами. О Натали забывали, стоило ей подняться со стула, и это устраивало ее больше, поскольку не приходилось опасаться за тылы.

Здесь, среди технарей нашлось два-три – человека? лица? – из тех, что удерживают женщин, рискующих иначе проклясть весь противоположный пол. Если бы не... ах, если бы кое-кто не осложнил так невозможно ее личную жизнь... бог с ним, что уйдя, но рассыпав, как птице, крохи надежды. Адекватным определением было слово «порядочный».

Однако все это были чьи-то мужчины, и даже если бы Натали решилась замахнуться на чужое, измотаны и издерганы они были настолько, что хватило бы сил до своей законной допоздти, не обидев. Где уж тут любовниц заводить. В любом случае, сама Натали инициировать отношений не умела.

У их Зиглинды непрестанно пылали топки, плавилась руда, текли огненные реки, грохотали автоматические молоты, и прекрасные девственницы из благородных семейств портили себе зрение, собирая на конвейере начинку протонных торпед.

Она поднималась обратно и узнавала, кто кого кому передал по наследству, кто с кем покинул рабочее место много позже обычного, а кто отметился в интим-салоне «Гнилое море», официально закрытом, но «для влиятельных нет преград, не так ли?». Словно возвращалась в мир перемигиваний и многозначительных локотков, и корпоративных вечеринок, где вопросом дня, без обиняков задаваемым вслух был: «Ты уже попробовал стюардессу?»

Ей не хотелось здесь жить и тут быть. Единственным местом, где она могла оставаться наедине с собой, неожиданно оказался городской транспорт. Натали по-прежнему обитала в общежитии Компании, поскольку та не настаивала на немедленном освобождении площадей, а переезжать в аналогичную ячейку от Завода отчаянно не хотелось: мало ли, какие у них там внутренние правила. Линии воздушного сообщения, бывшие до сих пор самым оптимальным вариантом по цене, скорости и комфорту, позакрывали, пилотов призывали, прочий персонал, как саму Натали, распределили кого куда. Осталась подземка: мучительно медленная, невообразимо многолюдная и отнимавшая массу времени. Метро на Зиглинде никогда не рассматривалось как основной вид коммуникаций и потому явно не справлялось с нагрузкой. Впрочем, с точки зрения Натали последним обстоятельством едва ли стоило огорчаться. Эти несколько часов она принадлежала самой себе, бесцельно блуждая по чуланам собственных мыслей, мечтаний, страхов, рассматривая их один за другим как зажатые меж пальцами стеклянные шарики. Попутчикам казалось, будто она спит, на самом же деле она мысленно продолжала прерванные разговоры, обсуждая то, что следовало обсудить, склоняя кого-то к своему видению ситуации, и была разумна, убедительна, спокойна...

А вот пробивало ее разрядом, когда попадалось в толпе юное лицо, цветущее свежей красотой там, где она сама уже обнаруживала первые «куриные лапки» морщинок, уголки губ, приподнятые вверх, счастливый, а пуще того – безмятежный взгляд. Словно сама война не была помехой чьей-то чужой любви.

Куда девалась моя жизнь? Каким образом свет восходящей надежды, что озаряла путь впереди, вдруг оказался сзади, окрасив воспоминания в теплые закатные тона, и теперь перед собой она не видела ничего, кроме тени, хотя бы и собственной?

И еще дурно было, что приходилось вставать в предрассветную рань, одеваться ощупью, натываясь на углы, умываться холодной водой, завтракать всухомятку, выпивая дежурную чашку крепчайшего кофе – коммунальные службы сократили подачу энергии в жилые кварталы, перейдя на график. Предусмотрительные люди – Натали ловила поверх своей головы шлейфы обрывочных разговоров – закупали аккумуляторы и читали мантры всем богам, которых знали из книг и видео, чтобы следом не отключили подачу питьевой воды. Для Города Башен это было бы смерти подобно. Потом – в лифт, чьи полированные металлопластовые створки распаивались прямо на тесную станцию подземки. Натали перестраховывалась, отправляясь одним поездом раньше. Мало ли какая могла возникнуть ситуация, а выходить перед начальством виноватой не стоило. Очень уж оное руководство склонно было переводить все вопросы в личные.

Возвращаясь же домой, тоже в совершеннейших потьмах, она нехотя ужинала, лезла под ионный душ, на пять минут выключавший ее из реальности, падала на откидную полку-кровать – пластик, обтянутый стандартным голубым полидерматинном – и проваливалась в забытие, чтобы через четыре-пять часов очнуться в темноте, в необъяснимом ужасе перед неопределенностью судьбы, отчетливо осознавая отсутствие какого-либо выхода, поворотного пункта к переменам. Слепую жажду ласки.

Сама себе она казалась совершенно бесполезной частью социума.

Ни один Эстергази не может утверждать, будто страх ему вовсе неведом. В том числе – физиологические его проявления. Олаф переступил порог зала, и желудок сжался в комок, стенки его словно обледенели, и вкус кислоты встал во рту.

Кирилл вошел следом. Лицо молодого Императора было задумчиво и непроницаемо и вполне подходило под заявленную позицию «в принципе против». Адмирал предположил, что и у него состояние места, где гнездится, трепыхаясь, душа, оставляет желать лучшего.

Территория, отданная во власть проекта, представляла собой просторный низкий зал: надо думать, один из дворцовых гаражей, с кафельным полом и множеством люминесцентных ламп. Вдоль стен были составлены лабораторные столы, только что выгруженные и еще не распределенные по местам: с вмонтированными спиралями разогрева и контейнерами охладителей, и мониторами, где отражался процесс. Всюду свисала проводка, покамест не упрятанная в короба – то ли Проект разворачивали в спешке, то ли высокомерно не утруждали себя тонкостями офисного интерьера. Потрескивали, помигивая лампочками, распределительные шкафы в углах. Персонал, суetyщийся вокруг, одет был в зеленые комбинезоны: видимо, этот цвет как раз и напомнил адмиралу о хирургии. Из собственного общения с докторами адмирал вынес поговорку: «Чиненое – не новое», при всех сегодняшних надеждах смущавшую его дух.

Стандартная раздвижная переборка из прозрачного зеленоватого пластика разделяла зал пополам. Кирилл – случайно ли? – одетый с утра в будничный летный комбинезон, не задумываясь проследовал туда.

Из информационного файла Олаф Эстергази знал, что увидит, но все равно, когда он говорил себе о «воскрешении», воображение рисовало ему прозрачную криокапсулу в поясе огоньков-индикаторов, тело в паутине датчиков и трубок, помимо них облаченное лишь в красоту. Он непроизвольно вздрогнул, потому что эта шутка, всплывшая в мозгу, тоже при жизни принадлежала внуку.

Пилотов в таких капсулах не доставляли почти никогда. Мальчишки гибли мгновенно, сгорая в плазме, а нет – так от взрывов собственных баков, как метеориты в атмосфере, не успевая даже рычаги катапульты толкнуть.

Задняя стена отгороженной части лаборатории была сплошными воротами, вроде ангарных. Сейчас они как раз закрывались, выпустив уползающий тягач, и некоторое время Олаф Эстергази не видел кругом ничего, кроме оставленной им ноши.

Гигантский ящик, чья одноразовая пластиковая обшивка, обрызганная аэрозолем, моментально сморщилась и складками осела на пол. Рабочий, следивший за автоматическими уборщиками, снял с корпуса Тецимы легкие фиброэтиленовые уплотнители и отошел, словно не желал находиться в такой близости от истребителя.

Может, это была самая обычная иерархическая почтительность, но адмирала от нее передернуло, а после он стоял непроизвольно навтыжку, глаз не сводя с изуродованного блистера, с оплавленных по краям осколков керамлита. И сильнейшая душевная боль, свернувшаяся при этом в подвздошье, напомнила ему ту, другую... Когда Харальд, запинаясь на каждом слове, сказал: «Я боюсь, они убьют ее... их... а мы ничего не докажем». А он был спеленут по рукам и ногам верностью. Честью. Присягой. Эта верность, в конечном итоге, а не любовь мужчины и женщины, породила юнца, стоящего рядом, и вложила в его руки бразды. В

том числе право отдать приказ, при одной мысли о котором любой Эстергази побелеет лицом.

Адретт как-то обмолвилась, что Кир, видимо, хотел бы быть Рубом. Для всех. Олаф Эстергази понятия не имел, как обернуть это к благу. С этой точки зрения желание Семьи любой ценой вернуть *того*, когда есть еще *этот*, должно бы его уязвлять.

Отсюда не было видно, что внутри кабины выжжено все, что могло гореть. Фактически, пилот закрыл баки собственным телом. Иначе Тециму разнесло бы на куски, на раскаленные капли, лишив Семью и этого призрачного шанса. Я должно быть сошел с ума, рассчитывая на это. Однако бросив кругом мысленный взгляд, Олаф Эстергази не смог найти никого, кто по его критериям был бы совершенно нормален. А коли так – какая разница.

Галактическая мода – причудливый, несомненно экзотический и, возможно, ядовитый цветок. Зиглинда традиционно придерживалась классических вариантов с некоторым уклоном в «милитари» для аристократической элиты. Император в мундире ВКС воспринимался совершенно нормально. Для штатских же официальной униформой вот уже несколько сотен лет оставался костюм с галстуком, и даже парадная офицерская форма подразумевала белую сорочку и галстук хаки в сочетании с брюками и кителем того же цвета. В сущности, общественное расслоение сводилось к наличию или отсутствию мундира, и по мнению адмирала это было лучше, чем если бы все сводилось к форме черепа, группе крови и кипе справок, подтверждающих ее чистоту в восьми поколениях.

Поэтому стандартный темный костюм с галстуком вкупе с приглаженной целлулоидной внешностью неспешно подошедшего штатского ничего не сказал о нем Олафу Эстергази, да и имя его он позабыл через пять минут, потому что его совершенно не к чему было привязать. Разве что к инженерной должности.

– Машину надобно привести в порядок, – сказал тот, обращаясь к Кириллу. – Сперва, само собой, следует излечить тело. Колпак, – Олаф поморщился, только «пиджак» мог назвать блистер этим неуклюжим словом, – заменить, починить там все. Рассматривайте это как органы. Для грубой работы понадобятся техники завода-изготовителя. На худой конец – армейские. Я рад, что вы сочли целесообразным вернуться к Проекту, сир. В конце концов, опробовать технологию в реальных условиях – что может быть предпочтительнее для науки? Что у нас тут... – он небрежно постучал костяшками по фюзеляжу, – спит?

– Немного больше, – вспыхнул адмирал, – уважения!

Инженер вопросительно поднял на Императора брови.

– Сир?

– Перед вами лучший пилот планеты.

– Какая удача.

Зубные протезы Эстергази подверглись, должно быть, нагрузке, превышающей все разумные гарантийные нормативы, желание убить эту сволочь немедленно едва ли не затмило все его побуждения и мотивы, и даже Кирилл дернул ртом.

– Поймите меня правильно, сир. Намного приятнее и проще работать с первоклассным материалом. Не о смерти думайте – о бессмертии. Повезло парню.

– Вы гарантируете успех?

- Я могу извлечь душу из консервной банки, - он щелкнул пальцами, и Олаф преисполнился презрения от этого жеста фокусника, - при условии, что она там есть, разумеется. Истребитель, вакуум... это хорошо. Мы можем быть уверены, что раз уж пилот был убит внутри этой штуки, душа не ушла ни в какой посторонний предмет.

- Император Улле... - заикнулся Олаф. - В его собственные покои... Вы ведь его не будили? Как это оказалось возможно?

- Ну... - на секунду инженер показался если не смущенным, то озадаченным. - Необычная конструкция покоев... Работало мощное энергетическое оружие. Редкостная комбинация электромагнитных полей, я бы сказал.

- И вы можете воссоздать ее искусственно и записать на носитель?

- В этом вся суть Проекта «Врата Валгаллы», хотя говорить о «записи» на сегодняшний день несколько преждевременно. - Он выглядел уязвленным, словно его заставили признать, что возможности его ограничены. - Иначе немедленно встал бы вопрос о перезагрузке, пересылке по Сети, копировании, в том числе и незаконном... Когда бы я мог пообещать вам это, сир, я пообещал бы тем самым галактическое господство. Личность лучшего пилота планеты, помноженная на возможности вашего военно-промышленного комплекса... - Олафа передернуло. - Пока - нет, но в перспективе... Пока приходится довольствоваться термином «пробуждение». Едва ли я открою вам глаза, если скажу, что все упирается в финансирование. Сир, - «пиджак» обернулся к Кириллу, за неимением роли в разговоре глазевшему на опаленный корпус Тецимы, - я бы хотел уточнить. Это государственный заказ или частный?

Видимо, у него тоже было собственное, совершенно взаимное отношение к «мундирам».

- А? Что? - Кирилл с видимым трудом очнулся. - Это... да, государственный проект. Милорду Эстергази доверено курировать его от моего имени. Я вынужден буду покинуть планету... на некоторое время и не смогу наблюдать за ним лично. Милорд Эстергази в этом деле - мой голос, глаза и уши.

Вероятно, для Кирилла это был апофеоз, подвиг в борьбе за светлую сторону своего "я", И даже жаль, что он остался неоценен по достоинству: хоть это-то, по разумению Эстергази, Император мог сделать для Рубена. Но... утверждения целлулоидного человечка звучали настолько вызывающе... и потом, заявленная технология, да и власть, данная императорским словом, были ведь уже далеко не частным делом. Это первый истребитель, но он... он же мог быть не один. Там, внутри - мой внук, но здесь - моя планета. Олаф Эстергази не был бы адмиралом, если бы позволил себе упустить это обстоятельство.

- А вот к примеру крейсер? - спросил он. - Вы могли бы вернуть в строй в его теле семьсот человек?

- Для меня количество не имеет значения, - хмыкнул тот. - Затруднения возникнут, пожалуй, когда вы начнете расплетать этот клубок по нитке и триста из них обнаружите придатками к гаечным ключам. Но клубок - да, я вам предоставляю. Дело техники. Подвести энергию, расположить магниты... Прекрасная перспектива, милорд, и какой простор для исследований. При соответствующем финансировании можно было бы, вероятно, оптимизировать и эмоции, получая... эээ... наиболее функционально ориентированные... конструкторы. Осмелюсь заметить - это будет лучше, чем машина, пилотируемая человеком. Он видит на расстояния радара, и в любом диапазоне, скорость его реакций зависит только от электронов в цепях. Он не будет валиться с ног от усталости, и не заболит, неся круглосуточную вахту, и перегрузки ему не

страшны. Даже попав в руки врага, он не сможет быть переориентирован на новые цели в силу патриотической идеологии, в рамках которой пилот воспитывается с детства. Вы, без сомнения, знаете также об опытах в области разработки беспилотных машин. Вспомните, почему от них отказались. Для того чтобы повергнуть в замешательство целый рой, оказалось достаточно просто перехватить управляющие радиосигналы с базы. И даже не перехватывать, а всего лишь создать помехи. Ему не нужно питание и дорогостоящие лекарства – достаточно регулярной технической профилактики. В конце концов, был боевой машиной – стал боевой машиной!

Глаза его на секунду мечтательно заволокло, и Эстергази, возможно, даже согласился бы признать за ним страсть к созданию принципиально новой сущности, воплощению чуда, о каком нормальному человеку мудрено и подумать... Кабы другая мысль не пришла ему голову, заслонив собой все остальные. Наверное, будь он женщиной, он вспомнил бы про это раньше...

– Ему будет больно?

– Чему там болеть-то? – удивился ученый. – В этом... – он задрал голову, чтобы посмотреть на Тециму, но в том, как он замешкался, подыскивая нужное слово, тогда как адмирал не сходя с места и даже не переводя дух выдал бы их три, было нечто невыразимо штатское, и омерзительное по одному тому, что он явно не представлял, с чем ему иметь дело, – агрегате нет ни единого нерва. Ни одной биологической клетки. Ну, держите на всякий случай поблизости психоаналитика с воображением.

– Не надо, – сухо сказал Эстергази, – чужих. Я сам.

Кирилл тоже поглядел странно.

– Разве душа, – сказал он вполголоса. – Мы вообще-то избегаем вспоминать о ней, а уж как брезгливо отворачиваемся, когда ближнего скрючивает и выворачивает, и пластает так, что он вопит. От боли или, может, от страха: кто скажет, каково оно – для обнаженной-то души? Разве что он ухитрится сделать это художественно, с соблюдением правил этикета. Куда проще вовсе отказать ближнему в наличии души.

* * *

Только глупый против ветра...

Башня Рован

Натали невольно вздрогнула от чуть слышного щелчка замка. При взгляде на менеджера, курившего сигару за просторным пустым столом, она испытала не тревогу, как обычно, когда мучительно припоминала, в чем проштрафилась нынче, а сильнейшее раздражение. В преддверии аудиторской проверки работы у нее было невольное, и каждые двадцать минут ценились буквально на вес платины. Ей было совершенно некогда коптиться тут под его ленивым оценивающим взглядом. Для таких взглядов у нее был разработан целый классификатор, согласно которому ничего хорошего от этого конкретного менеджера ждать не приходилось.

Среднего возраста – Натали недолюбливала эту категорию, потому что, согласно ее наблюдению, к этому времени мужчина чаще укрепляется в цинизме, чем в порядочности, – он принадлежал к типу людей, на которых ей было жаль видеть чистую рубашку. Пусть бы даже мылся он восемь раз в день, ощущение в его присутствии напоминало прикосновение к пыли,

налипшей на жирную поверхность. К тому же разговор насчет «тебе бы было много проще, если бы...» провоцировался им неоднократно, и он уже сделал все, чтобы в глубине души Натали решительно отказала ему и подобным в праве на существование.

И эта запертая за ее спиной дверь, вообще говоря, никак не добавила ей хорошего настроения. Про этот стол в коллективе ходили легенды.

- Так-таки никому и не даешь?

Вопрос риторический. Можно молчать. Мое самоуважение внутри меня, и оно сделано из камня. Тяжелого монолитного камня, который словами с места не стронуть.

- Недотрога. Твое тело, стало быть – храм?

- Прошу вас, сэр, у меня очень много работы...

- Обождет работа. На самом деле все к лучшему. Никто не вякнет без доказательств, что подсунули из-под себя потасканную бабенку. В общем – спецзадание будет такое. Сейчас домой езжай. Отдохни там, приди в себя, вечером чтобы весело глядела. Посылку пришлют с нарочным, что там будет – наденешь. К десяти вечера придет машина, отвезет тебя в главный офис. Вопросы есть?

- У меня есть мужчина, – сказала Натали и дернула уголком рта.

- В самом деле? – он прищурился и выпустил дым через стол, прямо ей в лицо. – А в документах его нет.

- Мой парень воюет.

Если рядом нет каменной стены, вообрази ее. И встань к ней спиной. Пусть сегодня – только сегодня! – побудет так. Если бы только у нее хватило наглости назвать имя!

А кто б поверил? Поднимут на смех, и будет только больше боли. Лучше оставить при себе мрачное ликование, вспоминая... ну, скажем, о D-14. И о том, что так будет с каждым, кто осмелится «оставить царапину па борту со стороны пассажира».

Менеджер поменял местами ноги, лежащие на столе одна на другой, и демонстративно перелистнул ее коротенькое досье па терминале. Место проживания: «общежитие для одиноких» значилось там.

- «Железный щит»? Энсины-лейтенанты? Винтики Империи? Ну так ведь узнает он только от тебя. Разве нет? И тебе развлечение, и премия могла бы, скажем... И обратно. Уволить мы тебя, конечно, не можем по закону о военном положении. Однако нигде не сказано, что тебя нельзя переместить. Не больная, не беременная... любые условия труда, согласно производственным нуждам. Все, что от тебя требуется: держать бокал и улыбаться. Понимаешь?

Натали молча кивнула с гнусным чувством, словно подписывала соглашение о сдаче. Хуже всего было видеть его довольную рожу. «Это всего лишь корпоративная вечеринка, – сказала она себе. – Вроде Нового года или Дня Фирмы. Почему нет? Вино, танцы. Повезет, так можно выиграть больше, чем когда-нибудь обещал дать Эстергази. Э, нет, он вообще ничего тебе не обещал. Ну мы уже договорились, что нет никакого Эстергази. И не было никогда». Занимая в социуме именно это место, по уму, давно пора привыкнуть по команде расслабляться и

получать удовольствие.

Выходя, она услышала, как он набрал номер на комме, и уже совершенно другим тоном сказал:

- Это уладил. Выглядит дорого. На мой вкус - сойдет. Ну, шеф, вы же знаете мой вкус...

Молча, пребывая в непривычном оцепении, с ощущением того, что все, что бы она ни сделала, будет неправильно, невпопад и никому не нужно, Натали доехала до дому в пустой дневной подземке. Прошла общежитскими коридорами, вздрагивая от эха собственных шагов. Открыла дверь прикосновением ладони, сбросила у порога туфли, кинула сумочку на впопыхах застланную койку. Сейчас, при свете, обнаружилось, какой чудовищный тут царит беспорядок.

В душ, скорее подставить себя ионным уколам, возбуждающим в коже очажки тепла, которые в конце концов слились в единое озеро. Как хорошо, как чудно, как славно не работать! Это даже похоже на свободу. Па что, в конце концов, можно по собственной воле променять свободу? Разве па любовь?

Ни слова о любви.

Взяв с полки аэрозольный баллончик с чулками цвета карамели и поочередно поднимая ноги на коммуникационный короб, Натали обрызгала их по всей длине и подождала, высоко поднимаясь на пальцах, пока слой просохнет. Потом нанесла соответствующий тон на лицо, руки и плечи, сразу сделавшиеся темнее ее натуральных. Загар - он вроде брони. С ним всегда чувствуешь себя увереннее. Загладила с кремом волосы назад, палочками разноцветного грима оформила глаза, губы, брови. Казалось бы - пара штрихов, а из зеркала глянуло совершенно чужое лицо. Холодная лощеная стерва, и до странности все равно, кому подсунут... нет, правильное слово - подложат... эту стильную штучку.

Придя к этому утешительному заключению, Натали запенила локтем полочку, и мало того, что ушиблась, так пришлось еще на коленях собирать с пола разлетевшиеся флаконы и щетки. И настроение опять стало хуже некуда. Хоть плачь, но это не поможет. Ты знаешь.

Пищалка службы доставки заставила ее подняться и принять посылку. Большая коробка из мягкого упаковочного пластика лилового цвета с фирменным знаком дорогого магазина. Насколько ей известно - временно прикрытого. Одна эта коробка с изящным бледным цветком была, наверное, самой красивой вещью в ее ячейке, и Натали задумалась - не оставить ли как элемент интерьера. Потом встряхнулась, оборвала контрольные ленты, вскрыла клапаны, развернула внутреннюю щадящую обертку.

Волна бордового шелка, как кровь из раны, выплеснулась на лежанку, где проводилось вскрытие, на пол, к ногам, и еще его в коробке оставалось чуть ли не безбрежное море. Это было уже через край, больше, чем может выдержать психика одинокой женщины. Натали схватила ртом воздух, сколько влезло, всхлипнула и сползла на пол, зажимая в руках скользкий натуральный шелк, останавливая им поток слез, глуша им рыдания и ничуть не задумываясь о его стоимости, в каковую, между прочим, администрация оценила ее участие в этом деле.

То ли обморок, то ли сон, каковым разрешился приступ, продолжался невесть сколько, очнулась Натали уже в темноте. Комнатные датчики, не фиксируя ни движений, ни звуков, дали системе знак погасить свет, и в ванную девушке пришлось пробираться ощупью, на затекших негнущихся ногах. Распухший вдвое нос и красные глаза исключали сам мысль о том, чтобы ехать куда-либо на люди. К слову сказать, маленькие часики на полке умывальника показывали время, когда было уже безнадежно поздно заказывать такси. Оставалось только

смыть макияж, под его напластованиями вновь обнаружив собственные малоинтересные черты. По крайней мере, такими они ей сейчас показались.

Не выключая в ванной света, Натали прошла обратно в комнату, по дороге запутавшись ногами в платье и едва не упав. И отпихнув его босой ногой так, словно сама ткань его была проклята. Или даже пропитана ядом. На ощупь в шкафу нашелся сверток, упакованный в скользкий дешевый пластик, и Натали, уже не обращая внимания на текущие по лицу слезы, деревянными пальцами ободрала обертку и спряталась лицом в тряпках, бережно хранимых и драгоценных, как воспоминание. Одно платье. Один жакет. Привет не отсюда. Скомкала. Подгребла иод себя и закрыла собой, словно кроме этого все в мире было чужим.

Песок и вода. Длинная, уходящая за горизонт песчаная коса, по которой она шла босиком, неся в руках туфли. Белые теннисные тапочки с плоской подошвой, на шнурках, купленные для отдыха и удовольствия, ничего общего с офисными туфлями на каблуках, обязательной частью любой служебной униформы. И подол, завихрявшийся вокруг ее загорелых ног, был широким и белым. А вода по левую руку стелилась без конца и края. А песок по правую – сколько видел глаз. И только далеко впереди, куда ушли те, чьим следом она брела, увязая в песке, раздавались вопли восторга, столь же безграничного, как море и небо.

В жизни она не видела столько свободной воды, а простором разрывало изнутри грудь. Судя по ощущению, она прибавила килограммов пять, но это выглядело не досадным обстоятельством, а совсем напротив, результатом спокойной и счастливой жизни.

Свои туфли были у нее в одной руке. А в другой обнаружились разношенные детские тапочки с дыркой на правом большом пальце. И она совершенно точно знала, кто идет к ней навстречу, босиком, по линии прибоа, абсолютно гражданский, в подвернутых полотняных брюках, с непокрытой головой и улыбаясь, с чумазым, расхристанным мальчишкой на плечах. Со своим сыном. С их общим сыном.

А потом они сидели в прибрежном кафе с тростниковой крышей, уже обутые, друг против друга. Пили горячий шоколад, глядя друг на дружку и улыбаясь глазами, а мальчишка старательно засовывал в рот ложку с мороженым и был этил; страшно занят. Бриз тянул с кружек ароматный пар. И больше ничего вроде бы не было, но сон тем не менее длился и длился и длился...

В темной комнате девушка всхлипывала, прижимая к груди колени.

* * *

Сильный, безжалостный белый свет, болезненно бьющий по нервам даже сквозь сомкнутые веки. Ну то есть, предполагается, что они сомкнуты: нельзя же прийти в себя сразу с открытыми глазами? Во всяком случае, так тебе всегда казалось. Всегда знал, что медики – садисты. Вот, довелось испытать па себе.

Значит, удалось. И даже подобрали. Ясное дело, целиком, при вырванном компенсаторе из «петли идиота» выйти не мог. И даже не притворяйся, будто не знал, на что шел. А это значит, что лежишь в хрустальном гробу, заштопанный, весь в датчиках. И дежурный персонал при тебе, кстати. И кто-то видит изменения па мониторах сейчас, когда ты наконец сам сделал осмысленный вдох.

Осмысленный? А сделал ли?

Спокойно. Не дергайся. Медицина с тобой, и ты не будешь подскакивать на матрасе, в панике

вырывая иглы систем. Голова работает, этого пока достаточно. Прочее образуется, и примем за данность, что даже глаз ты пока не открыл.

Вполне возможно, к слову сказать, тебе открывать нечего. Предупреждали. Привыкай, брат пилот, к биопротезам, или что они там поставили. Твое дело сторона. Твое дело было выжить, остальное починят. Сделают все возможное и невозможное, за любые деньги. Это у тебя есть. И если, скажем, с глазами пока не получается, можно попытаться сжать кулак, чтобы привлечь к себе внимание. Где там этот зазевавшийся медтехник?

У него не было кулака! От ощущения этого покрылся холодным потом... но исключительно в мысленном выражении, потому что ничего не почувствовал кожей.

Парализовало?

Он определенно чувствовал направление вектора тяжести, но вот упругой поверхности больничного матраца под спиной... Или, как ожоговый, плаваю в геле? Славно приложило.

Неизлечима одна смерть. Прочее – дело времени и денег. Времени... а много ли времени у Зиглииды? Ты был на переднем крае, ты знаешь... Ты не знаешь даже, засчитан ли твой АВ!

Не было и боли. Совсем. Несколько раз в жизни приходилось испытывать на себе действие сильных анальгетиков, и он знал, как от них отупляет и тянет в сон – ни малейших признаков! Напротив, сознание было кристальным.

– Дело сделано! – ударил рядом громкий голос, столь же болезненный, каким до того был яркий свет. – Он в сознании. Или сознание в нем... это философские тонкости, можете интерпретировать их как хотите.

И постучали по... чему?

Вибрация от шлепка прокатилась волной, дребезжа и затухая, пульсируя, как зубная боль, вот разве что боли, как таковой, не было. Его сильнейшим образом передернуло, отвращение пронзило его до... мозга костей?... никаких костей, к слову, он у себя не чувствовал, но это не означало, что вместе с ощущениями пропало достоинство. В бытность его военным пилотом регулярных осмотров, конечно, избегать не удавалось, бесцеремонней армейских медиков разве что патологоанатомы-криминалисты, но просто так, походя, его, князя Эстергази, никто, кроме боевых друзей, не осмеливался трепать по плечу.

Все это выглядело чертовски странно.

Но голос деда он узнал. И походку. Ее неровный ритм, перебиваемый стуком трости. Необычайно резким стуком: странная акустика в этом месте. Всегда казалось, что в реанимационные капсулы не доносятся вообще никакие звуки. Там даже воздух не наружный, а стерилизованный автономной системой очистки. Этакий «гроб хрустальный» можно запросто выбросить в космос, он продрейфует там много лет, законсервирав внутри доверенное ему тело.

О чем я думаю?

– Как вы узнали, что все завершилось? И какие у вас есть основания утверждать, будто все завершилось успешно?

А мама где?

Согласно собственному представлению о матери – в верности которого, кстати, никогда не доводилось усомниться – Адретт должна быть тут все время, и уж конечно ей нашли бы место, где отдыхать. И едва ли она отдыхала бы там достаточно. Насколько он знал мать, она сидела бы рядом, даже если бы в ее бдениях не было ни малейшего медицинского смысла. Отец-то, понятное дело, занят.

– Пациент вдохнул бы своим легкими, – произнес голос, который очнувшийся возненавидел с первого звука, иррационально – и с силой, каковой за собой не предполагал. Интонация его была хуже любых неуважительных рук. – У человека затрепетали бы ресницы. Но я не работаю с людьми, поэтому мне трудно использовать медицинскую терминологию. С другой стороны, специфическая военная техника тоже не по моей части. Я вижу возмущения электромагнитных полей. Новый источник, перераспределивший силовые линии. Забудьте о ресницах. У нас затрепетали стрелки приборов. Он здесь, остальное – не мое дело.

Он почувствовал прикосновение на... нет, он не мог сказать, на чем, но рука, коснувшаяся его, дрожала, и в этот раз посягательство на его физическое пространство не вызвало в нем возмущения. Влажность кожного покрова, его текстура, температура с точностью до сотых долей градуса, вибрация сосудов, пульс...

Зрение. Мутное пятно, расфокусировка... настраивать и настраивать еще наши новые глазки... но постепенно очертания предметов обретают резкость, детали выплывают из тумана. Вижу! Но как странно, и почему – сверху? И почему такие растерянные лица?

Ощущение было такое, словно ударил по реверсам на полном ходу, повиснув на ремнях, а не то – распластавшись всем телом на лобовом стекле.

Что я такое – в принципе? То, что *летает*?

Что вы со мной сделали?

* * *

Внутренняя связь позволила услышать, как пилот императорского крейсера «Кедр» запрашивает коридор для входа в точку прыжка. Все вооруженные силы сектора выстроились сейчас по оси движения, полностью заслонив собой дипломатический кортеж.

В четырехместном салоне летели сегодня двое: Харальд Эстергази отстегнул ремни, необходимые, пока «Кедр» набирал скорость, и встал. Кирилл не спешил, отстраненным взглядом изучая точку в пространстве в нескольких сантиметрах от лица.

Крейсерское звание «Кедр» носил не только из уважения к первому лицу Империи. Выглядел он большой прогулочной яхтой с усиленными двигателями, и к боевым кораблям его не отнесла бы ни одна классификация в галактике. И очень зря. Огневая мощь, усиленная броня и скорость ухода в прыжок озадачили бы, пожалуй, любого классификатора. Кроме того, имелось на борту несколько сюрпризов, пока еще не разрешенных к экспорту, и более того – официально даже не существовавших.

Ну и пять эсминцев сопровождения, у которых тоже найдется чем удивить противника, пока «Кедр» делает ноги в ближайшую безопасную гавань.

Недостатком, было, пожалуй, то, что все навороты съели внутреннее пространство яхты, и выделенный салон-каюта с его четырьмя посадочными местами физиологически годился только для двоих. Две герметичные двери, меж ними закуток с двумя обращенными друг к

другу диванчиками, разделенными рабочим столом с встроенным холодильником-баром, да вот еще дверца санузла. Предназначенная для высшего должностного лица в Империи, яхта предусматривала его полное самообеспечение. Рассовать обслуживающий персонал было попросту некуда.

Ничего особенного, впрочем, в этом не было. Армейскую кашу на Зиглинде приучались хлебать все, кто здоров. Преобладающим стилем в аристократической среде оставался аскетизм. В этом смысле Император был воспитан первым среди равных, и любимое выражение Кирилла: «Неужто я банку пива себе не открою?» выглядело в этом ряду весьма показательно.

Время у них было. Кирилл, очнувшись, отстегнулся, выпростался из кителя, снял галстук и устроился па своем диванчике лежа, согнув ноги и положив голову на подлокотник, обтянутый ворсистым материалом, цветом и выделкой напоминающим мышиную шкурку. Расслабил лицо, которому скоро уже держать «на люди» выходное имперское выражение.

В крохотном замкнутом пространстве «отсека» даже смотреть можно только друг на друга. Что Харальду и оставалось.

Двадцать лет назад у нас было два сына. Потом... потом мальчиков расставило по лестнице. Но недоволен своей ступенькой остался этот. Не тот, кому выпало летать. Что может быть лучше для мужчины? Мгновение Харальд Эстергази боролся с наваждением, прикидывая, если бы... Волосы темнее, иное очертание скул, и плечи занимали бы на спинке дивана... намного больше места. Вот если бы сморгнуть сейчас, и... Ты был бы счастлив?

Да. Я отдал бы за это жизнь. Может быть – признаваясь шепотом – не только свою.

Руб сам, отбросив любезные сердцу шуточки, сказал однажды, что Кир способен принять такие решения, о каких сам он даже не решится подумать. Номинальная фигура. Визитная карточка одиозного режима, позволяющего обществу избегать социальных потрясений, символ монолитности нации, эффективности управления и непрерываемости силовых структур. И насколько мы правы, полагая его только этим?

Харальд опустил на свой диванчик, взял из холодильника «непроливашку» с минералкой и велел себе не морочить голову.

– Ваше Величество, крейсер подготовлен к прыжку в пределы федерации Новой Надежды, – произнес голос пилота из рубки. – Войдя в гиперпространство, мы станем недоступны для всех видов связи с планетой. Прошу подтверждения приказа, полученного ранее.

– Отменяю приказ, – сказал Кирилл, не открывая глаз.

Харальд буквально подпрыгнул на месте.

– Произведите перерасчет координат, – распорядился Император. – С тем, чтобы выйти из прыжка в средней точке. Там переориентируете крейсер на Центральную систему Земель Обетованных. Вопросы есть?

– Никак нет, – ответил из динамика изумленный голос. – Приступаю к исполнению.

И связь отключилась.

– Я не гордый, – ухмыльнулся Кирилл и бросил в свою «непроливашку» таблетку против скачковой мигрени. Его спутник машинально сделал то же самое.

- На Новую Надежду мы собирались давно. Шестеренки крутились, механизм был запущен, предварительные договоренности, обмен документами... Они уже разделили нашу шкуру. Они получили сводки, сравнили боевые характеристики и оценили потери сторон. Они уже знают, что хотеть, и составили списки требований, чтобы купить нас по дешевке в трудный год. Возможно, не без помощи кого-либо из наших ближних... деятелей. Кто из них кому проданся – еще предстоит разбираться. Зовите это паранойей, я разрешаю. Харальд, мы не можем думать только о сегодняшних делах, Я прав?

- Ну... Теоретически, вероятно, да.

- Мы не должны позволить им сожрать пас с тарелочки, на которую сами же и выложимся, разве пет?

Вся предыдущая история Зиглинды состояла в том, чтобы улизнуть с этой тарелочки, над которой сталкивались лбами две могущественные федерации, опытным путем пришедшие к выводу, что пусть уж лучше это яблочко будет ничьим. Удастся ли то же самое проделать нам... двоим? В самом центре враждебных намерений?

Доля такая у Эстергази: взлетать, вырывая предохранители систем. Быстрее и выше других – и платить за это всем. Иной раз большим, чем ты в состоянии отдать сам. Большим, чем есть у тебя.

- Я полностью поддерживаю ваше решение, сир.

Боль, мелькнувшая в глазах напротив, оттого, что употреблено слово, разделяющее их. Того, второго, отец хлопнул бы по плечу, сказав только: «Делай!»

И молчание.

* * *

Спустя шесть часов снова ожила внутренняя связь. Пилот доложил о выходе в пространство Цереры, главной планеты Земель Обетованных. Кирилл, резво развернувшись и спустив ноги с дивана, словно и не маячил шесть часов на границе дремы и яви, сдвинул со столика верхнюю панель, открыв тем самым свой собственный локальный пульт. Прежде они с Харальдом составляли на него пустые банки. Теперь пилот не должен был специально повторять для Императора, какие требования предъявляют отряженные для встречи корабли Вооруженных Сил.

Обычные погранцы, которых никто не предупредил о дипломатическом визите. Те, кого предупредили, проглядывают себе глаза в противоположном секторе Галактики. Соответственно, никого не удивит сценарий, согласно которому прибывших вежливо и с безопасного расстояния попросят положить руки на капот. В любом случае, этот сценарий предпочтительнее разыгранного крейсером «Глаз» на наших собственных рубежах. В результате чего, собственно, мы тут и стоим. С протянутой рукой, сколь это ни прискорбно.

Сохранять дистанцию. Задраить порты. Погасить двигатели. Да-да, и прыжковые, конечно, тоже. Прыжковые – в первую очередь. Ждать патрульного катера. А до того – ждать с планеты разрешения послать патрульный катер. Долго. Демократическая бюрократия в действии. Решает, что делать с нежданно свалившимися на голову высокими гостями. При этом ни мы, ни они не безоружны. С той и другой стороны пальцы на кнопках пуска торпед. Причем наши торпеды – чуточку лучше. Они это знают. У них наши же. Только предыдущего поколения. Зиглинда не продает оружие, пока не поставит себе модификацию следующего поколения. И

они, конечно, не возьмутся оценивать меру сумасшествия имперских маньяков: кто знает, какую провокацию способны учинить пять эсминцев, сопровождающих наше Первое Лицо.

Особенно когда Первое Лицо так нехорошо ухмыляется, включив обзорные экраны по всей внутренней поверхности капсулы.

- И мы, - сказал Кирилл, - в них нуждаемся? Гляньте, как они встали. Меж ними... да я эскадрилью проведу прежде, чем они выйдут на дистанцию поражения. Мы только из вежливости делаем вид, будто они нас блокируют. О, горе нам...

- Только в людях, сир. В факте массовых гиперпространственных перемещений военной техники. В демонстрации, что мы не одни.

- Сто сорок три обитаемые системы, - задумчиво произнес Император. - Экие ресурсы. А вот же ж - аморфное образование, может, и не бессмысленное, если глядеть изнутри... Но, для сравнения - наши лучшие единицы сложены в вектор, направленный во благо интересов планеты. И оно работает. Еще как. А их? Вектор устремления индивидуума у них центробежный, он стремится действовать скорее вопреки интересам общества, нежели ему на благо. Это называется свободой. Даже новые территории у них осваивает не государство, а корпорации.

- Несколько поколений назад их правительство сделало ошибку, выпустив из-под контроля Сеть. Сперва их деловая активность возросла. Простота совершения сделок, виртуальные деньги... Добавленная стоимость росла, тогда как товары, меняя собственника, годами не покидали складов. Устремления индивидуума, - Харальд усмехнулся, - обратились вовнутрь. Авантюристы научились извлекать выгоду, сигая не через забор склада, а через щель в корпоративных системах защиты. Их мир... скорчился у терминалов. Виртуальные товары и услуги, виртуальные деньги. Слышал даже про виртуальный секс. Коллапс. Ну... - он развел руками, - это из серии анекдотов, которые мы рассказываем про них. Безусловно, есть те, что они рассказывают о нас.

В течение продолжительной паузы только пустые жестянки катались по полу. Вибрация корпуса отзывалась в них. Чтобы хоть на секунду занять руки, министр, наклонившись, собрал их, отправив все в «плющилку» мусоросборника. Не хватало им кататься тут по полу перед дипломатическими лицами. Да и наступишь, неровен час. Напряжение ожидания пульсировало в жилах, вонзало иголки в виски. Император, узрев за своим спутником порыв к полезной деятельности и, видимо, устыдившись праздности, тоже нагреб себе полную пригоршню оберток из фольги и разноцветной пленки, все от продуктов с авторазогревом, и...

- Упс!

Кирилл едва успел левой рукой перехватить язычок форменного галстука, уползающего в пасть «плющилки» на вакуумной тяге, а правой применил к ни в чем не повинной корзине прием, каковой мужчины всегда применяют к бытовой технике, когда та их разочаровывает. Сиречь - удар кулаком по корпусу. Не помогло. Галстук зажевало по всей длине, и даже если бы общими усилиями - Харальд как раз раздумывал о применении церемониального кортика в качестве отвертки - его удалось спасти, едва ли он был бы способен украсить собой императорскую особу, стоявшую тут же, на коленях, с вытянутым и разочарованным лицом.

Только этого не хватало. Китель... без галстука. Мало того, что дурное предзнаменование. Искать запасной по кофрам в багажном отделении... Отдать свой - благо, все мы носим

одинаковую форму... Почему бы нет, но что делать с Императором, которого в виду приближающихся патрульных судов трясет в припадке совершенно подросткового бешенства?

- Они нас не посадят, - прорычал он. - Не под их долбаными пушками.

Мир вокруг внезапно обрел хрустальную хрупкость, будто все живое разом окунули в гелий.

- Сир? - произнес он осторожно.

Усилием воли Кирилл взял себя в руки. Вот только губы у него были совершенно белыми. У каждого человека, вспомнил Харальд, есть спусковой крючок. Я даже знаю, где он у меня.

- Я их ненавижу, - разомкнулись белые губы. - За то, что я здесь, и за то, что я здесь - просителем. Они меня *не посадят!*

Пальцы его, словно ненароком блуждая, переключили рычажок связи. Теперь исходящие отсюда приказы обязательны для всех эсминцев сопровождения.

- Вариант... «бис»?

Что, и у меня спусковой крючок так недалеко? К своему изумлению, Харальд обнаружил усмешку на собственном лице. Когда ставишь на место распоясавшуюся разнообразную сволочь, это не только упорядочивает общественные процессы, но и удивительным образом нормализует твои собственные невроты. Пусть даже людей отсыплешь не тому, кто заслужил их более всего. Сыну бы рассказал, из какого глухого, непреодолимого страха вырос Орден Святого Бэтмена. Бы. Проклятье. Для Рубена «страх» остался всего лишь словом, одним из многих.

- Не я предложил это... сир.

- Наплевать. Главное, кто из нас будет за пультом?

- Ваше Величество, пока в кабине есть хоть один живой Эстергази, это наше законное право.

Кирилл расслабился, порозовел до нормального цвета, расстегнул на воротничке еще две пуговицы и жестом указал Харальду на пульт. Под сдвинутой набекрень крышкой столика ожидала панель, дававшая власть над эскадрой сопровождения.

- Все - в ваши руки, милорд!

Харальд занял место на диванчике, перебросил через плечи пристяжные ремни, отщелкнул еще несколько декоративных крышек, переставив «кубики» панелей пульта так, как ему было удобно.

- Всем сопровождающим кораблям, - сказал он, зная, что в рубках слышат. - Приступить к исполнению варианта «бис».

* * *

- Они движутся! - не выдержал мичман-стажер. Капитан корвета, прильнувший к инфракрасным окулярам - только так и можно было разглядеть зиглиндианскую эскадру, окрашенную в цвет космоса - в глубине души простил его. Инфракрасная видимость тоже не слишком бы помогла, когда бы там не включили двигатели. И сам бы заорал в его возрасте, а сейчас смолчал от одного невольного восхищения: это выглядело как огненный цветок. Пять

огненных лепестков, сходящихся в одну точку, и оранжевый, выцветающий синим шлейф следом...

- Корвет «Щит» объявляет боевую тревогу. Эскадра гостей пришла в движение. Прошу поддержки силами сектора.

- Куда они идут?

- На меня!

Хищные щучьи тела, видимые в отблесках своих собственных дюз. Штурмовое построение веретеном.

- Какова их цель?

Откуда мне знать, какая цель у имперских психопатов? Одна война у них уже есть. Нужно лишиться – разума? надежды? – чтобы нарываться на конфликт с государством, допустим, глядящим с глубоким восхищением на все их инженерные поделки, но тем не менее способным утопить их идиотскую империю в одном плевке.

- Похоже, идут на прорыв к планете. Какие будут распоряжения?

- Поддержка придет. Действуйте согласно обстановке. Конец связи.

О, как! А обстановка у нас такая, что я, страшно сказать вслух, уже вижу открытые порты их торпедных аппаратов! Дальность поражения их торпед... капитан «Щита» судорожно припоминал данные атласа, затем бросил. По-любому больше нашей. Переговорник на столе вопил: с оружейной палубы требовали, чтобы им сказали, что делать.

Шесть предположительно вражеских кораблей, несущих отнюдь не гипотетическое вооружение, к планете пройти не должны. Мы не можем гадать, сошли они с ума или не сошли. Шесть зиглиндианских эсминцев оставят от планеты вроде Цереры оплавленный камень. Под полифибровым костюмом – голову бы оторвал тому, кто одобрил его для использования на кораблях... да и не только голову! – капитан стал совершенно мокрым.

- Разворот. Пятнадцать влево, тридцать восемь вверх! Торпеды к бою.

- Они на дистанции поражения.

Ужас. Ужас что будет, если открыть стрельбу на поражение. Превышение полномочий. А если смолчать – преступное бездействие. С ума сойти, кому-то на протяжении всей службы выпадают одни только учебные стрельбы!

- Цель класса эсминец, правый борт, отметка №1, выстрел боевой, повторяю – боевой! Огонь!

На мониторах рубки возникла проекция прицелов: в точности такая, как ее «видели» системы наведения. Зафиксированная цель мигнула, рамку залило красным, и в ту же секунду дребезжащий звонок оповестил, что цель потеряна. Белый крест беспомощно метался по экрану, торпеды заблудились в облаке выпущенных против них флэш-марок, и оставалось только следить, как одна за другой они превращаются в пар. Вся жизнь его была в этой рамке, дыхание пресеклось, и было совершенно очевидно, что зиглиндианское «веретено» шутя сомнет их, опрокинет и пройдет, по крайней мере, эту линию обороны. Там, сзади, подтягивались другие, та самая запрошенная в спешке поддержка, и может быть, и даже

наверняка им удастся остановить этот ничем не объяснимый натиск, но это будут другие...

Капитан вглядывался в проекцию прицела до боли в глазах и потому уловил момент, когда от тулова в центре отделилась, будто родилась, крошечная яркая искра. Отделилась, и понеслась вперед, вполне жизнеспособная с первой секунды самостоятельной жизни. И целеустремленная. Рядом беспомощно и где-то даже восхищенно ругнулся штурман.

- Она идет быстрее истребителя! Нашего истребителя, - поправился он торопливо под взглядом командира.

- Что это за...

Шесть черных «щук», как одна, погасили ходовые огни. Ярко-оранжевые сполохи в инфракрасном визире стали тусклыми, черно-багровыми.

- Дипломатический кортеж Империи подчиняется силам безопасности Цереры, - произнес искаженный помехами голос в динамике. - Двигатели заглушены, порты закрыты и запломбированы. Для соблюдения норм галактической безопасности просим прислать патруль таможенного досмотра.

- Это!... - заорал командир, брызгая слюной в переговорник. - Это что?!

- Убедительно просим вас прекратить огонь, - продолжил голос. - На шаттле находится первое лицо Империи. Это транспортное средство, тяжелого вооружения оно не несет и для планеты не опасно.

Достаточно ампулы со штаммом быстро размножающихся бактерий, хотел сказать капитан, но промолчал. Во-первых, стилем Зиглинды испокон веков был меч, не яд. Во-вторых, все, что здесь сказано, пишется и может быть использовано против нас. Ну а в-третьих, опознал он в голосе старшего конвоя усталость и раздражение на амбициозную имперскую дурь, с которой приходится жить без всякой возможности называть вещи своими именами. У него и самого нашлись бы тому вполне демократические эквиваленты.

- Не понял я, - пробормотал мичман. - Что ушло, что осталось?

- Остались чемоданы и свита. И походный сортир с прыжковыми двигателями! А Император ушел! И наш чертов престиж вместе с ним!

- А зачем весь этот цирк?

- Имперское чувство юмора, стажер. Проверка сфинктера на прочность. Чем славится Зиглинда в первую очередь?

- Военной техникой, капитан, сэр! - голос у мичмана упал. - А разве... нет?

- Ответ неправильный, - капитан «Щита» откинулся па спинку кресла. Теперь это была уже не его боль. - У них под погонами самые отвязные сорвиголовы Галактики. Держу пари, сделают они наши перехватчики на своем... кхм... ночном горшке. Кто-нибудь ответит?

* * *

Жарко. Тряско. Тяжело. Перегрузки на виражах. А без виражей никак, потому что уворачиваться приходится от лучей гравизахвата. Детская игра. Из тех, что заставляет

родителей сесть, буде они про те забавы узнают. Невозможно придумать ничего унижительнее, чем повиснуть на луче у местных регулировщиков движения. Коих регулировщиков набежало – не продохнуть. Антенны генераторов перехватчиков крутились вовсю, пытаясь накрыть шустрый шаттл, но шаттл крутился быстрее...

...пока за штурвалом Эстергази. Кирилл сидел нарочито смирно, пристегнутый, с интересом глядя на непогашенные наружные мониторы. Получал свои законные «же». Пассажиру всегда труднее. Ни на что не влияет – раз. Чувство беспомощности – сильный фактор. Ну и пилотирование определенным образом отвлекает – два. Потом и не вспомнишь, какие нагрузки перенес. Только что тяжело было. Жарко. И тряско.

Счастье – иметь под рукой безотказную технику. Управляя ей, играя, чувствуя ее отзывчивость под рукой, забываешь обо всем прочем. О чем и следовало бы забыть, чтобы сохранить рассудок. То, что доктор прописал.

Особенно жарко стало в атмосфере. Со стороны, должно быть, то еще зрелище. Клубок лохматого огня в беспорядочном падении. Магистраль – не магистраль... а сетка их куда плотнее, чем дома. Фланеры шарахались во все стороны, их безопасность Харальд целиком оставил на их же ответственности. Разве только Кирилл руку протянул, быстро набрав на панели какую-то комбинацию. Ясно, что радиосигнал подаем, неясно – какой.

– Что?

– «Не гуди, не поможет», – с готовностью пояснил Император в чине лейтенанта. – И еще – «путаю педали».

В самом деле чуть не перепутал, со смеху сунувшись носом в пульт. Немного нервный смех, согласен, однако вполне извинительный в этой-то обстановке.

Упс, приехали.

Автоматика выбросила между шаттлом и стандартной для всех обитаемых планет стеклоплитовой брусчаткой репульсорную подушку. Кирилл удовлетворенно кивнул, выключил предыдущий сигнал и включил простой «маячок», который позволил бы дипломатическому кортежу без проблем обнаружить место их посадки. Харальд Эстергази по очереди отключил все системы. Еще немного, судя по его собственным ощущениям... и сели бы семью крупными кусками. Порознь.

Ритм изменился. Отпускала помаленьку полетная горячка, и Харальд удивлялся уже самому себе, да вот еще куда по дороге делся его форменный галстук. Снаружи металась огни прожекторов, место посадки обносили яркими лентами, вопили сирены, дорожная полиция поспешно отводила в стороны транспортные потоки. Сидели, смотрели друг на друга, не то смеясь, не то давясь.

– Выходим? – спросил, отдышавшись, Кир. – На три-четыре?

* * *

По крайней мере стул престарелому адмиралу поставили. Олаф Эстергази опустился на него, трясущейся рукой выбивая из тубы таблетку. Обычно он старался сделать это незаметно, но не стоило недооценивать чертову СБ. Из-за плеча сию секунду подали высокий стакан.

Без таблетки, выходит, не обойтись. Истребитель возвышался посреди пустого ангара,

вылизанный, заново отполированный, заботливо смазанный дюжиной спецов завода-изготовителя. Все у него было как при спуске с конвейера. Казалось бы – взлетай.

Не может. Или не хочет. И не понять почему, ибо молчит... как мертвый.

Проще всего, конечно, было бы принять того вертихвоста за шарлатана, расписаться в бездарной трате государственных средств, вероятно, возместить их, принести извинения Кириллу и смириться, как смиряются с потерей сыновей сотни семей Империи. Ну разве что сдобрить пилюлю галактической охотой на того, кто осмелился так с нами пошутить.

Главная претензия к Эстергази – они всегда были чуточку слишком горды.

Тецимы изначально не предназначены к полетам в атмосфере и в поле тяготения. Посему «опыты» проводились на орбитальной базе, где условия жизни были армейскими, а питание, вентиляция и шутки, выкидываемые порой изношенным гравигенератором, никак не соответствовали семидесяти адмиральским годам. И он смирился бы, отчаялся, пошел на поводу у здравого смысла – каким еще словом назвать признание своего поражения, если бы...

Он двигался. Мучительно медленно, напоминая скорее головокружение. Шелестели по полированному полу резиновые колеса шасси, диаметр – неизменен, число намотанных кругов – бессчетно. Движение походило на бессознательное. Так думают на ходу. Сперва, испугавшись, кинулись подставлять «башмаки». Палубы на станциях ориентируют таким образом, чтобы вектор искусственной гравитации был им абсолютно перпендикулярен. Станция, можно сказать, строится вокруг своего генератора, и предохранители скорее отключат его совсем, чем позволят стене стать полом. Во всяком случае примитивный тест со стальным шариком на памяти Эстергази никогда не давал неудовлетворительного результата.

Итак, машина двигалась завораживающими, а в конце концов – раздражающими кругами. Персонал, глядя на это, потихоньку сходил с ума, и Олаф в конце концов запретил им здесь появляться.

Вдобавок его мучила совесть. В какой-то миг он поддался искушению поставить на шоковую терапию, и гидравлика без лишних эмоций вышвырнула истребитель в шлюз. Чего ожидали? Включения подсознательного рефлекса? Что так вот возьмет и полетит? Результатом было лишь обещание, данное себе адмиралом: больше никогда, ни разу, ни с кем!... И острый стыд: как легко это оказалось сделать. Все равно что столкнуть инвалида в бассейн или оскорбить некрасивую женщину.

Тецима беспомощно вращалась в пустоте, и ни одно маневровое сопло не фыркнуло, чтобы остановить... Это было так мучительно, что когда луч втащил истребитель обратно, раздосадованный адмирал проорал вслух все, что думал: и про всю затею в целом, и про право сюзерена, и про вассальный долг воина и мужчины, и про гидравлический пресс в том числе. Ответом ему было молчание, с которым лично он ничего не мог поделать. Только треснуть в отчаянии кулаком по тонкой гулкой броне... и остаться с униженным чувством, будто ударил живое.

И это, разумеется, было не то, что можно с триумфом демонстрировать нынешнему главкому ВКС. Дескать, гляньте, что мы готовы поставить на вооружение.

* * *

Сколько можно твердить о долге? Этот господин, когда б воспринимать его всерьез, всегда выходит из внутренней двери, из глубины дома, и садится по-хозяйски в комнате, в полутьме.

Если он заходит с улицы, не доверяйте ему, сколь бы respectable ни выглядел. О, разумеется, он представится по форме и предъявит верительные грамоты, и вы, возможно, даже предложите ему войти и обождать, покуда выкроите для него пару минут среди хлопот домашних. Но в итоге все кончится единственно возможным образом: он будет стучать в ваш височный гонг бронзовым молоточком, и вы сделаете все, что он хочет, только потому, что не в состоянии больше это выносить.

И все это время вы будете искренне недоумевать: а сколько, собственно, можно платить по счетам на предъявителя?

Может, не в точности, но почти так. Причем именно в то время, когда вопросы войны и мира несколько отодвинулись на задний план спецификой вашего нынешнего бытия.

Вы теперь двенадцати метров в длину и четыре метра по выступающим точкам стабов. Вы гарантированно не пройдете ни в одну дверь, исключая разве что грузовые лифты. Попытки уложить в голове одно только понимание того, что они осмелились проделать это с *вами*, привели лишь к чудовищным мигреням. Головным болям, насчет которых вы до сих пор высокомерно полагали, будто бы они посещают лишь женщин, и то – когда им это выгодно. Ну, еще скачковые «явления», однако рядом с теперешними они представляются одним блеклым вчерашним воспоминанием.

Притом, что головы у вас теперь вовсе никакой нет. Что несколько обескураживает, когда вы пытаетесь определить в своем мире хоть какую-то точку... опоры? Отсчета? Хотя в вашем случае речь идет уже о соломинке... Той самой, что либо подвесит вас над пропастью, либо ломает вам спину.

Нет никакой спины!

И еще у вас нет живота. А тугая холодная тяжесть свернувшейся в нем души, босой, трепещущей – есть.

И еще навязчивая идея почистить зубы.

Только мои могли придумать такое и счесть это за благо!

...Еще, разумеется, ты не можешь спать. Механизму это несвойственно, но мечущемуся человеческому сознанию требуется отдых. Отключка. Перерыв, в течение которого оно не пытается нащупать решения, связи, зацепки, да даже просто почву под ногами. Компромисс нашелся в виде полудремы, своего рода медитации, во время которой все окружающее существует как бы за матовым стеклом, звуки сливаются в отдаленный гул, а сам ты цепляешься в воспоминаниях за старые сказки и детские песенки в тщетных попытках удержать ускользающую человечность. Это состояние ты научаешься вызывать у себя по желанию, главным образом когда никто тебя не трогает. Но иной раз и тогда, когда домогательства становятся невыносимыми. Перезвоните. Никого нет дома. Чего вы хотите от *вещи*?

Не будем разыгрывать из себя гугнявого фефела. Те, кто занимается тобой, отлично представляют себе, что ты за вещь и что именно они хотят приобрести за деньги Империи. Преданность и профессионализм, угу. И от тебя они ждут того же. Вот только... какой тут профессионализм?!

Восстановить в памяти привычные действия не составило труда. Сказать, что кабина была перед глазами, вероятно значило погрешить против истины. Кабина была... проще всего было

бы мыслить се внутренней поверхностью черепа, что непрестанно служило поводом к угрюмому изумлению: как вы хотите, чтобы я из нее управлял? Посредством телепатии?

Смешно признаться, но попробовал и так, разнимая выполняемые пилотом операции на мельчайшие составные. Вспомнил даже, что при толчке ручкой на одиннадцать часов приходится приложить чуточку большую силу, словно преодолевая заусеницу в механизме. Бесплезно. К тому же кабина никак не хотела осознать себя «внутренней поверхностью черепа». Она была и оставалась кабиной: со всей ее электронной и прочей начинкой. Шасси не превращались в ноги, а стабилизаторы не имели с плечами ничего общего.

При всем при том – тело свое он каким-то образом чувствовал. Упругую резину, обувавшую шасси, тонкий, вибрирующий и звенящий слой брони, давление в топливопроводе, упрямое знание «пройду – не пройду» – это к новым габаритам.

Олаф Эстергази отбросил назад шлем, снял маску, но блистер поднимать не спешил, оставаясь невидимым для суетливых техников.

Показатели были ни к черту. Последний выпускник учебки проделал бы обязательные упражнения быстрее и четче него. И не проходило ощущение, будто приходится держать руки поверх чужих негнущихся пальцев. Попробуйте есть таким образом с помощью ножа и вилки. Или пуговицу расстегнуть. Или хотя бы «молнию». Это в профессии, где все зависит от своевременности и ювелирной точности. Да он ложку до рта не донесет, не перемазавшись.

Это в самом деле лучше гидравлического пресса?

– Кто вообще решил, будто это хорошая идея?

Адмирал размашисто хлопнул себя по уху, угодив при этом но наушнику. Колпак кабины отсекал наружные звуки, и вопрос прозвучал внутри его головы, заданный с такой интонацией, словно собеседник долго над ним размышлял и пришел к неутешительным выводам. Мы сошли с ума, когда связались с этим проектом. Впрочем, некоторые считают, будто Эстергази были сумасшедшими всегда. Якобы это у нас генетическое.

– Ру... Рубен? – спазм сжал гортань, звук из нее вышел, вытолкнутый только усилием воли.

– Ну вот это едва ли. То было имя тела.

Не в слова вслушивался дед, но в звуки голоса, улавливая в них усталость и нежелание длить что бы то ни было. В том числе и пустопорожние разговоры о войне и долге. Потому что смерть кладет границу, и это следовало бы знать.

– Ты в целом – как?

– Пока не распробовал, – но дед не поверил иронии. Фальшивые искорки бравады, за которыми одно одиночество. – С чего вы решили, будто это будет лучше пилота и лучше машины, взятых порознь? Я могу сколько угодно думать про эту клятую ручку, но от того она с места не двигается.

Голос звучал чуть механистично, совершенно так, как искажают его динамики связи. Но это был тот самый голос, с бездной знакомых интонаций, и с настораживающей горсточкой новых. Отвечай он на вызов, скажем, по комму, Олафу бы и в голову не пришло переспросить: мол, кто? И щеки тогда не были бы... мокры.

- А говоришь ты как?

- А ты?

- В смысле? Воздух, легкие, гортань, язык, альвеолы...

- Ну, а если бы тебе в детстве не преподали начатки анатомии, был бы ты так уверен? Наполнитель, мембрана, возбуждение радиоволны...

- Ээ... давно? В смысле - давно ли мне следовало догадаться надеть... это? - адмирал тронул пальцем ухо.

- Нет.

Адмирал поклялся бы богом, что слышал в голосе усмешку.

- Но, разумеется, это не первая фраза, которую мне удалось выговорить вслух. Первая была... не будем ее вспоминать.

- Не будем, - откликнулся дед и замолчал. О чем они могут говорить *теперь*? За оттенками речи, за всеми привычными бравадами слышалась ему некая отстраненность, словно зашли в комнату, где ты валяешься с книгой, и отвлекают пустяками на интересном месте. Солдат должен быть здесь и сейчас. А в ином качестве Рубу обретаться не позволят. Рубу? Мда...

- Без пилота, выходит, не обойтись.

Некоторое время в наушниках стояла напряженная тишина.

- Я не хочу никого в кабине. Кто бы он ни был... чужие руки на рычагах. Они никогда не сделают достаточно хорошо, сам знаешь.

Раздражение в голосе было очень непохоже на Руба. Сколько помнил дед, мальчишка умел держать себя в узде. Впрочем, откуда ему знать, каково это: кто-то управляет тобой, сидя на твоих же коленях? Тьфу... ассоциации. Но, верно уж не для Эстергази удовольствие.

- Этот вопрос... можно было бы решить, - сказал он.

- Уж не ты ли его решишь?

- А почему бы и не я? Резервы выметены, - это прозвучало беспощадно. - Речь сейчас о том, чтобы ставить в строй курсантов первых лет обучения. Восемнадцатилетних. Полагаю, что я...

- У тебя руки дрожат.

Старый адмирал стянул перчатку. Обида, смешно сказать, встала поперек горла. Посмотрел на свою руку, как на чужую, с неожиданным отвращением: бело-розовая, с узловатыми вздувшимися венами и пятнами пигмента. Дрожала она самую чуточку, почти незаметно.

- Отдается, - холодно констатировал внук с интонацией «много вас тут, и каждому хочется». - Ты хотя бы представляешь, как я ощущаю человека? Мягкое, беззащитное, наполненное жидкостью существо, с пульсацией в жилах, с непрерывной сменой температуры и влажности покрова, с вибрацией, прокатывающейся по костям. Бессильный сгусток протеина. Моллюск без раковины! Ты наводишь электромагнитные поля, ты знаешь? Мне приходится их учитывать и делать поправки.

И неожиданно, с горячечной яростью и силой:

– А если бы у вас вышло? Если бы оказалось, что вы и в самом деле держите в руках супероружие? Куда бы вас привело в этой ситуации отчаяние? Вам нужны мертвые пилоты? Хорошие мертвые пилоты. Быстро. С сохранением техники или с минимальными ее повреждениями. Можете вы рисковать, собирая свои крохи в радиусе боевых действий, когда от нас там чаще всего и молекулы не остается? Как скоро вы догадаетесь просто колоть фастбарбитал ребятам с синим значком?

Само собой, они понапихали сюда уйму камер и микрофонов, и ни одно слово не останется неучтенным. Впрочем, вассалу Императора Улле – разве привыкать? Привыкать в свое время пришлось к другому – к свободе говорить не оглядываясь. Более или менее.

– Ты что, делаешь это нарочно?

– Само собой, нет, – от богатства оттенков можно было сойти с ума. Казалось, в самом деле на другом конце линии связи – совершенно обычный пилот, смертельно уставший и злой. Живой. – Я бы уж летал, раз вы другого выхода не оставили.

* * *

Кондиционера тут не полагается. На всей Зиглинде не найдется места с лучшей теплоизоляцией: так, по крайней мере, следовало из комплекта инструкций. Уютная белая комната на одного, с панелями приборов и датчиками по стенам. Все материалы антистатические, и тишина такая, что даже электрический разряд не щелкнет со звуком порванного волоса. Радиоволны сюда не доходят, и ничего не остается, кроме как коротать часы за персональным считывателем с музыкой или книгой. Стул, пульт, ряды кнопок и комм. По комму можно позвонить только в диспетчерскую.

Сиди. Жди. Наблюдай показания, размышляя о мере злопамятности начальства. Ни слова о пропущенном мероприятии, ни намек на то, было ли оно сорвано, или же прокатилось более или менее успешно. Пластиковая личная карточка посреди огромного, пустого, как космодром, стола.

– Не беременная. Не больная. По закону можешь быть переведена на любое место согласно производственной необходимости. Я предупреждал.

Менеджер равнодушно пожал плечами.

– Я могу приступить?

– Да, иди. Всего тебе хорошего.

Выходя, краем глаза Натали заметила, что он снова закинул ноги на стол. Ну и черт с ним. Других проблем нет?

Вероятно, злобный менеджер и представить себе не мог, насколько отрадны будут для нее одиночество и тишина. Двенадцать часов дежурства, сутки перерыв. Наедине с собой и своими мыслями. Вплотную к реактору, снабжающему энергией все наземное производство сектора. Да и подземное тоже.

Воздух тут был горячий и до странности подверженный неожиданным завихрениям. Закономерности, с которой они возникали, Натали выяснить не удалось, и немного

понервничав, теперь она просто сосуществовала с ними, как с домашними животными: ласковыми, теплыми, трущимися у ног. Кожу они высушивали знатно. В уголках губ и на скулах она превратилась в пергамент, туго натянутый и помеченный сеточкой. Увлажняющий гель впитывался, как вода в песок, а потом кончился, и нового было не достать. Военное положение, само собой. Волосы истончились и потускнели, и Натали прикрывала их косынкой. Благо, никто тут не требовал от нее соблюдения формы одежды, так что она сидела в ситцевом рабочем халатике и в удобных растоптанных туфлях, которые – вот счастье-то – нигде не жали.

Первые три дня она вздрагивала вместе с каждой стрелкой. Весьма сильно вздрагивала. Скачки напряжения на станции временами были довольно ощутимы. Потом расслабилась и положила перед собой видеокнигу, лишь время от времени отзванивая в диспетчерскую и почти не утруждаясь мыслями о целесообразности несомой вахты.

Прямо перед ней располагался опломбированный колпак из прозрачного пластика, под ним – несколько приборов и ручек, в назначение которых ее даже посвящать не стали. Сделать в случае необходимости Натали ничего не могла и выступала чем-то вроде резервной системы слежения. На случай, если откажет телеметрия на удаленном диспетчерском пульте. В делом, она должна была следить, чтобы стрелки приборов не вошли в запрещенный диапазон. Про ситуации, когда следовало нажать на большую красную кнопку, ей рассказывали часа два. Она почти ничего не запомнила. Одним из принципов имперской промышленности было присутствие хотя бы одного человека на каждом этапе производственного цикла. Автоматику опять же к суду не привлечешь.

Впрочем, бесконечно созерцая выпуклые линзы приборов, об ответственности Натали вовсе не думала. Ей не разрешалось даже распломбировать панель, не говоря уже о том, чтобы нажимать на ней какие-то кнопки. Выдуманные книжные страсти вот уже некоторое время тоже казались... выдуманными, а страсть авторов к огненным спецэффектам – чрезмерной. Равно как и готовность женщин бросаться на шею героям-спасителям. Равно как и неписаная крутизна этих самых героев.

Гель для лица, конечно, можно было достать. Фабрики, производившие товары для удовольствия и красивой жизни, перепрофилировались на военные нужды, и как всегда нашлись ушлые, успевшие нахватать коробками, а то и контейнерами товары, предположительно попадающие в разряд дефицитных. Многие из того, с чем уже давно распрощался в быту, можно было найти за баснословные деньги, если пройти пешком по нижним дешевым уровням, ущельями, у самого подножия башен.

Дело было даже не в цене. Какая-то сумма регулярно перечислялась на карточку, с тем, чтобы воспользоваться ею в лучшие времена, буде они настанут. Впрочем, с учетом пары эскадрилий, способных одномоментно оплавить всю планету, стоит им только прорваться сквозь «железный щит», реальную ценность представлял только продовольственный паек.

Даже в столичном секторе и даже в благополучные времена нижние уровни имели дурную славу зланных. Теперь же, когда в подаче электричества для освещения улиц случались перебои, оставалось надеяться только на фары авиатранспорта. Его, Впрочем, с сокращением отпуска топлива частным лицам, тоже стало намного меньше. А шансов нарваться на неприятности на пустынных темных улицах – намного больше.

С другой стороны, логика сегодняшнего дня и чувство почвы, уходящей из-под ног, предполагали: а почему бы нет? Если сегодня она не сделает поблажку себе, любимой, вполне возможно, она не сделает ее никогда.

Размышления на эту тему прервал сигнал таймера. Натали подняла глаза на приборную панель.

Атомная энергия была само собой разумеющейся основой всего. Никогда прежде ей не доводилось думать об атоме, как о враге, затаившемся поблизости и молча ждущем часа, чтобы заявить о себе. Круглые проградуированные табло со стрелками и запрещенным сектором, выделенным цветом. Температура носителя, показатель активности – эти словосочетания выглядели привычно и звучали совершенно безобидно. Бывало, стрелки прыгали почти к самой границе, но только на долю секунды, чаще всего глазу не удавалось даже схватить это движение.

Теперь обе стрелки стояли на границе допустимого сектора. Как приклеенные. Хотя нет. Впившись в них глазами, распахнутыми вдвое против обычного, Натали готова была поклясться, что проклятые стрелки вибрируют и ползут. Кажется... нет, совершенно точно... это был тот случай, когда следовало пригласить специалиста. Инженера, который хотя бы предположительно знает, что все это значит.

Не сводя с табло глаз, она потянулась к комму и мучительно ждала, пока на той стороне ответят. Дежурная смена чай пьет... или разложили «Четыре башни»? Время ожидания показалось Натали бесконечным, а голос техника, ответившего на вызов, – невозможно ленивым.

– Оставайтесь на месте. Сейчас будем.

Цепляясь ногой за ногу, Натали отошла к своему стулу и села, инстинктивно отодвинув его спинкой к самой стене. Несколько лишних сантиметров между нею и заблокированной дверью вовнутрь.

Если ахнет, котлован тут будет в диаметре километров десять. Во всяком случае, она всегда так себе это представляла. Как-то вдруг стало особенно жарко, она почти чувствовала, как шелушится, расслаиваясь, кожа, и потрескивает электричество, насыщающее воздух. Как это легко сказать: «оставайтесь на месте!»

Что, они полагают, она взглядом остановит эти проклятые стрелки? И какой вообще смысл в том, найдут они ее здесь – не найдут?

Видимо, именно взглядом Натали и пыталась их остановить, непроизвольно вжимаясь в стену все невыносимо долгое время, пока ремонтная группа в тяжелых скафандрах спускалась сюда, вниз, и топала мимо нее. Инженер, возглавлявший группу, открутил кремальеру шлюзовой камеры, отвалил многослойную дверь, и все восемь человек, включив прожектора на шлемах, канули в темную жаркую пасть. Повинуясь инструкции, невесть откуда всплывшей в мозг, Натали завернула за ними замок и села ждать. Потом встала, облокотившись на стену спиной.

Снова ждать, обливаясь попеременно холодным и горячим потом. Натали сообразила, что может включить комм и слушать, как они переговариваются между собой по рации. В конце концов, она была их связью с внешним миром. Дублем этой связи. Кровь колотилась в висках в том же сумасшедшем ритме, как стучали бы ее каблуки, убегай она прочь по коридору, улепетывая во все лопатки на крыльях сумасшедшего ужаса.

– ...глушить?

– Спятил? Мы не можем остановить производство. Течь не так уж велика!

- Течь? Да тут один пар уже! Теплообмен... тьфу...

Последовавшие за тем сантехнические термины Натали не поняла, а потому пропустила. Разве что уяснила себе, что темп обмена репликами был более чем живой. Радиационные помехи накладывались на тяжелое дыхание через редукторы.

- Ну, сколько там натикало?

- Сколько есть, все твои. Не бойся, нужную дозу все равно схватить не успеешь.

В этих перчатках у них, должно быть, страшно неловкие руки. На пульте, само собой, были и часы, но время, которое они показывали, никак не укладывалось в ее субъективное ощущение. Прошли века, прежде чем кремальера стронулась с места, а ремонтники заговорили о другом. Неуклюжие белые фигуры протопали мимо нее. Лица под пластиковыми щитками покрывал пот, и все они казались одинаковыми.

- Ты глянь, какую стрекозу они тут сушат! Девушка, полчаса для героя не найдется у вас? Вечерком, скажем? Вас-то мы тоже спасли!

- Ты двигай давай! - чиф бригады толкнул остряка в спину, и тот продвинулся вперед одним длинным ныряющим шагом. - В душ сперва, на деактивацию. После будешь проверять... функционирование систем!

- А премию дадут? В пяти шагах же были! Л сделали без остановки цикла, даже без эвакуации.

- Дадут. Догонят и еще дадут. Смотри: будешь хорошо работать - на другую точку вызовут.

Переведя дух, полуоглохшая от собственного пульса, Натали обнаружила, что рядом с ней молча переодевается сменщица. Уже? Нет, похоже, ту вызвали вне очереди, стрелки на часах сдвинулись совсем ненамного. А те - температура носителя и показатель активности - тронулись в обратный путь, на понижение. Уверенно. Медленно. Она может идти домой. Империя заботится о своих людях.

Когда через сутки пришло время снова отправляться на смену, ее скрутило в бараний рог: отказали ноги и разболелся желудок. Это было больше, чем страх, и страшнее, чем смерть. Полная, совершенная бессмысленная безнадежность.

* * *

Мягкая влажность и зеленоватые тени. Матовые стекла окон лишь чуть фильтруют дневной свет, льющийся в просторную комнату, как молоко в кофе. «Привратник» все еще был настроен на семнадцать параметров опознания Эстергази-старого, и адмирал прошел в квартиру сына беспрепятственно, с некоторым облегчением обнаружив, что она пуста. Никто не кинулся ему навстречу, даже собаки. Это заставило его задуматься, сколь давно он здесь не был. Пережил последнего бассета Адретт, надо же. Даже не рассчитывал.

Квартира поглотила его, как пещера. Слишком велика. Слишком просторна для одного. Уверен, тут даже эхо есть. Каково-то тут невестке, особенно теперь, когда Харальд на Церере? В сущности немудрено удариться в крайность. Добро еще, если безобидную. Впрочем, сын всегда редко бывал дома. Обратная сторона бюрократической карьеры. Харальд был первым в семье, кто сошел с военной дорожки. Парадоксально, но причиной его решения послужило желание находиться ближе к жене. Теперь, имея за спиной груз опыта, адмирал понимал сына лучше. Не теплый женин бок, но дикий страх потерять то, что дорого, не оказаться вовремя

рядом. Не сделать... что-то, все равно – важное или пустяк, из-за чего потом не спать ночами. Что-то такое, что может превратиться в вечно тлеющий очаг стыда.

Эстергази знают толк в любви.

Одна надежда на это.

В ожидании Адретт он отыскивал себе уютное кресло под пальмами и даже коньяк в буфете. Налил, но пить не хотелось. Сел и позволил времени утекать сквозь пальцы. Климатическая установка увлажняла воздух, фильтры в плинтусах у самого пола поглощали и без того микроскопическое количество пыли. Все, что могут позволить себе князья.

Сейчас выясняется, не позволили ли мы себе слишком много.

Легкие шаги послышались на пороге гостиной. «Привратник», само собой, оповестил хозяйку о наличии гостя, как и о том, кто собственно пожаловал. Так что поднявшись в лифте и снимая на ходу шляпу, Адретт сразу, хотя и не торопясь, прошла приветствовать свекра. Свет в длинном коридоре включался перед ней и гас за ее спиной.

Мягкую широкополую шляпу Адретт бросила на столик. Усилием воли сдерживаясь, чтобы не сказать невестке колкость, адмирал в подробностях рассмотрел ее безупречный траур. Под шляпой покрывал волосы и укутывал шею шелковый шарф. Широкие черные брюки и жакет-болеро. Каждая булавка была на своем месте, а ряд больших белых пуговиц на жакете вкупе с высокими каблуками изящных туфель доконал адмирала. Глаза на каменном лице были безмятежнее, чем вода, налитая в стакан. Машина, говорившая с ним человеческим голосом, и та выглядела более живой. Была на одном из своих собраний, не иначе. Выходила на люди. Вместе тропую скорбей, или что-то в этом роде. Женщины сходят с ума по-своему.

– Я позаботился о себе, – сказал он, кивнув на рюмку.

– Я вижу.

Пауза.

– Ты как?

– Вполне.

Еще более продолжительная пауза.

– Мне нужно поговорить с тобой.

Адретт меланхолично кивнула, опускаясь в кресло напротив.

– Ты взрослая женщина, и я не рискнул бы вмешиваться в то, как ты проводишь свои дни. Ну, во всяком случае до тех пор, пока это не причиняет ущерба имени.

Женщина зябко вздернула плечи и посмотрела на него враждебно.

– В том, что касается семейной чести, вы вполне можете на меня положиться. Я доказала это неоднократно, разве нет?

– Случилось так, что мне нужен твой совет.

- Должно быть, действительно нужен, - хмыкнула Адретт. - Иначе господа мужчины постарались бы обойтись своими силами.

- Это касательно Рубена.

Вода в стакане сделалась непроницаемо черной.

- Помнишь проект «Врата Валгаллы»?

- Ну? - женщина выпрямилась. - Помню, разумеется. Хотите проделать это с Рубом? Я категорически против. Это больше, чем вы можете требовать от человека. Долг тут кончается. Пусть мальчик уходит долиной черных лилий.

- Нет. Не хотим. Мы, - старик внезапно обнаружил, что смотрит в пол, - уже сделали это. Нет никаких черных лилий. Для него - нет.

Она сидела и смотрела на него, уронив с колена белую, изысканно орхидейную руку. Было слышно, как жужжит аппарат, увлажняющий воздух для тропического сада. Все тяжеловесно-округлые фразы, предписанные в разговоре с дамой своего круга и предусмотрительно придуманные загодя, улетучились из головы, словно при разгерметизации.

- Мы не можем сейчас его отпустить. Хуже того... сейчас это было бы эквивалентно убийству.

- Он... слышит и говорит?

Старик кивнул.

- Хочешь его видеть?

- Господи, нет. - Она дернулась назад, и глаза ее сделались как разинутые рты «Герники». - Я этого не вынесу. Я уже...

- Жаль, - и он принялся заполнять молчание между ними, рассказывая невестке про правила имперской игры, про двусмысленный юридический и гражданский статус «экспериментальной сущности», про термические бомбардировки и острую нехватку квалифицированных кадров. Про досрочный призыв из Академии. И про гидравлический пресс, само собой. Ему казалось, словами он ломает стену.

Мы, мужчины, сколько угодно можем размахивать руками, говорить на повышенных тонах, производить еще тысячу суетливых телодвижений, убеждая себя и других, будто от нас все на свете зависит, включая и само существование мира. Но в глубине души каждый из нас подозревает, насколько необходимо встречать одобрение в глазах женщин, безмолвно вззирающих со стороны. Мы с детства привыкли оглядываться: верным ли идем путем.

Моральный ценз.

- У него неподходящее психологическое состояние, - закончил адмирал. - Ты права, ни от кого еще не требовалось больше, чем жизнь. Но Рубен ведь и не кто попал. Уверен, со временем он полностью восстановится. Было бы желание. Раз уж он привел в действие голосовые механизмы, то за двигательными дело не станет. Беда в том, что времени - нет. Мы должны предъявить флоту нечто летающее. Другого способа сохранить ему хотя бы эту форму существования я не вижу. Харальда на Зиглинде нет. Кирилла, к счастью, - тоже. Надо придумать что-то дельное, пока парадом команду я.

- Вы, мужчины, всегда только ломаете, - с глубокой внутренней убежденностью сказала Адретт. - А потом в полной растерянности просите: сначала маму, а потом - жену, да кто под руку попадется... собери, мол. Почини. Исп... исправь, сложи, склей, чтобы было, как прежде: новенькое, красивое, целое. Что, ты думаешь, я могу тебе предложить сейчас? Вам, мужчинам, женщина нужна, чтобы излиться в нее и обрести утешение на дружественной груди. А кстати, вот... помнишь последнюю девушку, на которую Руб зашелся?

Олаф посмотрел на невестку недоуменно.

- Та тощеватая брюнетка на выпускном... Нина, кажется?

- Ее звали Натали.

- При чем тут она?

- При том, что хвост наш павлин распустил перед нею - будь здоров. Рубен, помнится, был очень, - она мимолетно улыбнулась, - горячий. У нее было такое лицо, будто одно неверное слово - и вынет бластер, и начнет во все палить. Я, грешным делом, сперва решила, будто барышня из спецслужб.

- А перерешила когда?

- Сразу же. Неважно. Не имеет значения. Едва ли чиф Крачковски отправит к нашему столу деву, не способную оплесть речами и чарами. Слишком озабочена, как ей выглядеть леди, чтобы быть ею на самом деле, вот что я думаю. Реальное положение в обществе допускает поблажки. Да и где бы Руб ее подцепил? На Сив нет ничего, кроме АКИ, заснеженной тундры и нескольких десятков семей гарнизона. Но если бы она прилетела вместе с ним с Сив, это было бы не так трудно выяснить через службы космопорта, не так ли? А на дороге он кого мог встретить? Только обслуживающий персонал. Буфетчица какая-нибудь. Или стюардесса. Я к тому: если бы там было громкое имя, оно бы прозвучало, нет? Найди ее. Может, в этом будет какой-то смысл.

- Женщина, - как мог мягко сказал адмирал, - ты помешалась на мысли о внуках. Какая, к чертям, теперь Рубу девушка? Он железный.

- Я и не утверждаю, что от нее может быть польза. Скажу более: сто к одному, что Руб задурил ей голову, получил свое и унесся прочь со скоростью света.

- Сколько можно повторять, мы не летаем со скоростью света!

- Я имела в виду: его уж нет, а сияние все еще стоит перед глазами. Мои идеи кончились. Почему бы не спросить ее? В самом деле: что ты теряешь? Другого стимула у тебя все равно нет. Не считать же таковым гидравлический пресс. Вы, Эстергази, у меня уже поперек горла.

* * *

Время песочного цвета уходит в песок.

Башня Рован

Возвращались, придавленные молчанием. Харальд, полулежа на диванчике, пролистывал на дипломатическом считывателе местную прессу. В глазах рябило, в висках стучало, мозаика

рассыпалась, и он с большим удовольствием бросил бы это дело, подобрал ноги и уткнулся лицом в диванный валик пассажирского отсека. Именно так уже лежал Кирилл, отходя от дипломатических трудов, и кому-то же надо было тянуть эту лямку дальше. Впрочем, Харальд подозревал, что возбуждение и напряжение нескольких дней самого его отпустят нескоро. Даже когда он закрывал глаза, на внутренней стороне век мельтешили лица чиновников, профессионально услужливых и до отвращения друг на друга похожих. Доминантной расой на Церере были монголоиды. Толпы мелких, дерганных, непрестанно улыбающихся монголоидов.

Десять дней, пока свалившихся на голову высоких гостей показывали на всех каналах, потребовали от зиглиндиан выдержки намного большей, чем Харальд, запоздало каясь, ожидал обнаружить в своем императоре. Каждое утро, знакомясь с расписанием церемоний, Кирилл скрежетал зубами: еще день пустой болтовни и позирования перед камерами! Тогда как у Империи не было ничего дороже времени, бесплодно утекавшего в песок, высокие гости проводили дни по расписанию, утвержденному дипломатическим протоколом.

Будь они неладны, эти вареные осьминоги. Местные экзодиетологи под руководством начальника протокольной службы сбивались с ног, в авральном режиме приводя генные структуры подаваемой на стол провизии в соответствие с биохимией пищеварения гостей. Само собой, все мы люди, но даже в пределах одной планеты рацион, приемлемый для одной группы, для другой может представлять серьезную опасность. Одна неправильная аминокислота – и на дипломатии можно крест ставить. Могильный. Зиглиндианам, собственно, к синтезированной пище не привыкать. «Формула» каждого гражданина вместе с группой крови, снимком сетчатки и еще некоторым количеством формализуемых параметров входила в комплект обязательных документов, и уж конечно группа сопровождения императора, когда ей дозволили сесть на Цереру, предъявила местным биомастерам свои аттестаты и сопряженные с должностью права, заняла предоставленные лаборатории и визировала все, что так или иначе намеревалось проникнуть в императорский организм.

Кажется, в прицеле камер дипломатам пришлось держать фасон двадцать четыре часа в сутки. Демос конфедерации впервые видел живого самодержца и жаждал, чтобы его демонстрировали им еще и еще. Немыслимое количество брифингов, конференций, телемостов... Кирилл казался невозмутимым, как камень, и даже в посольских покоях, оставаясь с Харальдом наедине, не ругался и не швырял об стену мелкие хрупкие предметы, хотя Харальд, признаться, ежесекундно от него этого ждал.

Слишком серьезная велась игра, чтобы остаться ребенком. К тому же и жучков в президентском номере-люкс напихали, что пчел в улье. Ради их же собственной безопасности, конечно. Ничего такого, что отличало их визит от любой другой межпланетной дипломатической встречи. Разве что для Кирилла он был первым... и слишком много зависело от его успеха.

В сущности, никто, кроме них самих, не был виновен во внезапной популярности Кирилла. Федерация, высшим своим приоритетом провозглашавшая индивидуальность гражданина, оказалась покорена личностью непокорного мальчишки, свалившегося на ее коллективную голову, да и личностью его пилота, если уж на то пошло. Поджатыми губами зиглиндиан, их ледяными взглядами, самодостаточной замкнутостью потомственных дворян, за которой чувствовался стальной стержень дисциплины. Сетеновости, флюгер на ветру общественного мнения, среди устаревших форм речи отыскивавшие слово «верность», и еще много других слов из той же обоймы, стряхнули с них пыль, и плебс изумился, сколь свежим оказалось их звучание.

– Не стоит нас недооценивать, – сказал им Кирилл. – Зиглинда – щит Галактики и ее меч. Если

Зиглинда падет, ее ресурсы и производства достанутся чуждой форме жизни, владеющей техникой гиперпространственного прыжка. Допустим, – помедлил он тогда, – в наших силах уничтожить фабрики, добывающие комплексы и энергостанции, – и только дурак не понял, о чем речь. – Но уничтожить недра невозможно. Я могу, – продолжал император, – рассмотреть как альтернативу эвакуацию населения посредством прыжкового транспорта, практически с поверхности планеты... наобум, обрекая людей на межзвездные скитания или эмигрантскую горькую долю. Лучшие в Галактике специалисты, конечно, найдут себе работодателя. Вот только кто даст гарантию, что подняв однажды голову к небу, простой церерианский обыватель не обнаружит над собой железные брюхи чужих авианосцев, подсвеченные выхлопами дюз? Кто сказал, что даже среди оплавленных осколков нашей родины они не отыщут оружия, которому Федерация просто не сможет ничего противопоставить?

– Я, – сказал Кирилл, – размениваю истребитель на авианосец. – и журналистская камера поймала дернувшийся уголок его рта, и белое как лед лицо министра, стоящего от императора справа. – Мерить нашу стойкость по шкале героизма вы будете позже. Обитаемый мир слишком мал, а истории варварских нашествий – слишком поучительны.

Ваше слово, господа.

Господа, конечно, сказали свое слово. Они сказали много слов, а еще больше написали на бумаге и заверили подписями и печатями. Синдики, правившие Землями Обетованными от лица населяющих их народов, может, слегка ошарашились представившимися им возможностями, но было бы наивным полагать, что они их упустят. Бедственное положение соседа – повод прикупить его имущество на распродаже. И теперь Кирилл вез домой на сердце тяжесть.

– Больше всего мне не нравится этот спутник, – буркнул император в диванную подушку. – На кой им спутник широкого вещания на орбите, если они ежедневно рискуют его потерять?

– Предполагается, будто мы будем беречь штуковину как зеницу ока, – заметил Харальд. – Ибо не приведи силы, если она выйдет из строя. Персонал – их, и зона охвата – на их усмотрение.

– Но это же не военная станция на нашем ближнем рубеже? Какой нам от нее прок?

Эстергази промолчал. Протекторат Федерации на пятьдесят лет, в свете чего наследственный титул превращался в нечто номинальное, а сам император – в представительную марионетку. Хватит с Кирилла принудительной денационализации и акционирования той части производства, которую он более всего желал бы сохранить под контролем Империи. Едва ли у отечественных олигархов, будь они, к слову сказать, хоть сами Эстергази, достанет личных капиталов участвовать в торгах на равных с корпорациями, намеренными кусать от пирога даже под термическими бомбами. Лично он согласен нести эту ношу, но черт его побери, если он в состоянии обсуждать это с Императором.

– Шестьдесят дней. Слыханное ли дело, милорд?! Мы в два часа подняли планету! За шестьдесят дней нас уничтожат шестьдесят раз!

– У них добровольческая армия, – выдавил из себя Харальд. – Едва ли мы получим от них больше, чем людей, заключивших со своей страховой компанией договор на особых условиях. Если они окажутся лучше кадетов-первогодков – что ж, хорошо.

При всей зиглиндианской крутизне и мощи – как мы, оказывается, наивны.

* * *

У Эстергази-старого не было времени решать логические задачки извращенным путем. Поэтому он решился принять домыслы Адретт за начало координат, выяснил, какие компании обслуживали рейсы на Сив, ныне оставленную врагу вместе со всеми ее сооружениями, в том числе тренировочной базой Академии, которой все Эстергази непременно отдавали несколько лет жизни, и отправился наносить визиты в кадровые службы. При этом он прекрасно понимал, какое являет собою зрелище. Старая перечница, едва передвигающаяся под тяжестью регалий.

«Я разыскиваю одну молодую леди».

Седина в голову, бес – в ребро. Он бы и сам так думал, глядя на себя со стороны.

«Коротко стриженная брюнетка астенического сложения, в возрасте от двадцати трех до тридцати – с женщинами никогда не понятно! – по имени Натали».

Только большая звезда на адмиральских погонах заставляла этих мерзавцев давиться их мерзкими ухмылками, пока они ворошили электронные досье. Имя... возраст... фас, профиль. Не она? Вы уверены? Очень жаль, извините.

Повезло ему в просторных опустевших офисных помещениях четвертой или пятой по счету фирмы. Толстый штатский с рыжими усами и красными руками в веснушках, сидевший один в комнате, где раньше размещалось не меньше дюжины менеджеров, явно скучал и обрадовался возможности запустить на голографическом мониторе программу создания модели. Сидя в глубоком кресле, адмирал растерянно наблюдал, как бегущие зеленые кривые на его глазах ваяют из черной глубины трехмерный образ лица, фигуры... как оператор заставляет ее шагнуть, повернуться. Униформа одела девушку примерно так же, как если бы в заводском цеху на флайер крепили обшивку. Кусками-лепестками, справа налево, с задержкой между элементами в какую-то миллисекунду. Голос... он не помнил голоса, но несколько стандартных невыразительных фраз из лексикона стюардесс, вполне возможно, были произнесены именно той женщиной, которую он искал. Она тогда не слишком много говорила. Глядя, как модель расхаживает перед ним, Олаф размышлял: пристало ли ему испытать какие-нибудь сентиментальные чувства.

– Пульман, Натали. Уволена в связи с сокращением объема перевозок. Вот код ее персональной карточки. Вы можете поискать ее данные в централизованной планетарной базе, наверняка ее трудоустроили куда-нибудь на конвейер. Хотите, – подмигнул ему усатый, – заставим ее танцевать? Нет? А раздеться? Медленно и печально?

Вот, значит, как он коротает тут рабочие дни. Следовало догадаться.

– Вы немедленно, – произнес Олаф своим старческим надтреснутым голосом, – принесете извинения в адрес упомянутой леди. Я также желаю получить заверения, что впредь эта особа будет избавлена от любой формы домогательств, равно как от эксплуатации снятых с нее цифровых параметров.

Лицо менеджера выразило недоумение и обиду: добро бы еще выживший из ума волокита покусился на святая святых, но найти предосудительное в рутинном, само собой разумеющемся времяпровождении скучающих кадровиков...

– Я подам запрос вашему руководству об удалении упомянутой дамы из вашей базы данных, – сказал Эстергази, испытывая гамму совершенно садистских чувств по мере того, как зажавшийся чинуша за столом осознавал могущество противостоящей ему силы – и *имени!* – Словно ее там и вовсе никогда не было. Что же касается вас... Я предлагаю вам дуэль на любом

оружии по вашему усмотрению. Вы нанесли оскорбление члену моей семьи. Женщине, которую ошибочно посчитали беззащитной. Соответственно, вы нанесли оскорбление лично мне. Каково ваше видение ситуации?

Обезумевший менеджер вперед головой ринулся в оставленный ему выход. Трясущийся маразматик... прихлопнуть Эстергази даже на дуэли чести... запинаясь, он выговорил все пришедшие ему на ум извинения, лепеча их даже когда провожал адмирала к дверям. В конце концов, у каждого князя может завалиться внебрачная дочь.

* * *

- Генеральный штаб меня порвет, - возмутился Кирилл, когда адмирал Эстергази изложил ему свои соображения. Ту тщательно отвешенную их часть, которую, по трезвом осмыслении, он решил представить на высочайшее рассмотрение. - Чем, вы думаете, мы тут занимаемся - пропагандой воинственного феминизма? Или все-таки чем-то серьезным?

Перед лицом монаршего гнева Олаф приподнял плечи, но продолжал смотреть в глаза и готов был стоять на своей дороге тверже, чем на ногах. Ни шагу назад. Это мы умеем. В сущности, это единственное, что нам осталось - ни шагу назад.

- Генеральный Штаб меня сожрет, - повторил Император, сбавляя тон. - И пресса.

- А все равно придется, - заметил Харальд, до сих пор умело державшийся в тени разговора. - Шестдесят дней. Наверху нам понадобится каждый, кто сподобился получить права на вождение флайера. Независимо от пола. Независимо от нашего рыцарства... или нашей предвзятости, с какой стороны посмотреть.

- Если тебе надо спрятать лист, спрячь его в лесу, - невесело ухмыльнулся Кир. - Я кое-что читал в детстве. Вы хотите объявить фальшивый призыв, чтобы протащить в армию всего одну бабу. Не говорите мне, что мы всерьез прячемся за юбки.

- Экспериментальный призыв, сир, - возразил адмирал. - Не более пятидесяти. Но она, - он снова протянул карточку, - должна там быть. Мы призываем первогодков, имея в тылу категорию населения, которая теоретически и практически подготовлена управлять боевой техникой.

- Как подготовлена! - воскликнул Император. - Ни мы, ни - я уверен! - они никогда не думали, что военные специальности для женщин будут востребованы. Даже изначально их планировали использовать не более чем на транспортных перевозках. Вы хотя бы представляете, как их будут сбивать? Гроздьями! Из этого не получится ничего, кроме коллективного социального шока. Вы этого хотите? И именно теперь?

- Именно теперь я не вижу в этом никакой опасности, - сдержанно отозвался Харальд, и его отец возблагодарил небеса. Никто никогда не может противостоять двоим Эстергази: умным, компетентным, заходящим с флангов. - Речь идет о конце света. И потом, есть такие женщины, сир... Против Китти Эреншельд и я не рискнул бы вылететь на истребителе.

- Китти Эреншельд? - голос императора дрогнул. - Вы же не настаиваете на мобилизации *леди*?

- Только на том, что пойдет империи на благо.

- Империи? Или все-таки Эстергази, а, милорды?

- Эстергази никогда не отделяли одно от другого, сир.

Мужчины замолчали, осознав, что лифтовый холл, где они вели спор, не совсем подходящее место. Мимо рысью пробегали чиновники и офицеры в чинах не ниже полковника. Обстановка была ровно как в сумасшедшем доме. Слишком много бумаг на подпись. Слишком много спорных моментов, разрешить которые может только высшее в государстве лицо. Слишком мало времени на себя, на друзей, на любимых...

Мы обречены совершать поступки, которые не одобрит никто. Разве что любимые поймут? Не слишком ли многого мы хотим от любимых?

* * *

Я знаю, ты придешь ко мне,

я знаю, ты уже в пути.

Не прекословь судьбе своей

Башня Рован

Опознав хозяйку, сторож-фотодатчик открыл дверь и предупредительно включил в ячейке свет. Это не могло не радовать: в кои-то веки подача электричества в жилые блоки застала Натали дома. Слишком уж утомительно копаться в сумочке, неизбежно перекладывая помаду, баллончик чулок, бумажные носовые платки, какие-то старые чеки, обязательную миниаптечку ГО, бытовой дозиметр, початые блоки желудочных и противозачаточных пилюль и видеороман в измятом пластике – все это в поисках простого механического ключа. А повезет, так и горячая вода есть. Поистине, электричество – жизнь.

С некоторых пор Натали решительно запретила себе сложные чувства. Тепло, вкусно, тихо – уже хорошо. Темно, холодно – сиречь плохо. Были основания полагать, что все иное ведет к саморазрушению.

Почти счастлива. Почти в миру с собой. Почти ничего не помнит, ни на что не надеется, ничего не ждет. Зато ничего и не боится: вряд ли может быть хуже.

Какой-то конверт серо-желтого цвета прихвачен магнитным зажимом к входной двери. Натали, машинально перехватив одной рукой и притиснув локтем пакет с недельным пайком, одновременно сбросила у порога туфли и сорвала послание. Похоже – официальное. Почта в последние дни ее не баловала: раньше в мирное время с попустительства консьержки к двери лепили до трех десятков рекламных листов, и все они были цветными, но с началом военных действий радужный поток спама практически сошел на нет. Даже подруги писали редко: разница интересов разводит людей. А интересов у Натали теперь совсем не было.

Счет или уведомление о просрочке. Хотя все коммунальные и транспортные платежи за государственных служащих по закону военного времени взяла на себя империя, а до того жилье ей предоставляла Компания, все же она продолжала пользоваться услугами химчистки, а иногда – доставкой.

Жесткие волокна напольного покрытия покалывали ступни, пока она шла через комнату. Приятное чувственное ощущение. И настольный комм подмигивал красным, намекая, что есть для нее сообщенице. Выигрывая время, чтобы осознать степень собственной вины и хотя бы

перед самой собой изобрести оправдание, Натали решила отдать предпочтение звуковому сообщению.

– Чтоооо?!!!

Автоответчик любезно повторил.

...в течение двенадцати часов... имея при себе... можно не иметь ничего, кроме ИД-карты, империя позаботится о прочем...

...в соответствии с законом повестка продублирована по официальному адресу вашего проживания.

Натали разорвала конверт поспешно и так опасливо, будто он был пропитан ядом.

...в течение двенадцати часов... продублирована на комм по официальному месту регистрации...

Переломившись в коленках и пояснице, в полной растерянности Натали опустилась на кровать, опираясь локтями о расставленные колени: до крайности угловатая, нелепая и трогательная поза. Вот только кого она могла растрогать? Пальцы впились в виски, словно норовя удержаться в рамках паническую мигрень, плохие мысли и дурные предчувствия.

Проклятье, это следовало предусмотреть! Она могла бы... быть беременна! У Натали помутилось в голове, когда она сообразила, от кого на самом деле у нее имелись шансы залететь. И как выгодно, между прочим, залететь! Хм, Эстергази это бы не понравилось. В конце концов, нынче не старые времена, теперь асоциальных субъектов, чье бесконтрольное размножение угрожает чистоте нации, уже не стерилизуют принудительно. Едва ли ей сделали бы срочный аборт.

Чертовы противозачаточные таблетки! Никогда ей не выиграть в лотерею.

Доигрались. Мобилизуют женщин. В том, чтобы выйти из категории мирного населения был еще один существенный минус: военные не подлежали эвакуации. Сейчас Натали, если бы ее спросили, согласна была на что угодно, лишь бы брезжила впереди хоть тень гарантии: прижмет – вывезут. Выбросят в прыжок хоть к черту на кулички, хоть вовсе наугад. Никогда она не симпатизировала партии Героической Гибели.

Мобилизуют женщин. Значит, больше нечем латать дыры в «железном щите». Дыры эти проецировались на поверхность Зиглинды серыми пятнами оплавленного камня. Единственное оправдание этим дырам Министерство обороны находило в том, что они *адекватно* расположены. «Железного щита» хватает ровно настолько, чтобы закрыть населенные кварталы и стратегические объекты. Собой закрыть. А теперь речь идет о том, что закрывать будут ею. Натали.

Предметы, разбросанные вокруг, показались ей мелкими, никчемными – с собой не возьмешь, а потому – неожиданно бесконечно дорогими. Мир рассыпался под ногами. То есть и раньше от него откалывался кусок за куском, но теперь трещина пошла под самыми ногами. И перепрыгнуть некуда.

Часть 4. Самый драгоценный груз

А намерен у нас собирался народ,

человек эдак десять-тире-пятьдесят.

На повестке стоял архиважный вопрос:

как нам быть, если крыши к весне полетят?

Башня Рован

Когда изо дня в день общаешься с одними и теми же людьми, сознание не отмечает перемен, каковые накладывает на них время. Так для счастливого мужа двадцать лет спустя внешность супруги все та же вопреки седине, морщинкам и даже – вполне очевидным двадцати новым килограммам.

Опершись ладонями о трибуну и навалившись животом на край, вице-адмирал Эреншельд сверху озирает чашу конференц-зала, где собрались начальники служб и младшие командиры.

Уже не мальчики с горящими глазами, напряженные до последней жилки, готовые сорваться с места, бежать, исполнять, геройствовать...

Ветераны.

Лица, словом, были в массе своей давно уж не те – командиры звеньев уже возглавили эскадрильи – но Эреншельду казалось, будто существо, с которым он разговаривает, некий среднестатистический пилот, в принципе тот же. Только повзрослел. Видел воочию багровый, нестерпимо яркий лик смерти, слышал в наушниках внезапную тишину. Познал предел собственных сил. И теперь в лицо любому командованию способен ответить: «Это невозможно». И никакие лозунги, никакие авторитеты, никакие угрозы, никакой крик...

Кто-то в задних рядах, пользуясь минутой покоя, опустил плечи, скруглил спину, уронил подбородок на грудь. Расслабился. Водянистый глаз «высшего командования» отметил кое-где неуставную щетину.

– Мы ожидаем пополнения, – сказал вице-адмирал, чуть подавшись вперед и тем самым словно наполняя весом свои слова.

Выражение общего лица подтвердило, что давно бы пора.

– Империя мобилизовала младшие курсы Академии. Командиры эскадрилий, – Эреншельд произвольно потер подбородок, – вы получите восемнадцатилетних... детей. Излишне напоминать, что они ничего не умеют и страха не знают. Вспомните себя. Мы не можем позволить себе записать кого-либо в расходный материал, а потому придется стать педагогами. Речь идет сейчас обо всех, способных держать оружие.

Опять пришлют «как бы пилотов», зеленых как трава. Опять увеличивать время патрулирования на полчаса, чтобы эти орлы Господа Бога хоть увидели, как выглядит истребитель у тебя на хвосте. Опять недосып и остеохондроз.

Он видел, что его поняли правильно. Это последний резерв. Больше пополнения не будет, только пушечное мясо.

– Вместе с пополнением, – вице-адмирал позаботился, чтобы голос его был как можно более

нейтральным, – на базу придут пятьдесят человек спецконтингента. Империя произвела пробный набор среди женщин, имеющих соответствующие военные специальности. Мы избежим многих... ммм... моментов непонимания, если сразу уясним себе, что они – такие же пилоты истребительной эскадры, каковыми являются все прочие, присутствующие здесь.

Он ожидал паузы, но не такой... потрясенно-мрачной. Потому что те, кто умеет думать, первым делом задали себе вопрос: «Неужели все настолько плохо?» На пятивековой истории Зиглинды женщин в армию не призывали никогда.

– Мне доставит большое удовольствие уверенность в том, что я командую авианосным соединением, а не стаей диких животных, – сказал вице-адмирал намного резче, чем собирался. – За любую внештатную ситуацию в первую очередь ответят командиры эскадрилий. Благодарю за внимание, господа младшие командиры могут приступить к своим обязанностям. Руководителей служб попрошу задержаться.

– Капитан Краун, я ожидаю ваши соображения.

Руководитель кадровой службы поднялся, касаясь столешницы кончиками пальцев. Всегда одинаково сухой и корректный, утес невозмутимости среди всех стиснутых зубов, аффектов и нервных срывов. Гвозди б делать из этих людей.

– Начать, безусловно, придется с низменного, – сказал Краун. – С реорганизации умывальных комнат на всех палубах, где будут располагаться дамы. Благо, конструктивно это решается достаточно легко, монтажом нескольких дополнительных переборок. Прозрачные переборки медицинской отсека я предложил бы закрасить. С моей точки зрения, нам следует предусмотреть все моменты, которые можно расценить как провоцирующие. Безусловно, придется пересмотреть и пополнить список медикаментов. Из того, что мы не допускаем и мысли о... – последовала выразительная пауза, кривая усмешка, согласно первоначальному замыслу выражавшая лишь застенчивость, придавала нижней части его лица что-то мефистофельское, – ничуть не следует, что в ближайшем времени мы не начнем страдать от отсутствия контрацептивов.

– Отдельные отсеки для проживания?

– Из двух зол придется выбрать меньшее. Глядя правде в глаза – у нас четырнадцать тысяч мужчин на эмоциональном пределе. Будучи поселены отдельно, женщины постоянно остаются под угрозой штурма, и никакие самые жесткие меры не помогут нам удержать дисциплину на «Фреки». И к кому, собственно, нам придется применять эти самые меры? К людям, каждый из которых, по существующей обстановке, бесценен? Пилоты сами прекрасно это понимают, и мер, способных реально их приструнить – нет. Только собственная эскадрилья в состоянии эффективно защитить своих. Тремонт?

– Мне впервые предстоит командовать составом, меткость стрельбы которого зависит от фаз луны, – резко сказал начальник летной части.

– Эти вещи регулируются медикаментозно.

Главврач, сидевший с краю в первом ряду, согласно кивнул.

– А груди им тоже собираются ампутировать? У нас тут, простите, перегрузки. Женщины хуже их переносят, это медицинский факт.

Последовал еще один кивок врача, на сей раз с пояснением:

- Микротравмы в области молочной железы способны вырождаться в злокачественные образования.

- Злокачественные образования... господа, о чем вы? Тремонт, таков императорский приказ, и не нам обсуждать, какая муха... Да, любому стажеру очевидно, от них будет больше геморроя, чем пользы. Тремонт, вы потеряли мало драгоценных жизней? Считайте эти бюсты сложенными на алтарь отечества. Принять и исполнять, и поменьше думать об... анатомических отличиях!

* * *

С самого момента, когда Натали получила повестку, и по сейчас проявлений свободы воли у нее было не больше, чем, скажем, у консервов, упакованных в фольгу. Стекло, сквозь которое она смотрела на мир, запотело, а виски обложило ватой, да и самый мир изменился до неузнаваемости в тот самый миг, когда машинка для стрижки коснулась ее головы.

Вышло даже хорошо, глаза, кажется, увеличились против прежних вдвое, шея, белым стеблем поднимавшаяся из жесткого воротника черного комбинезона, зрительно удлинилась и выглядела еще беззащитнее и хрупче.

«Система переключения аварийных модулей 6-18 активируется после зажигания контрольной лампы датчика 2-6». Нормальный человек может это запомнить? Общим числом двадцать четыре часа на тренажерах, в самый раз столько, чтобы выяснить – она совершенно к этому делу не способна. Тонны медикаментов подкожно, внутримышечно и перорально, чтобы загасить протесты организма и «потому что надо», и теперь большая часть сознания Натали напряженно вслушивалась в происходящие с нею изменения: гормональные, а может, и вовсе молекулярные. Генетические. Армейским, оказывается, даже и знать не положено, что именно им колют. Плохо скрываемое презрение инструкторов, среди которых не осталось никого из тех, кого ставят в строй. К презрению Натали было не привыкать, но она впервые ощущала себя настолько бессмысленным существом.

Горошиной, набитой в стручок. Рядом, плечом к плечу с ней в тесной коробке военного транспортника тоже сидела женщина, и, даже не глядя в ту сторону, Натали бы ей позавидовала. Во-первых, та была намного крупнее. Ежик светлых волос на круглой голове серебрился даже в тусклом свете единственной лампы. И от ее крутого плеча веяло уверенностью человека – сейчас Натали была к этому чутка чрезвычайно – стоящего на своих ногах, а не болтающегося в пустоте под действием векторов противоборствующих сил.

Горячий металлический воздух внутри отсека был наэлектризован и совершенно неподвижен. И полон растерянности и страха. Жернова крутились, и ей, крохотному зернышку, становилось уже невозможно избежать их плотно притертых поверхностей.

Взгляд, которым соседка скользнула по Натали, тоже назначил ей не слишком высокую цену.

- Думаешь, они рассчитывают на нас, как на пилотов? Как бы не так. Примут, само собой, с распростертыми объятиями, только... – она хмыкнула. – Тем, с кем мы в итоге окажемся бок о бок, совершенно неважно, какие лица делает в нашу сторону командование. Да и само командование не из того ли вылеплено теста? Императорский дар, скорее всего – последний, вот мы что. И ничто иное.

- А что делать?

- Делать? Ты сможешь с этим что-то сделать? Заслужить уважение и встать с ветеранами

вровень? Ты супер-ас, снайпер, пилотажник? Ведь нет? Или, может быть, ты тут добровольно?

Натали отрицательно покачала головой, но едва ли от нее ждали иного ответа.

- Значит, ломаешься. Сломают. У них там бойня. Мальчики превратились в диких зверей. Чего-чего, а рыцарства, я тебя уверяю, там нет и в помине. Неоткуда ему взяться, рыцарству-то, даже если ты до сих пор в него веришь.

- Продержусь, сколько смогу.

Блондинка задумчиво опустила веки.

- Можешь держаться меня, - неожиданно предложила она. - Только условимся сразу: никаких брезгливых мин в мою сторону и оскорбленных моральных устоев! Не нравится мой принцип выживания - действуй по своему усмотрению. Но не жалуйся, поняла?

Поняла, что ж тут еще не понять.

- Бесполезно противостоять силе. Чем быть предметом порожденной вождением ненависти, проще и лучше сделать так, чтобы они сами нас... кхм... охраняли.

- Ты собираешься...

- Вот именно! - валькирия глянула на Натали с вызовом. - Мы не в том состоянии, чтобы что-то экономить. Чтобы не стать общей, следует стать чьей-то. Чтобы оно зависело от того, насколько мальчики будут хорошими. Достояние, которое, чем черт не шутит, может стать личным. Надежда, знаешь ли...

- Рисковая игра, и статус вряд ли поднимет.

Насмешливая улыбка искривила губы блондинки.

- Мне плевать, каким словом меня назовут. Женщина может иметь миллион непонятных причин делать то, что делает. То, что тут, - она постучала пальцем по черепу, стриженному под шлем, а потом по области сердца, - и тут, у мужчин сильно отличается от того, что говорится вслух. Четырнадцать тысяч ребят. Наверняка среди них найдутся симпатичные. Кем, ты думаешь, я была в прошлой жизни?

Жест, которым она провела по волосам, заставил Натали предположить, что прежде тут была коса, но насчет занятия...

- Психологом профессиональных отношений! - с язвительной горечью рассмеялась та.

* * *

Какие бы принципы ни исповедовала Мэри-Лиис, на буксире у нее было лучше, чем одной. Поднявшись на ноги, психолог оказалась из тех грандиозных дам, что отбрасывают вокруг себя густую тень. То, что нужно, когда следует толком оглядеться. Ничего хорошего, впрочем, увидеть не удалось. Ошеломленные лица швартовочной команды, куда они с Мэри-Лис и с ними еще четыре дюжины новоиспеченных пилотов, нелепых в новеньком непривычном обмундировании с лычками энсинов, вывалились из стыковочного рукава.

Народу, пока они пробивались к месту распределения, стеклось - не продохнуть. Вероятно, все свободные смены. Офицеры покрикивали, требуя, чтобы празднующиеся

любопытствующие вернулись на места, где им следовало находиться согласно палубному распорядку, однако собственный их пример ничуть тому не способствовал. Причальная палуба, образно говоря, кишмя кишела народом, который только по головам не лез, желая убедиться воочию в правоте флотского сарафанного радио. И если до сей поры Натали с переменным успехом убеждала себя, что позиция Мэри-Лиис порождена одним лишь бзиком Мэри-Лиис – что бы ни утверждала современная наука, она психолог, а чужие психозы заражны! – то сейчас пахло не просто жареным. Горелым.

Группа сопровождения, в чьи обязанности, похоже, входило дотащить новоприбывших дам до эскадрилий в учтенном количестве и сдать их по описи, окружила их, точно арестантов. Кабы начальство не обязало их исполнять должность прилавка, они точно так же бушевали бы и тянулись на цыпочках с той стороны. Из-за напряженных, обтянутых черным спин, слава богу, ничего почти было не видно. Только гул множества голосов, резонирующих в огромной стальной коробке, и не было, пожалуй, в воспоминаниях Натали ничего страшнее этого гула. Словно ревели над головой трибуны Колизея из костюмной видеодрамы.

Герметичная дверь конференц-зала сомкнулась, отрезая вновь прибывших от бьющегося у порога людского моря, со всеми его звуками, а прибывшие рассредоточились по амфитеатру кресел. Натали сообразила, что видела мокрые пятна между лопаток на спинах, оттеснявших от нее толпу, покрасневшие от напряжения шеи и уши, но... она ни с кем не встретилась глазами. Ни одного прямого контакта.

Вот настоящий ужас-то. Утвердив форменный саквояж на полу у ног, Натали сцепила пальцы рук, главным образом для того, чтобы удержать их от множества мелких суетливых движений, и еще сжала их коленями для верности.

Парни в помятой форме, что обосновались в первом ряду, время от времени оглядывались, кидая изумленные взгляды назад и наверх, и не уgomонились даже тогда, когда вошел худощавый офицер с высокими залысинами, деловито уселся за стол на возвышении и раскрыл перед собой портативную деку.

– Экий, – ухмыльнулась Мэри-Лиис, – сухарь. Даже в пиве не размочишь.

Было жарко. Блондинка расстегнула форменную куртку, но эффект от этого вышел такой, что Натали предпочла терпеть. Горячие струйки зарождались между лопатками, стекали по позвонкам, скапливались на поясице, а после срывались вниз сообразно анатомическому рельефу местности. Она непроизвольно вздрагивала всякий раз.

Кадровик поднял глаза, и Натали мало-мало успокоилась. Спокойный твердый взгляд человека, который знает «как надо». Тут не было страха. Если Империя отправляет ее на смерть с таким выражением лица, обойдемся без истерики.

Распределение выглядело до крайности просто: капитан Краун выкликал несколько фамилий, потом вызывал с первого ряда комэска, тот расписывался, начальством ему говорилось несколько слов вполголоса, и на том процедура для них завершалась.

– ...Грэхем, Уинд, Нейманн, и, пожалуй, Пульман, – кадровик выстрелил в их сторону стальным взглядом, в ответ на который Мэри-Лиис поднялась – ее фамилия была Нейманн – и Натали на негнущихся ногах последовала за ней.

Все страхи вернулись к ней разом, когда она увидела, что уготовила ей судьба. Опираясь на стол, над кадровиком, нависал глыбища-комэск. Даже Мэри-Лиис чуть замедлила шаг.

Еще и альбинос вдобавок.

- ...двое детей, двое баб и одного еще отдай? Капитан, сэр, вы меня без ножа режете! Как я воевать должен? Что, у Драконов командира звена на повышение нету?

- Один убит, у второго нервный срыв, третий ни на что не годен, ты знаешь. Синий у тебя давно заслужил собственную эскадрилью, - невозмутимо отвечал Краун. - Заступишь ему дорогу? А в глаза смотреть как будешь?

Громила-комэск поморщился.

- Мы с Ланге уговорились уже. Не возражает он летать со мной до упора. А там, кто знает, сэр капитан, может, и вырастет до комэска в полку Гросса. А?

- А, - капитан сделал вид, что согласился. - А кого из своих предложишь?

Комэск, на нагрудном кармашке которого было вышито «Рейнар Гросс», насупился.

- Возьмите Далена, - предложил он. - Он это... тоже заслужил.

- Дален - пилот как минимум не хуже Ланге. Почему ты расстаешься с ним легче?

Великан замялся.

- Старые у нас с ним дела, - хмуро признался он. - Парень он хороший, но... с того дела, понимаете... он считает, я в ответе. И это... прав он.

- Дален так Дален, - кадровик сделал пометку на деке.

- Не в службу, а в дружбу, сэр... В обмен на комэска для Драконов. Что бы вам заменить мне баб на детей? Еще парочку. Зачем мне два потенциальных трупа на хвосте?

- Спецконтингент распределен равномерно по всем действующим эскадрильям, - объяснил Краун, понизив голос, но, видимо, слух Натали был обострен чрезвычайными обстоятельствами. - Мы не можем укомплектовать несколько эскадрилий только ими. Брось, тебе не привыкать воевать «за того парня».

- Воевать бы ладно! - простонал Гросс. - За салажат бы повоевали! С этими же... жить надо! В туалет конвоировать. Мы разве железные?

- Империя считает так. Забирай их без разговоров. И вот еще... Чтобы по звонку они были в кокпитах, как все. Свеженькие. Понял? Ты отвечаешь.

- Само собой, - буркнул тот. - Кто бы предложил иное?

- Удачи с Черными Шельмами, - сказал Краун, и Натали запоздало сообразила, что это уже ей.

* * *

Сужение пояса обороны до пределов одной планеты позволило защищать рубежи силами одного соединения. Сейчас боевой пост заняла группа «Гери», а «Фреки», как более потрепанный, был оттянут па внутреннюю орбиту для отдыха, переформирования и текущего ремонта. Команда «Фреки» вкалывала как проклятая вместе с рабочими, присланными с верфи, пытаясь починить то, что можно починить за две недели. Механики эскадрилий

принимали и проверяли присланные снизу машины. Пилоты регулярно патрулировали, обкатывая новую технику и вразумляя пополнение, что, разумеется, не исключало подъем по боевой тревоге, буде уроды предпримут массированную атаку. Потери среди личного состава ВКС превысили пятьдесят процентов, оставшиеся – как ни странно, совершенно не те, кто изначально имел репутацию крутых – почти поголовно все командовали эскадрильями и звеньями. После потери авианосца пыл атакующих несколько угас, хоть и не иссяк совсем. Но никому не позволяло расслабиться чувство предгрозового затишья.

Перешагнув порог жилого отсека, новенькие в нерешительности остановились. Духота и теснота, царившие там, никак не соответствовали представлениям Натали об условиях, подходящих мальчикам из чистых семей. Ну, в большинстве своем пилоты ведь были выходцами именно оттуда.

Те, кто сидел на койках – встали, кто лежал, распластавшись, просто так или с книгой, – сели с очумевшими выражениями на лицах: комэск, мол, что ты *нам* притащил? Один рыжий парень поспешно швырял вещи в пасть саквояжа. Овернулся к вошедшему начальству, уперся взглядом в дерзкий, обтянутый майкой бюст Мэри-Лиис, встопорщил усы и только что слюну не сглотнул:

– Вона как, значит! А я-то за порог!

Один Гросс догадался маскировать замешательство действием: мигом распорядился освободить двухъярусную койку у входа, вызвал по комму техническую службу, и пока мастера монтировали перегородку, отсекающую «женскую половину» от кубрика, и без того куцего, велел своим новым пилотам сесть и выслушать, что он тут наскреб для напутственного слова.

– Значит, – сказал он, – так. Мы вам не рады, и вы нам, как я понимаю – тоже. Но деваться некуда. Придется служить, а стало быть – соблюдать правила. Каковые правила мы сейчас и сформулируем. Итак... – он мучительно вздохнул и посмотрел на свои руки, тяжелым грузом лежащие на коленях. – По одной не ходить, даже в туалет, хотя бы первое время, пока народ привыкнет. Белье не разбрасывать – не хочу, чтобы из парней психозы полезли. И так-то... Давайте сюда коммы.

Время от времени беззвучно поругиваясь, он справился с хитрыми кнопками и остался удовлетворен.

– Теперь, если что, на выручку вся эскадрилья бросится. Главное, сигнальте. На двадцать кулаков можете рассчитывать. Свои, – он хмыкнул, – чужим не отдадут.

И хитро посмотрел, интересуясь реакцией. У Мэри-Лиис хватило нахальства усмехнуться начальству в небритую физиономию, собственное лицо, как надеялась Натали, осталось каменным.

– Руку! – комэск защелкнул браслет у Натали на запястье и, двумя пальцами превратил замочек в комок бесполезного металла. Она и пискнуть не успела. Теперь только вместе с рукой оторвать, ну или срезать, хотя для этого специальный инструмент нужен. В первый момент дернулась, вспомнив давешнего менеджера, и щелчок, с которым закрывалась дверь, и только после сообразила, что сделанное как раз гарантирует ее от разных всяких укромных уголков, куда, как правило, попадаешь не по своей воле. Лишний раз только подумала, что, видимо, вся армейская дисциплина тут держится на нескольких тысячах километров вакуума, отделяющих личный состав от соблазнов планеты.

– И еще вот что, – Гросс откашлялся. – Никаких шашней в эскадрилье. Где-нибудь там... – он

махнул в сторону коридора, – ежели по согласию, то дело ваше. А здесь будет чертовски трудно объяснить, почему этому дала, а этому... Я в эти дела впутываться не хочу, а придется, если нарушите мне слетанность эскадрильи. Ты, – он показал на Мэри-Лиис, – пойдешь четвертым номером в Синее звено. Ты – таким же в Серое, ведомой к Джонасу. И хватит с них, мальчишек я к себе возьму. Устраивайтесь, после обеда пойдем машины получать. Вопросы есть?

У Мэри-Лиис вопросов не нашлось, да и у Натали – тоже. Какие могут быть вопросы к командиру, когда он столь явно тяготится их компанией. Гросс с облегчением кивнул и выбросился в «общий» зал, для чего ему пришлось только шаг сделать. Вместо него на дамскую половину вторгся огромный полосатый кот. Посмотрел желтым глазом, вопросительно мякнул, снисходительно принял почесывание подбородка, выгнув спину, потерялся о колено, оставив на черной ткани летного костюма пучок предательски светлых волос. Среда явно собиралась внести в жизнь столько осложнений, сколько это было ей по силам. Там, за тонкой стенкой, пилоты выясняли у комэска, в качестве кого им придали *это* и что с *этим* теперь делать. Как, *это*, оказывается, еще и летает? Осчастливленные ведомыми нового образца взвыли. Слышимость была великолепная.

– Экземплярчик, а? – прошелестела, оглянувшись в сторону проема, Мэри-Лиис, явно не кота имея в виду. – Чур, моя койка нижняя.

* * *

Чтобы успевать за Гроссом, приходилось трусить рысцей. Только поперву унизительно, потом стало не до того. Все большие помещения напоминали Натали пасти сказочных чудовищ, низкие стальные балки под потолком выглядели в точности как нёбные кости. Или ребра грудной клетки, если смотреть на нее изнутри.

В деле помещения ангара выглядело темным. Желтые линии расчерчивали палубу на квадраты, отведенные эскадрильям. Горели лишь лампы зонного освещения: над машинами трудились механики. Каждая Тецима стояла в своем конусе света, как в отдельной комнате. С левого борта одной из них полностью сняли капоты. И тишина – как в операционной. Впрочем, это до Гросса тут была тишина.

Новенькие машины, пришедшие тем же транспортным рейсом, что и пополнение, выстроились вдоль стены в густой тени. Гросс, видимо, не посчитал разумным доверить новеньким выбор, а просто ткнул пальцем: это – тебе, а это – тебе, и завертел головой в поисках свободных механиков.

– Прошу прощения, – из-за спины его вывернулся человек в штатском, что выглядело само по себе дико в этом царстве для своих, и тронул комэска за плечо одними копчиками пальцев. – Прошу вас с распределением техники подождать.

Гросс замер на всем скаку. Дело-то было неслыханным. Впрочем, это уже давно был не тот Гросс, что отстаивал авторитет с помощью кулаков и горла. За спиной человека маячил привычно взъерошенный Тремонт, молчал, но присутствием своим придавал вес его словам. По особенной «целлулоидной» внешности гостя Гросс решил, что мужик, скорее всего, из СБ. А Безопасность следует терпеть молча.

– Вам предписано получить экспериментальную модель истребителя для проведения войсковых испытаний. Это ответственное задание. По результатам испытаний в реальных условиях будет принято решение о поставке модификации на поток.

Гросс только пожал могучими плечами. Подобные решения принимаются намного выше, его

дело маленькое. Предписано – так предписано.

– Ну и где наша новенькая птичка?

Инженер эскадрильи, ненавязчиво болтавшийся рядом, включил с пульта еще один конус света, комэск сделал несколько шагов вперед, повинаясь извечному любопытству «крылатых»: а ну-ка, чем оно лучше? Подчиненные робко потянулись за ним, как цыплята за матушкой-наседкой.

– Внешне как будто ничем от «девятки» не отличается. Внутри что-нибудь?

Чиновник не ответил, но выражение лица его Гроссу не понравилось. Будто бы тот знал нечто такое, чем делиться не собирался. Нехорошо это, прежде всего по отношению к пилоту, который один, в вакууме, должен быть готов к любым сюрпризам.

– На опытную модель вы посадите пилота по имени... – «Пиджак» сверился с портативной декой, –...Пульман.

– Че-го?

Гросс недоуменно обернулся, рассматривая Натали, словно первый раз ее видел. Впрочем, он и в первый раз на нее так пристально не глядел.

– И освободите от иных работ механика по имени, – еще один взгляд на деку, – Ларсен. Поставьте его на эту машину.

Чем дальше, тем интереснее. Лучший механик Шельм, которого Гросс все собирался перетащить себе, да не мог подыскать подходящего предлога. Кто там, внизу, знал про Ларсена? Кто-то из подручных мигом сбегал за Фростом, отдыхавшим в своем отсеке. В отличие от пилотов ему полагалась персональная каморка. До сих пор Натали и не подозревала, что на военном корабле можно встретить старика.

– И девушек, значит, под погоны? – сказал он вместо приветствия. – Добрый вечер, лейтенант Гросс.

– Привет, Фрост. – И не вина Гросса, что прозвучало это хмуро. – Опять не удалось мне всучить тебе мою птичку. Вот, хотят, чтобы ты сдал все работы и принял опытный образец. Летать будет леди. Если я правильно понял.

– Опытный так опытный.

Фрост откинул блистер кабины, зацепил за борт лесенку и заглянул в кабину. Комэск внизу даже шею вытянул.

– Ну, что там?

– Ничего такого, как будто... Э, а это что за шутки? Почему катапульту демонтировали?

– Чтоооо? – Гросс едва удержался, чтобы не спихнуть механика и не занять его место. – Может, перенесли?

– Нет тут катапульты, – мрачно повторил Фрост. – Съер?...

– У меня для вас пакет с инструкциями, – откликнулся человек, который так неожиданно всем

стал приказывать. – Там упомянуты узлы, которые вам категорически запрещается трогать.

– А ответственность, которую я несу?

– Катапульта, – сказал человек, – самый малофункциональный узел истребителя. Фактически это устройство несет только психологическую нагрузку. Дескать, в случае непосредственной опасности пилот теоретически может покинуть кабину. Много ли вы знаете случаев, когда он успевал это сделать? Единицы.

«Не при пилотах, – вопило выражение лица Гросса. – Не при женщинах и мальчишках!» Но чиновнику плевать было, что оно там выражает.

– ...и сами пилоты, насколько мне известно, предпочитают моментально сгореть в машине, чем болтаться в кресле, мучаясь: спасут – не спасут? Хотя я не спорю, маневр «подбери товарища» в Академии отрабатывается. Такие правила, комэск. Ни переустанавливать, ни даже обсуждать их с вами я не уполномочен.

– Все будет в порядке, – сказал Фрост. – Хорошая машина. Правда, б/у. Я ее помню. Одна такая.

По скромному мнению Натали все Тецимы были похожи друг на дружку, как куриные яйца в скорлупе, но механик молча показал на три ряда косых крестиков, аккуратно нарисованных на левом борту. Раньше они, вероятно, были белыми, гордо кричали о себе на фоне зеркальной черноты, а сейчас их заботливо покрасили в цвет глубокого космоса. Рельеф, однако, остался. У кого-то не поднялась рука зашлифовать боевую славу.

– Разве что у вашего командира счет поболее будет. Ну так он и летает подольше.

У Натали ноги словно нарочно свинцом налились. Но хочешь не хочешь, пришлось тащить их в кабину.

Умостила в кресле, поерзала. Нерешительно поглядела на панель, ручку, рычаг управления двигателями. Расположены, надо думать, под усредненного мужчину. Усредненный мужчина покрупнее нее. Стрелки всех приборов дрогнули, лампочки вспыхнули на какую-то долю секунды, словно замкнулись и тут же вернулись в нерабочее состояние электрические цепи. Выглядело это, мало сказать, странно, но Натали относилась к электричеству со здоровым женским фатализмом, уповая на заботливые руки механика. Сама она в важном деле целостности машинных потрохов ни за что отвечать не могла, и стала бы жертвой любой мелкой поломки, которую пилот в состоянии исправить, например, прижав контакт пальцем.

Натали машинально опустила колпак и только тут догадалась, что здесь, внутри, под керамитом с его односторонней прозрачностью нет необходимости следить за выражением лица. Дрожь пробрала ее, заставив поплотнее втиснуться лопатками в губчатую спинку ложементы. Надо попросить Фроста Ларсена выдвинуть кресло до упора вперед.

– От тебя, машинка, зависит, долго ли нам целыми летать.

* * *

Гросс, совершенно багровый, брызгал слюной, икал от невозможности выразить чувства и проглатывал неопределенные артикли. Шельмы-ветераны помалкивали, чинно рассевшись по койкам, и глазели на командира выжидательно, что еще сильнее распяло его не находивший выхода гнев. Казалось, в глубине души пилоты потешаются над ним, и это был яд для души.

Кому уж точно было не до смеха, так это причине праведного гнева комэска: «женщинам и детям». Только что закончились их первые тренировочные полеты в составе эскадрильи. В глубине души понимая, что двадцать четыре часа, «налетанных» на тренажерах в режиме ускоренной подготовки, иного результата не могли принести нигде и никогда, Натали съежилась, оцепенев и устремив взгляд на руки, сцепленные на коленях. Поза воплощенной безнадежности и отчаяния, состояние, из которого ее навряд ли вывели бы даже побои.

Впечатление было такое, будто и до них дойдет. «Качество пилота» – показатель, согласно которому Академия определяет лучших – имеет сугубо материальное выражение в цифрах, связующих меж собой скорости выполнения обязательных фигур, процент поражения целей и общее количество затраченной при этом энергии. Чем меньше пилоту требовалось импульсных включений маневровых двигателей, тем быстрее исполнялась фигура, тем ближе, соответственно, был вожденный значок. Все, одним словом, как и полтыщи лет назад, упиралось в чутье и профессиональный навык.

Второго катастрофически не хватало, а первое отсутствовало у Натали в зародыше. Компьютерной мультипликации тренажеров оказалось недостаточно, чтобы подготовиться к резкому удару и звуку выстрела из кассет, почти одновременного с «Серый-4 готов», а потом – внезапный космос и мелькание смутных теней вокруг. Двадцать четыре «ускоренных» часа инструкторы потратили, чтобы обучить ее целиться и висеть на хвосте. Групповые полеты параллельными курсами, когда вышколенная эскадрилья в доли секунды занимает места согласно номерам и перестраивается в мгновение ока, Учебка оставила на совести комэсков. На первой же минуте обнаружив за собой семь машин вместо одиннадцати, в то время как прочих носило по обитаемой вселенной, Гросс остановил всех и развернулся, пытаясь выполнить роль пса при разбежавшихся овцах. Пилот Пульман в это время следовала за зеленой точкой, которую ее бортовой компьютер определил как лидера, однако, испытывая вполне очевидные для новичка трудности с небольшими перемещениями, прозевала момент, когда командир поменял курс на противоположный, и... Словом, сдержанный рык из динамика, который посоветовал ей поменьше пялиться в черноту и побольше – на показания радара, был самым меньшим воздаянием из всех, какие она могла получить за командирские плоскости, опаленные ее экстренным торможением, и еще довольно долго она чувствовала в горле собственную селезенку. Подразумевалось, что продолжение последует, и сейчас для него был самый подходящий случай.

Разобравшись, с кем имеет дело, Гросс кое-как сбил Шельм в кучу и повел их сперва по прямой, а потом – доворачивая и прибавляя ход, чтобы заставить новеньких почувствовать строй и отучить шерудить ручкой.

Словом, после учебных стрельб Шельмы возвращались на базу выжатые как лимоны, причем лимоны, плавающие, как в соку, в собственном поту. И не только те, кому полеты были в новинку. Казалось, прошло много часов, и наконец все это кончилось, и возникло подозрение, что в реальном бою все незамысловатее и проще: по крайней мере никто не стоит над душой с секундомером. Не попадая в кассету, пилот Нейманн отвернула на второй круг прямым через строй проходивших сверху Молний. Шарахнувшись врассыпную, те, возможно, такие же «чайники», смяли стабилизаторы и повредили дюзы. Починки там было не на один день, и Большой Гросс имел по этому поводу неприятнейшее объяснение с Тремонтом, который входить в его проблемы не пожелал, а сделал его виноватым со всех сторон, и комэск справедливо заключил, что дальше будет хуже.

– ...и результаты стрельб! – Гросс с садистическим видом положил перед собой считыватель. – С вами, барышни, никакого внешнего врага не нужно. Уинд – процент поражения – семьдесят, сто семьдесят пять процентов перерасхода заряда батареи на поражение цели. Будет зажат

в первой же лобовой. Не смейтесь, рано еще. Грэхэм, ненамного лучше, сто шестьдесят процентов заряда, восемьдесят процентов поражения неподвижной цели.

- А сколько надо? Теоретически? – голосом избалованного отличника поинтересовался Уинд.

- Сорок-пятьдесят, – ответил командир серьезно, а тощий белобрысый Грэхем присвистнул. – Не больше шестидесяти, на самом деле. Нейманн – двести пять, поражено сорок процентов целей. Вы – труп.

«Труп» ответил спокойным взглядом, дескать, это с какой стороны посмотреть, комэск нахмурился и уткнулся в считак.

- Пульман... а... неплохо. Процент поражения целей – сто? Как ты это сделала?

- Зажмурившись! – буркнула Натали.

Эскадрилья загоготала, и даже комэск, как показалось, перевел дух.

- Всем отдыхать, – велел он. – Пульман, на два слова. Машинку пойдем посмотрим?

- Ты уж не обижайся, Пульман, – сказал Гросс, пока они шли коленчатым коридором, – но в твой особый пилотский дар я верю... скажем так, не особенно. Ну не отвернула бы ты па той скорости с того курса: ни руки, ни мозги на такое не способны. Брюхом по мне скользнула: это ж какую точность надо иметь! Или какое счастье? Значит, забита в машине какая-то фишка.

- Машина хороша, – признала Натали. – Никакого сравнения с учебной. Только думать про маневр начинаешь, глядь – уже в него вошел. И управление мягкое.

- За хвост берет – не отвяжешься, – согласился командир. – До сих пор ощупываюсь – жив ли.

Размашисто и гулко шагая, Гросс отсчитал свой квадрат посадочной палубы, а дежурный механик, повинуясь зычному приказу, превратил пятно тьмы, где отдыхала Тецима, в конус режущего-белого света и подключил кабели питания.

- Значит, – поднимаясь по лестнице в кокпит, пробормотал Гросс, – управление? Мягкое? Это ты называешь мягким?! Мож, переключило ее?

Снизу не было видно, однако по тону, а более того – по полоске побагровевшей шеи комэска Натали смекнула, что силу к ручке тот приложил максимальную. Раздался характерный треск, вопль, запахло озоном, Гросс скатился вниз, тряся кистью и во всю глотку призывая Фроста.

- Электрика течет, – заявил он, баюкая онемевшую кисть. – Проверить и перепроверить! Пилот жаловался? Тьфу, жаловалась?

- Все было в поряд... – синхронно начали Натали и механик, посмотрели друг на друга и замолчали.

- Проверить! – подтвердил приказание Гросс. – А Пульман пусть посмотрит. Ей полезно будет.

* * *

- Половина гаек тут мной закручена, – сказал Фрост, выныривая из капота. – Это была хорошая машина прежде, и сейчас, сколько могу судить, хуже не стала. Эх, до чего славный паренек летал на ней прежде. Где-то у меня запись есть. Может, заглянешь после на чаек?

«И этот туда же», – вяло подумала Натали, но внутреннего протеста не возникло. Впервые за много дней вокруг нее было тихо. Сперва она бесцельно расхаживала вокруг своей Тецимы, потом села, скрестив ноги, прямо на палубу. После душного отсека, полного взвинченных мужчин, нервных голосов, голодных взглядов исподтишка, после этих чудовищных походов в туалет парой, после раздражающего ежеминутного соседства Мэри-Лиис тут отдыхала душа. Вдобавок, свет и тень тут были разделены так же четко, как в детстве – понятия о добре и зле.

Никогда бы не подумала, что мне хорошо в месте, где так много железа. Хотя, может, дело в том, что тут мало людей.

В каморке механика тоже, впрочем, оказалось ничего себе. Узкая, длинная, с аккуратно застланной койкой у дальней стены. Все так упорядочено, что даже почти просторно. Разминуться можно, не цепляясь локтями. Фрост усадил гостью в угол, вскипятил воду, заварил по старинке ароматный чай с фруктовой добавкой. Угощал так же спокойно, без лишних суетливых движений, как обихаживал Тециму. Потом убрал с откидного столика порожние чашки и сахарницу, утвердил вместо них проектор.

– Первый состав Шельм. Первый боевой вылет. Живые все.

Зеленоватый луч пронзил мягкий сумрак отсека, возле двери развернулась голографическая картинка причала, полного людей: качество было не очень, камера вздрагивала, море голов волновалось перед ней. А потом, когда ракурс был взят, чье-то невидимое колено уперлось Натали в грудь, мешая не то, что дышать, а самому сердцу биться. Пробиваясь сквозь толпу, Рубен Эстергази шел прямо на нее, глаза сияли, лицо было возбужденным и радостным, вокруг смеялись и хлопали друг друга по плечам люди. Некоторые показались ей смутно знакомыми, но все слились.

Она, собственно, уже убедила себя, что никогда больше его не увидит. Не могло быть таких совпадений, чтобы... Все, что было, было, оказывается, таким живым.

– У... убит? – губы были как оладьи, когда Натали выговаривала это слово.

Фрост отнял у нее чашку, тяжелую, фарфоровую, ни разу не армейскую, стиснутую в пальцах. Натали, оказывается, так и держала ее у рта, позвякивая краешком о зубы.

– Эй, – сказал он озабоченно, – ведь не хотел я так-то. Признала кого?

– А разве, – она заставила себя посмотреть в огорченное лицо старика, – там был кто-то еще?

– Неужели жених?

– Кто он, и кто – я? – фыркнула Натали. – Так... случайный роман, можно сказать, на бегу. – Полжизни отдала б сейчас за интонации Мэри-Лиис. Слова-то были что надо, а вот интонации... –...разве его забудешь?

Испортила старику романтический вечер. Молодец, нечего сказать. Натали рывком встала, нечаянно ушибив локоть о стальную стену. Потом будет стыдно. Сейчас же она испытывала только тупую сумасшедшую боль, внутри которой, ощупью, пришлось добираться до кубрика. Она даже не помнила, провожал ли ее Фрост. Хотя, наверное, провожал. Мужчины эскадрильи не позволяли женщинам ходить одним.

Мир стал совершенно черным. То есть, на протяжении некоторого времени ее собственная ситуация только ухудшалась, но это все были изменения пошаговые, в одном направлении, и

всякий раз ей казалось, будто происходят они по какой-то нелепой случайности: от никому не нужной и совершенно неуместной войны, свалившейся ей на голову, от злонамеренности менеджеров, скажем, или из-за подписи, в запарке поставленной под невразумительным приказом где-то наверху... В ней, в Натали, совершенно точно не было ничего такого, что смогло бы усмирить волны и лечь решающим грузом на весы. Спасать мир и развеивать тьму – удел таких, как Рубен Эстергази. Пока он был, была надежда, что где-то чьими-то усилиями все образуется.

Теперь же стало ясно, что ничего лучшего, чем Натали Пульман, у Империи не осталось. История не могла хорошо кончиться.

* * *

Натали полагала, будто ничто не способно стряхнуть с нее тупое бесчувствие, но штатному медосмотру это удалось. Прошло, кажется, всего несколько часов, и вот она уже сидела напротив медотсека, съезжившись под бдительным присмотром комэска и ожидая выхода Мэри-Лиис.

Что она делает там так долго? Времени, кажется, хватило бы даже на аборт. Даже Гросс, тихо сатанея, время от времени скашивал глаза на браслет комма. Соседний «мужской» медотсек уже полэскадрильи пропустил, оставшиеся вслух развлекали себя домыслами относительно военной гинекологии. Хоть куда देвайся.

Медтехник там, ясное дело, тоже не дама.

Когда открылась раздвижная дверь, и Мэри-Лиис возникла на пороге, со змеиной улыбочкой, всем своим видом демонстрируя таинственную сложность женской натуры, да еще и «молнию» на груди застегивая, Гросс нетерпеливо вытолкнул Натали ей навстречу, так что леди даже задела друг дружку локтями.

Ушастый лейтенантик медицинской службы, отвернувшись к стене, возился с аппаратом-диагностом. Или делал вид, что возится, и даже не поглядел в ее сторону, невразумительно велел раздеваться. На уши Натали обратила особое внимание, потому что они пылали. Видимо, получил свою порцию шуток от коллег.

Перегородки из прозрачного пластика заботливо закрашены сверху донизу, а камеры слежения стыдливо отвернуты к стенам. Прохладнее, чем всюду, не больше двадцати по Цельсию, неожиданно светло и просторно: и зеленоватые лампы дневного света, и кондиционеры работали в полном режиме. Свет этот истово ненавидим всеми женщинами: он грубыми тенями выделяет малейшие неровности кожи, а кровеносные сосуды словно прорисовывает синим поверх. Хорошо, впрочем, уже то, что «пытчного» кресла тут нет.

Пришлось подождать, опершись позади себя руками о пластиковый стол и покрываясь мурашками.

Повернувшись к Натали лицом, техник, оставшийся безымянным, все так же прятал взгляд, а касаться ее предпочитал исключительно сканером. Молча навесил на нее гроздь датчиков, так же молча собрал и ретировался к диагносту, который выдал на экран всю схему внутреннего устройства и функционирования пилота Пульман.

От подобного пренебрежения пилот Пульман слегка раздражилась. Здесь, в конце всего, терять ей нечего, стало быть, нечего и бояться.

- Поинтересоваться своим здоровьем можно? – спросила она. – Или это не мое дело?

- Я передам необходимые данные вашему командиру... – ответил «кролик», но, видимо, увидел в своем стекле, какую гримасу она скроила. – Ладно. Зеленые строчки – норма, красные – отклонения.

Красных на взгляд Натали было многовато. Программа диагноста, как объяснил техник, рассчитана на мужчину. То есть недостаток тестостерона, скажем, можно игнорировать со спокойной душой. Как и большинство других «красных» показателей. А вот, скажем, недостаток железа, непосредственно ведущий к анемии...

К горлу подступил истерический смех. Восполнять прямо сейчас недостаток железа было примерно так же необходимо, как бросать курить накануне казни. Будем жить – будет и железо, и кальций, и прочие элементы, хоть бы и редкоземельные. Не будем... нечего тогда и заморачиваться на ерунду. Насос в груди всхлипнул и дал перебой, и звук, застрявший там, вырвался наружу смешком.

Выйдя в коридор, Натали обнаружила, что Шельмы ушли. Гросс тоже – у комэска было слишком много дел, чтобы конвоировать дамочек лично. Ее дожидался Вале, ведомый Йодля из первой пары Серого звена. Парень, друживший с котом. Более или менее способный к нормальному общению, как она заметила, когда лица начали выделяться из толпы.

- Я сперва тоже думал, что Гросс – чудовище, – сказал он, пока они добирались до жилых отсеков палубы Н.

Над этими словами Натали размышляла всю дорогу. Ей начинало казаться, что жизнь на авианосце из этого и состоит: из непрерывных переходов по тусклым блестящим кишкам, где чтобы разойтись с встречным, приходится разворачиваться боком, каждый раз ожидая от него глупой выходки вроде подвернувшейся ноги: «Ох, леди, простите...» И морда наглая.

Гросс валялся на койке, держа считыватель на животе. Видимо, получил уже на него данные обследования, потому что взгляд его задержался на вошедшей Натали.

- На два слова, Пульман, – сказал он, когда она совсем уже собралась юркнуть в свою выгородку.

Натали подошла, комэск спустил с койки ноги, и ей пришлось подождать, пока он отыщет ботинки.

- Выйдем, пожалуй.

Устроились в кают-компании, в углу: никто в это время не ел, и пространство создавало иллюзию уединения.

- Я вот о чем хотел потолковать, – Гросс зыркнул по сторонам, убеждаясь, что никто поблизости не греет уши. – Эта, твоя... подруга... гуляет, в общем, налево и направо. Делает она это в рамках, которые я установил, формальных претензий я ей предъявить не могу. Не мое, в общем, дело, и связываться я с ней не хочу. Чую, – усмехнулся мрачно, – не отмоешься потом. Ну и другие в том же роде. И сам спрашивал, и слухи ходят.

- А я-то что?

- Да речь-то о тебе. Эти, – он махнул рукой, – кошки. Устраиваются, как могут. Приводят среду

в привычное состояние. А ты как в воздухе подвисла. Я вот что: можешь быть моей. Тогда, если что, любой разговор будет со мной, не с тобой. Я женат, но... завтра у нас либо есть, либо нет.

Натали уставилась на собственные руки. Мужчины, видимо, в глубине души полагают, будто женщины изначально знают истинные ответы на вопросы, что мучают их. Спрашивают – и ждут, что ты не сходя с места все решишь. За себя и за него.

Каков смысл верности теперь? Каков он был прежде, когда о ней никто даже не просил? Роман... не завершен. Мужчина ушел, подчиняясь обстоятельствам непреодолимой силы. Не потому, что колодец вычерпан досуха, души иссякли, и им больше нечего друг другу дать. Что с того, что обстоятельства стали непреодолимыми... совсем? Что за долг, который исполнять ей одной, встречая лишь непонимание? Что она должна за душу, в час жажды напоенную любовью?

– Я здесь не по своей воле, – сказала Натали. – Мне сказали, что берут сюда пилотом. Пилотом и буду. Хорошим или плохим – как получится. Но это все, что я готова дать. Ты меня понял, комэск?

* * *

Проклятье, как они могут выносить этот трезвон? В мире не осталось ничего, кроме одуряющего, вибрирующего на грани ультразвука тона, способного поднять не только спящего, но, кажется, и мертвого из гроба. Все, что угодно, лишь бы это прекратилось, и одна надежда – в потоке таких же, как ты, беснующемся и бьющемся в тесном русле трубчатого коридора, как можно скорее достигнуть ангара и спрятаться под непроницаемым колпаком кабины. Уф! Теперь ее достанут только на волне эскадрильи.

Вот ты какая, боевая тревога!

Защелкнуть шлем скафандра, пробежаться взглядом по приборной доске: это, это, потом вот это. Механически откликнуться: «Серый-четыре готов», в ту же секунду вылететь в пронизанную вспышками черноту и... что не так? Ах да, предупреждали же: сперва сбрасываешь ручку в нейтраль, и только потом подаешь топливо на маршевые. Кажется, на тысячу раз затвержено, и вот же ж... Маршевые, впрочем, и не включились. Хорошая машинка, умная машинка. Давай, держись вон за тем хвостом.

А после они влетели в безумие. Вцепившись в ручку, как обезьяна, и вытаращив глаза, Натали болталась на хвосте у Джонаса, время от времени беспорядочно паля «в белый свет», хотя он, конечно, был черен, как всякий уважающий себя вакуум, и даже не пыталась сообразить, где выхлоп от дружественной дюзы, а где – трасса от плазменного орудия противника. И наоборот. Зеленые и красные точки на экране радара перемешались, и страх невзначай поразить своего почти затмевал ужас, который она испытывала, нелепо втягивая голову в плечи в попытках уклониться от вспышек, то и дело озарявших ночь.

А где-то было еще круче. Она и слова-то знала, как оказалось, не все, из тех, что неслись с каждого «номера»: отчаянно, беспомощно и громко, в тщетных, как казалось Натали, попытках заглушить далекие женские вскрики.

– Восьмая и Двенадцатая, – отвлекся на них Гросс, – держитесь за своих ведущих, и... ааа... уберите пальцы с гашеток! Стрелять коротко, обдуманно и прицельно. Пары с женщинами – на прикрытие. Сомкнитесь. Шельма – Молниям, я иду! – крикнул он на общей волне.

Джонас, «Серый-три», поменял место в строю, заняв позицию для прикрытия, Натали вильнула

следом, и Шельмы плотным потоком хлынули в самую середину, где Молнии приняли на себя основной удар *уродов*.

Когда-то давно, пока фаст-фуд не вошел еще в ее жизнь, Натали довелось варить клецки. Вот на клецки, хаотически всплывающие в кипятке, это и было похоже. Вспышки белого огня и иногда – машины, возникающие «в визуальной близости». Приказ Гросса она выполняла буквально, даже и не думая стрелять, а только держась за своим ведущим на дистанции, которую учебники рекомендовали как оптимальную, и повторяя все его маневры. Зато у всех остальных кругом, кажется, одновременно запали гашетки.

Море огня, в котором Натали почти сразу потеряла ориентировку и постепенно теряла самое сознание. Пальцы онемели, одеревенело все тело, в шее возникла сильная боль. Ей казалось, что и ручкой она уже шерудит бессмысленно, лишь создавая иллюзию, что управляет машиной.

– Ну хватит, – услышала вдруг в самое ухо и даже не удивилась, только попыталась распознать Шельму по голосу, потому что голос был знакомый, и даже задевший какую-то неожиданно чувствительную струну, вяло возмутилась, что «номер» не назвался, потом решила, что волна-то общая, и это даже совсем не обязательно Шельма... И в этот момент ручка вырвалась у нее из руки, словно мужчина в десять раз сильнее раздраженно потряхнул ее управление. Стены пламени мелькнули вдоль блистера справа и слева, а потом на нее рухнула прошитая звездами чернота. И тишина, словно динамик разом оглох.

И только тогда она вспомнила этот голос.

– Ты... где?

– Там, где мне самое место. А вот тебя тут быть не должно и не будет, пока я в силах это обеспечить.

– Где ты, черт побери?!

– Вокруг тебя. Я – твоя машина. Проект «Врата Валгаллы», если помнишь.

Мгновение назад вокруг кипела схватка, и Натали все еще была в холодном поту, а сейчас...

– Мать твою, ты что, вышел из боя?!

– Тебе там быть бессмысленно. И безнадежно.

Натали истерически расхохоталась.

– А посреди вакуума, одной, в истребителе, не предназначенном ни для скачковых перелетов, ни даже для действий в атмосфере – не безнадежно? Показательный трибунал и луч в затылок за дезертирство... Спасибо, дорогой, это именно то, что мне сейчас нужно. Нас... эээ... слышно?

– Разумеется, я отключил связь. Я могу сесть на планету, – произнес голос в наушниках после крохотной паузы. – Я рассчитал. До семидесяти пяти процентов разрушения, но ты будешь жива. Тебя даже не хватятся. Не вышла из боя.

– У меня тоже есть честь.

– Сейчас не время думать о твоей чести.

- Там сбивают таких же девчонок, как я. На новеньких машинах без сюрпризов, без трех рядов «крестиков» на фюзеляжах, без боевого опыта первого аса Зиглинды, помноженного на лучшую технологию Галактики. Верни меня в бой. *Немедленно!*

- Ты отдаешь себе отчет в том, что там происходит? Массированного удара такой силы я не припомню со времен начала войны.

- И сколько времени ты дашь мне на планете в случае, если щит рухнет? Пять минут? Пару дней?

- Йеххх, - выдохнул он. - Кресло тебе велико... Ну... сожмись, что ли, сползи вниз. То бы мудро, что сняло катапульту, да заманить бы в кокпит, да воздух стравить... Мантры какие-нибудь знаешь? Ну, тогда хоть стихи читай. Про себя! Шельма-двенадцать - всем! Индивидуальные стычки - отставить. Даю пеленг, все ко мне. Строй двойная дельта, женщин - в середину.

- Десятый - Лиде... тьфу... Двенадцатому, понял, командир, съер! - первым откликнулся в шлемофоне Вале.

- Дракон - Шельме, я иду! Как это, черти меня забери...

- Не сегодня, Магне... Четвертый, влево! Давай! Так, теперь тридцать вверх и жарь!

- Кто, кто командует? - непрерывно орал в наушниках Гросс. И еще десятка два голосов недоуменно повторяли тот же вопрос, просто голос комэска был самым громким.

- Кто, кто... Назгул!

И тишина внутри клубка огня, ровным счетом настолько, чтобы всплыла в памяти древняя харизматическая легенда, откуда мальчик из хорошей семьи дернул словцо, не без юмора определяя смысл своей послежизни.

Натали забарабанила по панели, требуя врубить обратно общую связь: та включилась с щелчком и без каких-либо комментариев. Одиннадцатый желал уяснить, какого черта он должен подчиниться младшему номеру, на что ему в особенно доходчивых выражениях указали, куда именно и кто лично воткнет ему торпеду, буде он промедлит занять указанное место в строю.

- В моей кабине - женщина, и то... - рывкнул Назгул, а потом, приватно и доверительно, для одной Натали пояснил:

- Осточертел этот саботажник еще при жизни...

Смерти нет!

То, что последовало дальше, было, по-видимому, настоящим и всерьез... Брани столь чудовищной и столь виртуозной Натали в жизни не слыхала, да и представить не могла, чтобы ту встречали с таким неопишуемым ликованием. Назгул, имевший, по всей видимости, шаровой обзор, вертел строем как единым целым, прицельным концентрированным огнем пресекая попытки уродов сомкнуть ряды. Зубы стучали непрерывно, и ее колотила сумасшедшая дрожь. Но то был восторг потока, подхватившего ее, и если потом те, кому удалось сохранить жизнь и здравый рассудок, утверждали, будто бы с начала действий не попадали в более опасную переделку, Натали ничем не могла подтвердить их слов. Она даже не помнила, как вела машину назад, на базу. Может, и не сама. Да точно, не сама, потому что Назгул нырнул в

шлюз, не дожидаясь погрузки в кассету, точнехонько сбалансировав направление, импульс посылал и перепад гравитационных полей внутри и снаружи, и остановился, молчаливый, но довольный и гордый.

И только тут ее отпустило. И отпустило жестоко, приподняв и шлепнув оземь, словно из невесомости разом под три «же», желудок рванулся вверх, а кости ног наоборот куда-то исчезли. Трясущимися руками и не с первого раза Натали откинула блистер. Выползти самой тоже не получилось: Фрост, выдавший всякое, подкатил лесенку, поднялся по ней и попросту вынул Двенадцатую из ложементов за плечи, и перевалил через борт. По лесенке она и сползла, скорчившись у обутой резиной стоек. Рвать было нечем, иначе, как пить дать, осыпалась бы прямо здесь... Фрост подложил ей под спину свернутое в валик одеяло.

Ангар вне желтой линии, отсекающей Тецимы, был полон, по люди стояли вплотную друг к дружке, придавленные недоуменной тишиной. Имя «Эстергази» перепархивало бабочкой над головами. Гросс, всей массой тела раздвигая толпу и шатаясь, как пьяный, прошел к своему – своей? – пилоту.

- Ну и... голос у тебя, Двенадцатая.

* * *

Этим дело, само собой, не кончилось. Стянув скафандр, совершенно мокрый внутри, трясясь под наброшенным одеялом и прихлебывая чай, поданный Фростом, Натали наблюдала, как понемногу, неохотно покидали ангар люди, которым, по сути, нечего было здесь делать – только удовлетворять любопытство. До большинства дошло уже, что все здесь были бы уже мертвы, когда б не «эта штука», и разузнавали обиняками: «правда ли, что...» В отдалении Джонас беседовал с Гроссом, и когда комэск вновь подошел к Натали, выглядел он мрачнее тучи.

- Что за песни я слышу про выход из боя?

Чашку пришлось отставить, хотя и с сожалением. За нее, по крайности, можно было держаться. Комэск перешел на шепот.

- Джонасу всей веры – полслова, он известный перестраховщик. Если смогу – вытащу, но что там, черт побери, было?

- Я не справилась с управлением, – сказала Натали, не глядя, впрочем, ему в лицо.

- На хрен ты вообще там сидишь! – вспыхнул Гросс, протягивая руку. – Должна справляться. Кассету!

Пришлось лезть в кабину, преодолевая тошноту и ломоту в костях. Назгул был вызывающе безгласен. Гросс сунул кассету в карман и направился в каморку механиков, откуда вылетел через минуту.

- Она ж пустая, – буркнул он. – Будто ты и двигатель-то не включала. Черт... Ты пойми, отправить под трибунал не добровольца... женщину... у меня б язык не повернулся. Но тут, – он указал подбородком на Тециму, – нет же ничего нормального! Каждый дурак захочет сказать свое веское слово. Готовься, затаскают.

С этими словами он ушел, а Натали поднялась по лесенке и, не залезая в кабину, приложила к уху шлемофон.

- Это как это?

- Ибо нефиг, - меланхолично сказали там. - Думается мне, нам есть что сказать друг другу без лишних глаз.

Разбирательство, само собой, не замедлило. Комната, куда вызвали Натали, битком была набита начальством. Эреншельд сидел в дальнем углу с видом, что он-то секрет Назгула знал с самого начала, но играл по правилам, подчиняясь приказу. Встрепанный Тремонт, невозмутимый Краун, офицер СБ, похожий на лабораторный фильтр, в том смысле, что готов объяснить явление, но только в рамках ситуации, и ни слова сверх. Гросс стоял посреди комнаты навтыжку, и всю дорогу, пока он отвечал «за нее», молодецки делая вид, будто в курсе всего, Натали мечтала отстоять процедуру, спрятавшись за его широкой спиной.

Не удалось. Впрочем, всегда остается удобная возможность сказать дурой. Никто, как правило, этому не удивляется.

- Все в итоге сводится к одному, - сказал ей Краун. - У нас на вооружении, как оказалось, состоит уникальная сущность. Кассета с записью пуста: как я понимаю, это знак, что сущность демонстрирует некие возможности и желает установить свои правила. С другой стороны - мы являемся сообществом, которое не может допустить послабления в своих рядах. Тем более в состоянии войны. Экстраполяция записей с других кассет увеличивает личный счет Назгула, - он невольно усмехнулся, - как минимум на 15 единиц. Невероятно. Плюс фантастически результативная организация атаки. При всем моем уважении к леди, едва ли мы можем посчитать все это ее личным вкладом в военное дело. У меня остался один простой и прямой вопрос: кто покинул бой? Вы или Назгул? Честный ответ на этот вопрос важен невероятно. От него зависит, являются ли понятия присяги, верности, чести и долга базовыми для новой сущности, а следовательно - насколько оправдано нахождение ее на балансе Вооруженных Сил Империи.

- И не рассматривайте нас как бездушных чудовищ, леди, - добавил Эреншельд. - Мы знали человека. С этого офицера можно было писать Устав.

- Поставьте себя на его место, - ляпнула Натали.

Мужчины замолчали, она даже испугалась бы, кабы было куда больше пугаться.

- Вы ведь... эээ... не случайный человек в кабине опытного образца?

- Кто-то наверху решил, что так.

Гросс сбоку присвистнул, немедленно извинившись перед командованием. Командованию, видимо, только субординация помешала сделать то же самое. И только эсбэшник кивнул: дескать, знал с самого начала.

- Что до меня, я - поставил, - заявил Тремонт. - Но вот как пилоты отнесутся к возможности пустить их по второму кругу, для меня, честно говоря, загадка.

- Вероятно, будет правильно, если возможность эта их воодушевит, - сказал сотрудник СБ. - Моя компетенция тут заканчивается. Я уполномочен консультировать только по технической части.

- А как прикажете нам рассматривать этого... Назгула? Как оборудование или как персонал? - поинтересовался адмирал. - Если оборудование, то его полезность и безопасность - залог его

существования. А если персонал, то... штатный психоаналитик у нас даром разве?

- Что до меня, - Клайву Эйнару не нашлось сидячего места наравне с офицерами более высокого ранга, пришлось стену подпирать, - я полагаю, этот ваш Назгул по определению не может быть душевно здоров. Мне, честно говоря, трудно представить более чудовищный конструкт, а он у вас еще и плазменной пушкой оснащен. Один раз человек уже умер... как вы намерены его контролировать? Наличием девушки в кокпите? Простите, это выглядит смешно.

- Девушка в кокпите останется, - сказал представитель СБ. - Это ограничение предписано сверху и будет действовать, пока его не отменит Император или кто-то, говорящий от его имени. Каково бы ни было желание девушки, самого Назгула или командования Базы.

- Я предлагаю в принципе отказаться от Франкенштейна, - уперся психоаналитик. - Про таких, как он, нет книг. Я не имею в виду беллетристику. Есть вещи, которые нельзя использовать в принципе, и уж тем более - нельзя использовать в критической ситуации, когда есть опасность сделаться их заложником. Империя схватилась за него в годину бед. Такие вещи склонны оборачиваться главной бедой, если вы понимаете, что я имею в виду. Мы - ксенофобы, сьер вице-адмирал. Так уж исторически сложилось.

- Что значит - отказаться? - неожиданно спросил Гросс. - Пятнадцать сбитых машин.

- Представьте себе, это могут быть *ваши* машины. Как вы намерены его контролировать? Не знаю, как военспецы определили грамотность атаки, но лично мне было совершенно очевидно: этот ваш Назгул в грош не ставит человеческую жизнь. Вы представляете, что есть армейский миф? Как скоро личный состав поймет, что мертвым он Родине - лучше? Что начальство в любой момент, пусть от отчаяния - вице-адмирал, сьер, простите - засунет его в скафандр, в вакуум, а там - фастбарбитал в вену, и готов новый Назгул? И это касается лучших. Каков, скажите, в таком случае смысл быть лучшим?

- И даже смерть нас не остановит, - пробормотал вдруг Тремонт, и все обернулись к нему. Удивленно, ибо начальник летной части предпочитал помалкивать, пока это ему удавалось. - А ведь это, понимаешь, символ.

- Символ, да, - согласился и вице-адмирал. - Мы не можем отложить испытания Назгула до лучших времен. Заниматься его философско-этическим аспектом не ко времени и бессмысленно, как представляется мне. Контролировать Эс... Назгула мы можем лишь в той мере, в какой он продолжает испытывать человеческие чувства, в этом я с вами согласен. Так пусть продолжает их испытывать... доколе может. Человек, вознагражденный за беспримерный героизм вторым шансом: этой версии мы и будем придерживаться. Синклер... - Эреншельд с сомнением посмотрел на психоаналитика, - Краун, позаботьтесь об этом.

* * *

Если полночь приходит, а ты все без сна,

Сон уже не придет, как его ни манн.

Колыбельная песенка обречена

В эту ночь говорить о любви.

Башня Рован

Активизация военных действий на «Фреки» первым долгом выразилось в том, что в жилых помещениях стало тихо. Насчет других служб Натали было неизвестно, а вот пилоты разом прекратили шумные настольные игры и пение под гитару. И бодрый многоголосый гогот, извечный дамский бич, тоже как будто выключили разом. При трехсменном сосуществовании одна смена всегда спит, а помешать измотанным людям восстановить силы считалось первостатейным свинством. Потому бодрствующий люд ступал мягко и говорил вполголоса, а ежели кто забывался – на него шикали в первую очередь свои.

Таким образом, тишина в жилом отсеке у Шельм стояла почти гробовая, свет был погашен, и только по контуру раздвижной двери пробивался желтый коридорный свет.

Сна ни в одном глазу. Что называется – накрыло. Ни на боку, ни на спине не было Натали покоя, пульс частил и отдавался в висках и сердце. Вот вроде бы нашла подходящую позу, скрестив руки на груди и подтянув колени к подбородку, ан тут же в подреберье всхлипнуло и перехватило дыхание спазмом. И подушка плоская. Неудобно.

Острый приступ жалости к себе, который лучше всего переживать, накрывшись с головой одеялом. Но для этого тут слишком душно. Слишком много народу дышат за переборкой.

Натали села рывком, обнаружив, что прижимает подушку к груди. Невозможно, невозможно, невозможно... Слишком живо было то, что по уму следовало похоронить раз и навсегда. Именно сейчас, стоило закрыть глаза – и воображение накатывало на нее с осязаемой телесностью, обрамленной пламенем свечей, звоном фужеров, ароматом вина, свежестью мокрых ветвей.

Полоса света стала шире, в щель протиснулась Мэри-Лиис, босая и сытая на вид.

– Все еще – принцип выживания?

– Нет, милочка... физиология здоровой женщины: меня, сказать по правде, в жизни так не обожали.

Выдохнув с присвистом и всхлипом, Натали соскользнула со своей верхней койки, доля секунды потребовалась ей, чтобы застегнуться в комбинезон, а ботинки даже и разыскивать не стала.

– Ты куда это намылилась?

– Не туда же, – отрезала Натали, задвигая за собой дверь.

Неделю назад ей было бы, пожалуй, трудно решить, вперед ей по этому безликому коридору или назад. Сейчас всю дорогу до ангара пролетела не задумываясь, словно на автопилоте. Механики работающей смены поглядели на нее мало что странно, она не увидела их вовсе. Она, кажется, даже дышать забыла, пока не оказалась в кокпите и не опустила над собою блистер. Весь мир остался там, снаружи, и может провалиться в тартарары.

– Ты здесь?

– Куда ж я денусь?

Стандартный ложемент рассчитан на крупного мужчину: поерзав, можно угнездиться в нем боком, виском на спинке, и даже ноги подтянуть, а полу компенсатора набросить поверх: и шелковиста-то она, как кожа, и упруга, словно мужская рука, обнимающая за плечи.

Так просто. Так много.

- Что ж сразу-то не сказал?

- А что б сказал? Здравствуй, вот он я? Нравлюсь?

- Ну, - Натали приоткрыла один глаз, - прежде ты тоже был очень даже... ничего. Но сейчас... ты так хорош, просто нет слов.

Тут выдержка ей изменила, пришлось на несколько секунд уткнуться носом в полотно компенсатора.

- Жизнь бы сменял на час в мужском теле, - буркнул Назгул. - В здоровом. Все равно в чьем... Милая, у меня ничего не осталось для тебя. Ну, пожалуйста, не плачь. Представляешь, что напридумывают про нас механики?

- В мусор твоих механиков. Не мешай.

- Ладно, как скажешь. В мусор - так в мусор.

- Ты меня видишь?

- Угу.

- А... как?

- Короткая стрижка тебе идет.

- А красный нос, очевидно, нет. А как ты меня... чувствуешь?

- Ну... - Назгул, очевидно, смешался. - Я, эээ... фиксирую изменения температуры, влажности, пульса. Я - прибор.

- Я люблю тебя.

- Я чувствую тебя всю.

- И, скажем, вот так? - Натали запрокинула руки за голову и, осторожно, но вполне осознанно провела ладонями по внутренней поверхности блистера. - Каково это? Ну?

В наушниках явно выдохнули сквозь стиснутые зубы. Хоть плачь, хоть смейся, но... бог ты мой, доколе ж можно плакать?

- Я, признаться, уже и думать себе запретил о любящем прикосновении. Убедил себя до полного морального износа довольствоваться механиками... с отвертками... ну в лучшем случае - со смазочным шлангом. И поощрительным похлопыванием по броне.

- Не нравится тебе, когда хлопают?

- Ууу... не переносу амикошонства! Обзавелся комплексом с некоторых пор.

- Буду знать.

Натали, не открывая глаз, нашарила винт регулировки и максимально отклонила спинку назад,

закинула руки за голову, приняв расслабленную позу.

– Это единственное место, где мне хочется быть. Поговоришь со мной?

– Я хорошо знаю это кресло, – заметил Назгул. – Больше трех часов в нем пролежать трудно, поверь мне. Было дело, мы не вылезали из кокпитов сутками. Если есть возможность отдохнуть – тебе стоит отдохнуть.

– Угу, – Натали потянула вниз «язычок» молнии. Наушники прошептали: «Вау!», и она затрепетала вся от прорезавшихся в голосе Назгула низких бархатных нот. Таких знакомых, таких мучительно близких, осязаемых, как прикосновение, что сама собою выгнулась спина.

– Весь мир там, снаружи, не даст мне большего, Рубен.

– Я буду добиваться, чтобы тебя отсюда убрали.

– Ты... – она приподнялась на локте, мысленно сплюнув от досады. Бессмысленный жест, продиктованный единственно желанием заглянуть в глаза. – Даже и не думай. Зачем?!

– Это не место для женщины, во-первых. И это тем более не место для моей женщины.

– Спасибо, конечно... Но смысла в этом нет. Ты им внушаешь, скажем так... опасения. Они расценивают меня как элемент контроля.

– Как фактор жесткого шантажа! – взвился Назгул. – Что, они думают, ты можешь меня блокировать?

– Уже нет. Впрочем, даже если ты своего добьешься, это не значит, что меня спишут вниз. Пересадят на другую машину, только и всего. Мы ничего не можем тут изменить. Прошу тебя, не думай об этом сейчас. Ну... почему ты молчишь?

– Веду оживленный диалог с самим собой. Убеждаю, что во мне нет ни единой органической молекулы.

– Убедил?

– Неа. А вот скажите-ка мне, леди, на какой такой случай людьми придумано словечко «извращение»?

* * *

Как я с ней на вираже,

в штопоре и неглиже...

Олег Ладыженский, специально для нас

Перенос военных действий во «внутренний пояс» имел и некий положительный результат, который стал явным только тогда, когда отчитались флотские аналитики. Уроды больше не осмеливались рисковать крупными кораблями класса АВ. То ли у них и впрямь немного было кораблей-маток, то ли на них концентрировалась их тыловая и производственная жизнь. В последний раз атака была совершена с помощью крейсеров, способных перевозить с собой не более одной эскадрильи. Это позволило захватчикам нанести по «железному щиту» Зиглинды

несколько чувствительных ударов на большой площади. Однако компьютерное моделирование траекторий нападавших, от пунктов выхода из гиперпространства до места, где их встречали имперские ВКС, позволило выделить некие ключевые точки, и сейчас все вычислительные мощности флота были задействованы для расчета координат базирования противника.

Космическую войну нельзя выиграть на своей территории. А у истребительной авиации появилось еще одно дело: минирование «троп» противника. С точки зрения Натали – легкое и веселое занятие.

Правда, сейчас все ей казалось простым: она чувствовала себя совершенно счастливой. Непродолжительное, но значимость событий редко определяется их длительностью. Знай себе, лети по прямой в черной пустоте, почти не вслушиваясь в переговоры – их есть кому фильтровать – да время от времени по сигналу Лидера отстреливай с пилонов самонаводящиеся мины.

Каждая Тецима несла их две. К точкам подползали тихонько, на баллистической орбите стараясь светиться по минимуму, а потому не включая даже маневровые, и вывешивали сеть, которая оставалась безгласной, пока в поле ее досягаемости не появлялась цель. Маломощные движки на стандартных детекторах почти не отражались. Тогда по внутренней связи рой выбирал главного, и уже тот начинал наводить всех. В случае же сбития вся процедура выборов повторялась: таким образом, парализовать интеллектуальный центр было невозможно.

Назгул, разумеется, не мог летать младшим номером в эскадрилье. Ни один сколько-нибудь разумный комэск не оставил бы его, со всей его потенциальной мощью, ведомым у Джонаса. Смекнув эти обстоятельства, Гросс вышел на Тремонта, тот, пребывая в состоянии непрерывного очумения, выделил: пилота из резерва, и Шельмы стали первой в истории флота эскадрилей, летающей втринадцатером. Место Назгула было сбоку, он сам себя координировал и мог не подчиняться приказам Лидера, если видел иное эффективное решение. Так они с Гроссом между собой договорились. Комэск признал исключительность приданного ему средства безоговорочно. Командовать им невозможно. Командовать ему – немыслимо.

Обнаружилась в феномене Назгула и обратная сторона. Никто теперь не признавал Натали за пилота. Мэри-Лиис и подобные ей, при всех своих анекдотических промахах были теми, кто сам держится за рычаги и жмет гашетку. Натали звалась теперь «девчонка Назгула». Тысячи глаз придирчиво оценивали ее стройные ножки и плоский животик, и всем без исключения было дело: что они там с Назгулом вытворяют, и главное – как?

«Пристрелите меня, я тоже хочу такую на колени!»

Каким-то образом Натали, всегда к таким вещам неприязненно чувствительной, на этот раз было все равно. «Ты не можешь строить свою жизнь вокруг вещи», «боевая техника служит недолго» и даже «здоровой женщине этого недостаточно» звучали в должной мере чопорно, но за ними слышалась ревнивая жадность влюбленного собственника. К тому же вопрос, не слишком ли много позволяет себе Гросс, явно был задан с умыслом. Не слишком, уверила она с тайной усмешкой. На что Назгул, поразмыслив, заметил: мол, Гросс – хороший мужик.

Побывав в первом бою драгоценным грузом, Натали решительно отказалась впредь «читать мантры». И хотя Назгул не изменил своему мнению, что женщине-де тут делать нечего, что пилот только ограничивает его возможности, пришлось ему взять на себя роль инструктора: доучивать всему тому, что Академия сочла лишним для пилота «недельной выучки», заклепки в щите и пушечного мяса. «Правее», «левее», «тут резче», «тверже руку», «педаль от себя до

упора, я сказал – до упора!», «дуга плавнее, еще плавнее, это легче, чем по-прямой», «ну, сама теперь» – и так далее в том же духе. Процесс этот оказался неожиданно захватывающим.

А потом, в стычке, которую Назгул счел неопасной, он доверил ей пострелять.

Прошло, видимо, что-то около десяти минут погони за целью, непрерывно поливаемой плазмой, прежде чем Натали, охнув, догадалась спросить: что, неужто вся эскадрилья имела возможность насладиться ее воплями?

Я отключил, само собой, ухмыльнулся Назгул. И записи не будет. Секреты пульса, забиравшего под сто двадцать, дыханья, пресеченного восторгом на крике: «Я попала, попала, Рубен, Руб...» и прочей интимной телеметрии останутся только в памяти двоих. Где им, собственно, и место.

Потом, разумеется, разгорелось небольшое разбирательство: признайся, ну признайся же, подправил прицел? Да что ты, да ничего подобного, никогда в жизни, как ты могла подумать, ну разве чуточку, зато смотри, сколько радости...

Неужто это все, что нам осталось?

– У кого-нибудь нашлось время подумать, как обратить этот процесс?

– Едва ли, – помолчав, предположил Назгул. – Общественной заинтересованности в этом нет. Это большие деньги. Ну и время, само собой. Научные разработки за пару дней не оформляются. Помнишь анекдот про сферического коня в вакууме? Вот-вот.

– А Федерация? Есть же галактические технологии, кроме местных. Твои отец и мать живы, для клонирования достаточно двух клеток. Или это фантастика?

– Есть вещи, каковые моя мать категорически отрицает.

– Я – не твоя мать.

– Вновь созданное тело имеет душу. Это будет мой брат. Не я.

– Это будет неразвитая сущность, вызревшая за год в питательном растворе. Ни твоего опыта, ни обаяния, ни ума... Возможно, у него не будет даже сознания.

– Ты доверишься в этом вопросе продавцам?

– Я доверюсь кому угодно, если он пообещает вернуть тебя. И заплачу любую цену. Что мне останется, если тебя... отберут?

Назгул в наушниках вздохнул. То есть он, разумеется, не дышал, но вот звуки по привычке издавал адекватные, оставаясь на слух человек-человеком.

– Я здесь, – сказал он. – Я – сейчас. Видит Бог, я постигаю дао.

* * *

Назгул стоял со снятыми капотами, а Фрост колдовал, по локоть погрузив руки в мешанину трубок и микросхем. С некоторых пор Натали мутило при взгляде на них. Должно быть, с тех самых, когда они начали восприниматься ею как внутренности живого существа. Шлемофон был у механика на голове, и тот, казалось, беседовал вполголоса с самим собой. Посторонний

решил бы, что наблюдает очередную фазу безумия, косящего отсеки и палубы «Фреки», однако Натали была уже в самый раз безумна, чтобы сообразить: процесс общения доктора и пациента – в самом разгаре.

Она сделала знак: мол, не беспокойтесь, Фрост помахал ключом, а Назгул осторожно развернулся среди всех протянутых к нему кабелей и ключей, разложенных кругом. Как кот на сервированном столе: вот, кажется, вовсе некуда лапу поставить, а нет же, ни бокала не уронит, пройдя из конца в конец. Словно фуражку приподнял, здороваясь.

– Компенсатор на сколько выставлять? На девяносто ли? Что такое «двести»? Как я переведу это в проценты? Ах, форма речи! Нет, я конечно понимаю, леди...

– Как у нас дела? – Натали подошла вплотную, и Фрост отдал ей шлемофон.

– Как новенький, – отрапортовал механик. – Даже лучше, чем был. Да он и сам скажет.

– Я тебе музыку принесла. У Гросса приемничек-то отыскался, сам вспомнил, хоть и не хотелось ему с игрушкой расставаться.

– Ох, как славно. А Гросс себе найдет еще и запишет. Сейчас сообразим, куда бы это дело воткнуть. Смотри, любовь моя, обживаемся.

– Как ты себя чувствуешь?

Назгул, похоже, пробежался мысленно по узлам конструкции, затем подтвердил:

– Все, кажется, прижилось. Ничего мертвого я не чувствую. У меня были проблемы с движением, знаешь? Я постоянно пытался сдвинуть, скажем, ручку усилием мысли, как если бы в телекинезе упражнялся. А вот когда ты едва не размазала меня по Гроссу, электрический импульс сгенерировался сам собой. Твоя нога не пошевелится, если ты станешь всего только думать о ней. И обратно: имея рефлекс, надо ли о нем думать? Ну и принять себя таким, как есть – тоже дело не последнее.

– И все-таки твоя, скажем так, особенность предполагает не механическую замену одной детали другой, а нечто вроде имплантации. Не обессудь, если я беспокоюсь больше, чем это разумно, – Натали коснулась ладонью непроглядно-черного блистера.

– Поначалу казались чужими, – согласился Назгул. – Мертвыми. Привыкал к ним, как, скажем, к новым зубам. Но, похоже, онирастают в организм. Я уже и не сказал бы: вот это было изначально, а вот это – поставлено позже. Ювелирная работа.

Натали поневоле отвлеклась. Из каморки механика – Фрост по доброте душевной предоставлял угол парочкам, искавшим уединения – вышли двое. Натали узнала комэска Драконов по щеточке рыжих усов, встопорщенных так, словно каждая щетинка получила сию минуту особо важное задание, а с ним была Мэри-Лиис. Пара остановилась, охваченная бурным выяснением отношений. Завершив оное звонкой затрепачкой, женщина умчалась по коридору прочь. Дален проводил ее очумелым взглядом и поплелся следом, прижимая ладонь к пылающей щеке.

На этом авианосце ничегошеньки невозможно скрыть!

– Магне влюблен, – констатировал Назгул. – А не пойти ли и тебе отдохнуть? Я видел график, завтра у нас вылет. Фрост закончит работу, и мы снова будем в игре. Как тебе такая идея?

Идея была здравая, никуда не денешься. Шельмы отдыхали, а график опять сделался напряженным дальше некуда. Правду сказать: не стоило бросаться шансами немного полежать в относительной тишине. Вернув шлемофон ожидающему Фросту, она побрела обратно в жилой отсек на палубе Н.

Легкая улыбка блуждала на ее лице, и по сторонам Натали особенно не смотрела. Свою бы жизнь отдала, чтобы вернуть Руба Эстергази в человеческое – и мужское, что важно! – тело. Парадокс заключался в том, что только это стечение обстоятельств позволило им быть вместе.

Поэтому, когда на голову ей обрушилась плотная душная тьма, а саму ее приложило с размаху о переборку, отозвавшуюся продолжительным гулом, Натали не в ту же секунду поняла, что пришла беда, которую нужно встречать во всеоружии. Оружия, к слову, у нее было – одно колено, но попробуйте им попасть прицельно, с курткой-то на голове.

Прикладывая обо все выступающие углы, ее проволокли шага два, толкнули вбок и, судя по звуку, задвинули дверь... На всех палубах полно было таких пустующих кубриков: эскадрильи несли потери, их объединяли, и сейчас таких темных необитаемых каморок было на «Фреки» до трети от общего числа. И, грубо говоря, любой, кому бы приспичило, мог делать тут что угодно.

Это к вопросу о «где». Второй, занимавший ее вопрос был: «сколько». Нескольким злоумышленникам, вероятно, проще занести ее вовнутрь, чем тащить волоком, тем более, что Натали отнюдь не была покорной жертвой. Рук гипотетическому «ему» явно не хватало. Запишем в «плюс», но... «плюс» этот с лихвой компенсировался возникшим у нее подозрением, будто бы ему все равно, останется ли она жива после.

Плотная ткань форменной куртки почти не пропускала воздух снаружи, и крик о помощи – изнутри: конвульсии, в которых билась жертва, разве что наполовину объяснялись тем, что к ней сунулся не тот и в неподходящее время. Сбросить бы ее. Кажется, от одного этого зависело спасение! И еще – удастся ли удержаться на ногах.

Не удалось. «Молния» на комбинезоне с треском подалась, и, сдернув его до пояса назад, неизвестный умело спутал жертве обе руки. Все у него, видать, продумано. Притом, упав навзничь, Натали придавила их собственным Бесом. Оставалось только неприцельно пинаться, что вряд принесло бы успех, учитывая, что дистанция между ними была, мягко говоря, меньше минимальной, да кататься с боку на бок... Врешь, не возьмешь!

У него, однако, нашлось на этот счет иное мнение. Подкрепленное злобным «ну погоди ж ты, сучка!» и такой затрепиной, что у Натали чуть голову с плеч не сорвало. Глаза, казалось, взорвались внутри черепа, а сопротивление ее приняло беспорядочный, можно сказать животный характер. Футболку он распластал на ней одним рывком и на мгновение замер, сраженный, вероятно, видом совершенно неармейского кружевного лифчика.

И даже пушки Назгула – не подмога.

Психозы на сексуальной почве обычное дело на военном АВ. Мифов, рожденных на этой почве – море: от брома в консервах до «братской любви». В реальности все проще: проблема решается тотальной занятостью личного состава, предельной измотанностью, холодной водой и изолированными кабинками в туалете. Да вот еще памятными всей Зиглинде отпускными загулами «крылатых». Всегда, однако, найдется некий статистический процент, которого особенно заводят тщетные трепыхания жертвы и ее протестующее мычание.

Вдобавок, как девяносто девять процентов мужчин, он был в полтора раза тяжелее.

Кисть правой руки, стиснутая под поясницей, нащупала браслет комм на запястье левой. Крикнуть в него, позвать на помощь было совершенно невозможно. Единственное, на что ее хватило – несколько раз изо всех сил щелкнуть по нему ногтем, в надежде попасть по микрофону. И гадать – понял ли кто. В порыве отчаяния Натали ударила нападавшего лбом в лицо. Мало того, что это оказалось чертовски больно, так и безнаказанным, само собой, не осталось.

Тяжесть вражьего тела исчезла внезапно, рывком, вскрики короткой злой драки и звуки ударов доносились под куртку словно из отдаления, Натали первым делом перевернулась набок, освобождая отлежанные руки и прикрываясь плечом. Не хватало еще, если помощь подоспела ему, а не ей. В таком случае ничего, по существу, не изменится. Несколько секунд ей понадобилось, чтобы распутать рукава, и еще немного, чтобы отдышаться, вынырнув из-под проклятой куртки. Глаза слезились и открываться не спешили. Сквозь щелки удалось рассмотреть метавшуюся меж пустыми пыльными койками драку.

Иоханнесу Вале, примчавшемуся на помощь, приходилось несладко, Натали не успела не только встать с ним единым фронтом, но даже просто встать, да что там – комбинезон натянуть обратно на плечи, как приняв на челюсть сокрушительный удар, защитник с высоким жалобным вскриком отлетел в дальний угол и встать там не смог. Потери насильника свелись только к потере времени.

– Продолжим? – поинтересовался Ланге, командир Синего звена, прекрасно осведомленный насчет ее закольцованного комм и точно так же обязанный бежать ей на выручку, буде придется. – А мальчик поучится, как это бывает у взрослых.

Из всех шоков сегодняшней ночи этот был самым тяжелым. Всклипнув, Натали попыталась прорваться мимо него к двери, выкрикнув в комм имя комэска, но, разумеется, без всякой надежды, и немудрено, что оба они немедленно оказались в прежней позиции: с одной лишь волей к сопротивлению, но на этот раз – безо всяких сил.

К счастью, раздвижные двери жилых отсеков не имеют запоров изнутри. Гросс, ворвавшийся внутрь как торнадо, буквально вздернул своего заместителя в воздух и вмазал того в стену лицом, тот даже руками спружинить не успел. Оторвал от стены – и повторил от души. Потом свалил тут же и только тогда оглядел поле битвы.

– Пульман... застегнись. Что у тебя с... Мать Безумия! Что ты сделал с ее лицом?

Было, пожалуй, большим вопросом, чье лицо выглядит живописнее. Нос у Ланге, по-видимому, был сломан. Но не дух. Кровь текла на подбородок и ниже, заливая комбез, он сплевывал кровью и смотрел снизу, но смотрел прямо.

– Мать твою, как у тебя рука поднялась на пилота? На своего пилота!

– И не только, знаешь ли, рука. Брось, Рейнар, не лукавь, какой из нее пилот. Что она, что та, другая – навynos собой торгуют. Но та хоть не без пользы, своего брата-пилота радует. А эта течет по ржавой железяке на глазах тысяч голодных парней. На хрен кому сдался этот лицемерный цирк?

– Ржавой? Когда это ты видел на Назгуле ржавчину?

– Назгул железный. Зачем ему женщина?

– Начальство говорит – нужна, стало быть, нужна. Через пару часов она сядет в кабину, и он

это увидит. А у него, знаешь ли, имеется перекрестье прицела.

- Для меня это ничего не меняет. А вот для Назгула все может измениться. Он же на испытательном сроке, нет? Много глаз следит, куда направлена его пушка. Скажи-ка, комэск, не блазнится ли тебе, что вот проснулся ты однажды - ан уж и не человек вовсе? Железом-то ты Родине полезнее.

- Под трибунал отдам.

- Отдай. А что мне сделает трибунал? Пошлет на передний край? А я, собственно, где? Расстреляет? Нехай! Оно того стоит. Давай ее напополам, а? После можешь меня сдать, слова о тебе не скажу.

Рейнар Гросс сложил руки на коленях и вздохнул. Держась за стену, в дальнем углу кое-как подскребся по стеночке Вале. По лицу у него текла кровь, челюсть казалась неестественно перекошенной. Знаками он показал командиру, что опасается, будто бы Ланге ее сломал.

- Ну что за чмо ты, Ланге, право слово?

- Я довольно честное чмо, не находишь? К тому же я офицер, пилот, а она? Летающее мясо.

- С таким офицером никакого внешнего врага не надо, - буркнул Гросс. - Видеть тебя не могу. Отправляйся в кубрик, и ни шагу оттуда. После решу, что будем делать. Вале, Пульман - в медпункт. Ногами дойдете?

Первым пустили Вале, и ждали его, сидя в пустынном коридоре на лавочке, рядком. Натали время от времени трогала подушечками пальцев правую половину лица и морщилась. Боль была саднящей, и вскоре она, как перед сплошным забором, оказалась перед единственной мыслью: как она объяснит это Рубену.

- Знаешь, как мы знакомились с Эстергази? - неожиданно спросил Гросс.

Она издала невнятный звук, нечто среднее между «откуда мне знать» и «не очень-то и хотелось». Однако командир как будто не заметил.

- Он мне... ну, словом, сразу не понравился. Я хотел спровоцировать его и набить ему морду. А он набил морду мне. Из тех, за кем никогда не успеваешь.

Вале вышел с несколькими швами, но повеселев. Ему, видимо, поставили анестезию, да и челюсть оказалась не сломана, а вывихнута. Вздохнув, Гросс подтолкнул перед собой Натали, а сам протиснулся следом.

- Господи, Шельма, что ты со своими сделал?

- Тссс... нам бы что-нибудь... быстро, тихо и чтобы не так страшно, а?

Медтехник понимающе кивнул. В мгновение ока на бровь и губу наложили швы, синяки намазали противоотечной мазью, а поверх всего велели держать пластиковый пузырь с охлаждением.

- Это все? Медицинское заключение не нужно? Я имею в виду...

- Да понял я, что ты имеешь в виду, - отмахнулся Гросс. - Мы же вовремя успели, а? Нам и... эээ... записей бы не надо, лады? Пульман, ты ведь... эээ... в норме?

«Ну и норма у меня!» – подумала съязвить Натали, но – передумала. Не до юмора было как-то.

– Хотел бы я посмотреть, как выглядит тот, кто это сделал, – задумчиво молвил техник.

– Чего на него смотреть, – буркнул комэск уже с порога. – Как будто шасси его переехало!

* * *

– Что это?

«Что- что?» Вопрос, если задуматься, глупый, однако Назгулу было плевать. Голос в шлемофоне от бешенства аж осип.

– Какой... – он явственно подавился словом, или же слов не хватило, – это сделал?

– Ничего особенного, – лживым голосом заявила Натали, водружаясь в ложемент. – Время от времени это... ммм... случается.

Самой противно.

– Ну-ка позови мне Гросса, да побыстрей.

– Некогда, – с мстительной досадой возразила она.

Нахлобучила шлем, раздраженно щелкнув застежками. И каждый-то норовит на нее надавить! Черти бы забрали этих мужчин.

– Пульман готова.

– Пульман – пошла!

Назгул в наушниках замолчал и нырнул в шлюз. В кассете он не нуждался. Молчание его подразумевало: «после поговорим!» И разговор этот обещался не самым приятным. Одно утешало: едва ли он будет лаяться с комэском по внутренней связи эскадрильи, всем на радость. Значит, несколько часов есть, а за несколько часов даже праведный гнев у разумного человека волей-неволей становится управляемым. Натали, в сущности, боялась только пальбы. Не в смысле открытия огня, а – выводов начальства, не сводившего с Назгула бдительных глаз, и последствий, если они решат, что сущность неподконтрольна. Поскольку сущность в самом деле была не без греха, следовало держать ее тише воды. Это Гроссу удалось до нее донести.

Стало быть, пока пойдем, летаем.

Летели до точки, молчали, пока Натали не пришла в голову неожиданно ободряющая мысль.

– Может, и нет в этом ничего страшного? Ну, я имею виду – если меня убьют. Я же буду тогда тоже *здесь*? Смерти, как оказалось, нет. Или, ты думаешь, у меня нет шансов? Империя на *меня* размениваться не станет?

Кто знает, что она хотела услышать в ответ... Слов поддержки, может быть. Опухшая синяя сторона лица снова напомнила Натали, как она мала и незначительна, и как холодно и темно кругом, везде, кроме объятий Назгула. Немудрено, что однажды ей захотелось навсегда тут остаться.

– И как мы разберем, где чей стабилизатор?

Девушка невольно рассмеялась.

- Близость, эээ... доведенная до абсурда, – добавил Назгул. – Едва ли я о такой мечтал.

- Это у тебя страх продолжительных контактов, – поддела его Натали.

- Продолжительных? Милая, металлопласт кажется тебе вечным? Ты знаешь, каков срок военной машины? Не глупи. Моя вечность... с твоим спящим сознанием на руках. Моя психика этого не выдержит.

- Пульман, Назгул, разрешите вам помешать, – вклинился в разговор Лидер. – Мы на месте. Сбрасывайте.

Мины, несомые Назгулом, должны были стать опорной точкой «сот». «Почему так?» – спросили звеньевые. «Потому что у него мозги лучше, – отрезал Гросс. – Гигабайтов больше».

Сложность постановки мин в том, что отстреленный с пилонов груз, обладающий массой и инерцией носителя, обязан зависнуть неподвижно в определенной точке пространства. Импульс пневматического толкателя проходит через центр тяжести «связки»: иначе нельзя, иначе обоих закрутит. Тециме, в принципе, ничего страшного – выровняться короткими вспышками маневровых – плевое дело, но вспышек быть не должно. Вспышки демаскируют. Только они, собственно, и видны детекторам, когда в их поле попадает маленькая, зеркально-черная, инфракрасно невидимая «птичка». Если же «птичка» летит по инерции, шансов заметить ее практически нет.

Сотрясение корпуса и ощутимый удар сзади, нанесенный третьим Ньютоновым законом, сообщили ей, что мины пошли.

- Уф, – сказал Назгул, – две свои массы на себе. Зато и скорость увеличилась втрое.

Теперь отойти от точки постановки настолько, чтобы, казалось, и духу в этом районе их никогда не было, и – на базу. В душ и отдыхать. Рутинный полет, рутинная работа.

- Что за... черт? Назгул – Лидеру, Гросси, оглянись! Да в задницу локаторы, тебе и глаз хватит.

Натали тоже стремительно обернулась. Позади уходящих Шельм вспыхнуло созвездие красных огней. Похожих на созвездие, на россыпь раскаленных углей или глаза демонов, пустившихся в погоню.

Минное поле активизировалось, не успели Тецимы и на две минуты отойти. Не повезло.

- Разворот, – просипел из динамика Лидер. – Всем – молчать, и чтоб ни единый двигун не полыхнул...

Крупная цель, очевидно, надвигалась на них из темноты. Крейсер, не меньше. На меньшую не реагируют детекторы мин. Очень мало одной эскадрильи на целый крейсер. Это даже Натали ясно.

- Почему мы не уходим? – спросила шепотом.

- Гросс дает минам шанс, – также приглушенно ответил в наушниках Назгул. – А там посмотрим, сколько работы они нам оставят. Занимай место в партере.

Был у Натали никчемный период в жизни, когда ее хватало лишь на рыдания да на то, чтобы

не свернуть с тропки на обманчивый огонек легкой жизни. Был – и кончился, и обнаружилось, что у нее достаточно терпения, воли и ума, чтобы доверять мужчинам, которые знают, что делать.

Представление удалось на славу, редко кому удавалось видеть своими глазами, как работают мины. Обычно те, кто их оставлял, не имели никакого касательства к их дальнейшей судьбе. Несколько ослепительных цветов распустились в вакууме, и цель открыла беспорядочный ответный огонь. Назгул только хмыкнул, наблюдая трассы плазмы, направленные туда, где Шельм не было и в помине. Потом на короткий миг в туше крейсера распахнулись ангарные ворота, ярко освещенные изнутри, и оттуда посыпались истребители *уродов*. Погрузочными кассетами они не пользовались, и Натали почувствовала молчаливое внимание Назгула к этому моменту. Два плотных строя.

– Наше время пришло, – сказал Назгул.

И в этот же момент Гросс вдохновенно завопил:

– Лидер – всем. Делаем «клевер», Синие и Серые – берут первых, Красные и Назгул – остальных. Крейсер предоставим минам. Пошли!

Клин Шельм, как раскаленный, прошел вражескую шеренгу, два первых названных звена разделились и впились первому вражескому строю во фланги, а Назгул и Красные прошли их инверсионным следом чуть дальше, на вторых, не позволяя тем поддержать первых.

С противником, превосходящим по численности, сражаться не впервой, а у Шельм было преимущество нападения с нескольких сторон.

Кратковременная вспышка огненного безумия, в котором Натали была только зрителем. Отнюдь не безучастным, потому что ни возбуждение, ни страх не умерли в ней и жестокой болью отозвались на крик мальчишки-отличника Уинда: «Первый, меня подбили!» – и на нечленораздельный рев Гросса, оставшегося с открытой спиной. В то же время она ни одной секунды не мечтала оказаться где-либо еще.

Вспышка, гул корпуса в ответ на выброс сгустка плазмы – непрерывный, потому что Назгул лил ее сплошным потоком. Пораженная цель освещалась, как будто каждая частичка корпуса сделалась источником собственного света, потом оказывалось, что это уже не цель, а только искрящееся облако, сохраняющее ее форму, и сквозь это облако они проносились с Назгулом, как сквозь бесплотную тень. В сущности, оно ведь и было бесплотной тенью. Одним только паром.

Шельмам удалось расколоть строй противника, но сделав это, они утратили и преимущество. Тех все-таки было больше. В «карусели», где каждый бьется сам-один, численность врага становится решающим фактором. Хуже нет биться, когда зеленые и красные точки на твоём радаре вперемешку и так плотно, что плазменный сгусток накрывает и того, и другого.

Назгулу, впрочем, вполне удавались прицельные снайперские выстрелы.

– Я вызвал подкрепление, – сказал Гросс. – Они разберутся с крейсером, а мы отходим. Все – назад.

Потом... потом ничего не было. Очнувшись в темноте и пустоте, в неудобно вздутом скафандре, Натали припомнила сотрясший корпус удар. А может, про удар ей рассказала сильная ломота в спине и шее. Была ли она прежде, вспомнить не удалось. Эфир молчал.

Мы не встретим свирель у порога зари,

И волынщику врат рассвета сыграет не нам...

Башня Рован

Молчание эфира напугало ее сильнее всего. Всегда, сколько помнила Натали, кто-то шутил и переругивался на волне эскадрильи, в бою же вообще стоял сплошной ор и мат, причем, как шум нормально работающего мотора – незамечаемый, и вдруг весь этот дикий крик исчез. Протянула руку ощупать блистер – и не нашла блистера. Только острые осколки кругом. На приборной панели не светило ни лампочки. Справа на ней выплавлена дыра. Красиво.

Одна. Потерялась.

– Рубен, ты жив?

Молчание. Бестактная идиотка.

– Ты здесь? Рубен! – взвизгнула она, в единый миг утратив самое главное – контроль над собой.

– Зд... есссь, – шелестящий голос в шлемофоне был далеким, а главное – совершенно чужим.

– Что с нами случилось? – Еще и рта не закрыв, Натали сообразила, что вопрос неуместен и надо бы задать другой, на предмет «что делать».

– Сам дурак, – раздраженно ответил он. – Влетел под дружеский огонь. Увлёкся, забыл, что реакция у «нормальных» не от скорости перемещения электрона в цепи зависит. Я б вывернулся, правду сказать, но перегрузка была бы несовместима с жизнью. Прости.

– Дружеский огонь? – Натали была ошелоmlена. – Кто?

– Да какая разница? Кто-то из Синих. Сейчас это консервной обертки не стоит. Слушай и запоминай...

– Что у тебя с голосом?

– А... больно мне, – просто признался Назгул. – Я последние силы трачу, ворочая зернышки под мембраной.

– Эээ... может?...

– Нет, сейчас это важнее всего. Слушай и запоминай. От этого твоя жизнь зависит.

– А твоя?

– Не перебивай. Твой скаф с перепугу перешел в автономный режим, воздуха в нем на шесть часов, не больше. Подключи его обратно к системе регенерации, она цела. Ты пилот и у тебя есть машина. Правильно рассчитав силы и направление, и рационально управляя, ты доберешься до «Фреки». Приготовься провести в кабине несколько суток. Еды и воды у тебя нет. Скажи себе, что ты в них не нуждаешься.

- Что у нас сломалось?

- Бортовой компьютер разбит. Поэтому молчит рация и не работает радар. И пеленг я не могу взять. Потому-то нас и потеряли. Молчим и летим по инерции, Все системы, где не задействовано электричество, должны быть в норме... Нет, стоооой!

Натали поспешно убрала руку с управления ходовыми.

- Только не это! - Назгул в наушниках перевел дыхание. - Тут у нас... словом, особенно плохо. Долго объяснять, да и незачем. Даже и не касайся их. Все импульсы - только маневровыми. Координат я тебе сейчас, сама понимаешь, рассчитать не могу. Однако у нас есть естественный ориентир. Догадалась?

- Зиглинда?

- Умница. «Фреки» ходит по стационарной орбите. В перпендикулярной плоскости вращается «Гери». Внутри до черта спутников, где нам могут оказать помощь. В сущности, нас устроит даже простой беспилотный маяк. С него можно снять аккумулятор и установить связь.

Натали никогда в жизни не поймала бы сама нужную волну, не говоря уж о том, что и аккумулятор не узнала бы, глядя на него в упор, но тем не менее беспокойство ее улетучивалось. Она даже вспомнила, что Зиглинда была по правому борту, когда Шельмы шли на «посев».

- И самое главное, - сказал Назгул. По тону его Натали догадалась, что главное - оно же будет и последним в списке инструкций на сегодня. - Твое отчаяние - твоя смерть. Какую бы ошибку ты ни сделала, она поправима. Кроме этой. Шанс есть всегда. Заметить и вытащить тебя могут, даже если ты потеряешь сознание. Вооруженные Силы давно уже отказались от практики фаст-барбитала в бортовой аптечке, цианида в зубе и ритуального кортика па предплечье. Обещай мне.

- Обещаю. Что насчет плена, Рубен?

- Мы не знаем, насколько это плохо, - подумав, отозвался Назгул. - Стало быть, раньше времени и сокрушаться не будем. На крайняк, я - уникальная модель, и без тебя не летаю. Не думай об этом.

Было холодно. Обычно уж на что-что, а на холод-то пилоты не жалуются. Но системы обогрева кабины - электрические, а стало быть - их все равно что нет. Правда, скафандр защищает от кельвиновых температур, но, как оказалось - не от нервного озноба. Легко сказать: не впадай в отчаяние! Оно, отчаяние, плещется вокруг, захлестывая кабину, и воды его черны. Все часы слились в единый час, все действия - в монотонные покачивания ручкой. Рубен велел ей двигаться галсами, отсчитывая время прямолинейного полета с помощью пульса. И замолчал, словно в кому впал. Иногда желание позвать его становилось почти нестерпимым.

Больше всего Натали боялась сойти с ума, а потому вбила в свое сознание некий Большой Серебряный Гвоздь, вокруг которого вращалась Вселенная. Гвоздем этим был Назгул. Никто, кроме нее, неумелой и, в сущности, глупой, не спасет его.

Космос, где, как помнилось ей, некуда было плюнуть, чтобы не попасть во врага или в друга, был издевательски пуст. Физиологические желания не давали себя знать. Через несколько часов осталась только усталость. Через сутки сознание начало мерцать. Хуже всего - зигзаги стали неровными, а это бог весть к чему могло привести. Безгласно улететь в далекий космос

или, чего доброго, попасть в цепкие лапы притяжения планеты и в ее атмосферные слои. Сгоришь – и пикнуть не успеешь. А то и собственные АКИ примут безгласный истребитель за рвущегося к цели врага.

Потому Натали по собственной инициативе решила выпрямить курс и довериться инерции. Вывезет астрономическая кривая, так вывезет, а своих сил держать глаза открытыми больше нет у нее.

Так и Зиглинда летела во тьме, ожидая чуда.

* * *

Пришла в себя она только под яркой лампой, свет ее мучительно резал глаза сквозь сомкнутые веки. Не открывая глаз, лениво поразмыслила на предмет света того и этого. Мышцы болели, по коже проносились холодные вихорьки с мурашками. На предплечьях и запястьях ощущались тугие повязки. Это Натали не понравилось, кулаки непроизвольно сжались. Глаза она открывала понемногу, осматриваясь сквозь ресницы: чтоб не ослепнуть от долгой тьмы.

Руку к лицу поднять удалось: эластичные бинты фиксировали иглы капельниц, насыщавших кровь глюкозой и чем-то, вероятно, еще. Стены – пластик, замазанный доверху белой краской – выглядели совсем по-домашнему. Лежать бы да лежать, пока звонки не звенят, да не нужно бежать сломя голову, чтобы вновь оказаться в холодной пустоте, пронизанной трассами плазмы, но беспокойство пульсировало в груди и висках, и от ударов его сотрясалось все тело.

Всего и тела – пригоршня тонких косточек, обтянутых бледной кожей, на которой проклятый этот больничный свет выявляет каждый волосок кровеносный. Не груди своей стесняешься перед флотскими медиками – отсутствия груди, беспомощности ключиц, реберный свод выпирает, как надбровные дуги. Натали сильно похудела за несколько недель: скафандр выпаривает влагу как не всякая сауна, вдобавок, хочешь – не хочешь, пилоты приучаются пить реже, дабы не испытывать при перегрузках вполне конкретных неудобств.

Комбинезона на ней не было, скафандра, само собой – тоже. Вообще ничего не было. Спасибо, простынку дали.

Комната затемнилась на миг, словно туча надвинулась. Тучей оказался запыхавшийся комэск. Гросс ворвался в медотсек не переводя дыхания: видать, бежал. Натали невольно потянула простыню к подбородку.

– Тебя уже в список потерь занесли, – сказал он, цепляя ногой табурет для себя. – Двое суток ни слуху, ни духу. Патруль тебя нашел. Спасибо – не расстреляли. Идешь без сигнала, на позывные не отвечаешь. Движешься прямолинейно и равномерно. На то и купились, правду сказать. Сейчас целая Тецима, в которой пилота убили – на вес платины идет.

– Пилота... убили?

– Соку хочешь?

Машинально она взяла из его рук тубу, но вкуса не почувствовала.

– Что с машиной?

– Машина в ангаре, где ей и место. Геннеберг доложит повреждения.

- Доложит? Или уже доложил?! Сколько я тут...

- Лежи, доктор велел!

Натали по-пилотски послала отсутствующего доктора и потребовала комбинезон.

- Иначе ведь так пойду!

- Куда собралась, ты к системам подключена!

Зря напомнил. Вырвала иглы из вен, не поморщившись.

- Слово Геннеберга там последнее! Забыл, что такое Назгул?

- Назгул? Кусок искореженного металлопласта, если хочешь знать.

- Есть вещи, которых я знать не хочу, - рявкнула Натали в лицо начальству, вытолкав оное за дверь. Одной рукой толкала, потому что другой держала на себе простыню. - И есть те, которые одна только я и знаю, вот что! - добавила она «в лицо» закрытой двери.

Вероятно, в простыне-то и крылся секрет успешности ее атаки. Гросс, похоже, трусил, что леди пустит в ход обе руки.

Если и было у Натали желание как следует потряхнуть инженера эскадрильи за лацканы, пришлось с ним проститься. Геннеберг сделал уже свой доклад и, помаргивая, ожидал вердикта начальства, исполнять который тоже назначат механикам Шельм. Рядом с ним мялся Фрост Ларсен. Старшим по званию был тут Тремонт, которому жуть как хотелось переложить решение на чьи-то плечи. А еще - эсбэшник, как же без него. Его Натали больше других боялась, потому что адмирал Эреншельд, царь и бог «Фреки», в назгульких делах внимал ему, как младшему злокозненному богу, у коего и великие просят совета, стоя на скользкой тропе.

Все собрались в ангаре, в кают-компании механиков, откуда Назгул, выставленный в отдельный, очерченный желтым квадрат, был виден через прозрачное окно, а Фрост ерзал, словно ему не терпелось заняться делом, в котором он понимал. Все молчали, рассматривая вторгшегося на заседание пилота. Вообще говоря, в присутствии пилота не было бы ничего странного, если бы... Да если бы все здесь не было настолько странно, что даже странность пилота уже решающей роли не играла.

- Что с ним? - шепотом спросила Натали у инженера.

Тот растерялся. Деку считывателя он вертел в руках, и было ясно, что он только что закончил весьма обстоятельный технический доклад, и никого здесь не устраивало выслушать его вторично. Тем более, с комментариями в духе «для женщин и дураков поясняю».

- Когда обычная машина получает такие повреждения, ее списывают, - сказал лейтенант нервным шепотом. - Потому что ремонтировать ее бессмысленно. Там надо менять... все! Топливопровод искорежен, двигатели вывернуты чуть не наизнанку, реактор... это не реактор.

- Это больше, чем машина.

- Может быть. Но различия не в моей компетенции.

«К счастью», - так это прозвучало.

- Это больше, чем человек.

- Не городите ерунды, леди, - взорвался командир летной части. - Что до меня, меня мутит от деклараций в любой форме. Я бы почку отдал, чтобы вернуть в строй Эстергази... в любой из его ипостасей. Повреждения, полученные им, несовместимы с жизнью... Тьфу! Сьер Лецински, - это к офицеру СБ, - могли бы вы объяснить это леди доходчиво и вместе с тем в правильной терминологии?

- Аналогия, уважаемая леди, такова, будто человек получил разрывную пулю в живот. Один или несколько поврежденных органов - даже сердце! - можно вырастить из собственных тканей, временно заменив его искусственным устройством, но не все сразу, как оно получилось в нашем случае. Включая мозг и нервную систему. Испытания, - он посмотрел на кончик собственного носа, очевидно, мысленно обращаясь уже не к присутствующим, а пробуя на вкус рапорт в высшие инстанции, - признаны успешными. Можно рекомендовать высшему командованию развивать проект.

- И вы со спокойной совестью отправите его на помойку?

- На помойку, милочка, - у Гросса в ответ на эту «милочку» родился утробный протестующий рык, - в нынешних условиях не попадет ни единая имперская гайка. Не хватало еще, чтобы противник нашел ей применение. Нет. Из уважения к заслугам офицера и его беспримерному героизму, я предлагаю... ну, почетные похороны, что ли. Вывести его в вакуум и разнести на молекулы прицельным залпом. Как «Фермопилы». И вот еще что, Вы отдаете себе отчет, что война рано или поздно кончится? Назгул останется собственностью Вооруженных Сил, а через них - Империи. Вы стараетесь не для себя, вы это понимаете.

Натали никогда не нравилось, как смотрят на нее функционеры вроде этого. «Нелепый, вынужденный симбиоз, - говорят они. - К чему мы придем, развивая идею? К семейным авианосцам, к малолетним сыновьям в кабинах машин-Назгулов?» Они, собственно, и вовсе не ждут, чтобы она рот разевала. Л лично ее страстность и вообще-то входит в противоречие с показной имперской чопорностью.

- Мне кажется, вы не понимаете одной вещи, - Натали долго собиралась с силами озвучить эту мысль. - Вы говорите о Назгуле либо как о человеке, либо как о машине. Вы все время опираетесь на анатомические эквиваленты: мозг, нервы, пищеварительная система... В то время как он есть нечто большее, чем арифметическая сумма того и другого, и нечто совершенно новое. Поверьте, мне привыкнуть к этому было труднее, чем любому из вас. Вы ничем не рискуете, просто продолжив эксперимент. Замените все эти... узлы. Неужели противник может найти Назгулу применение, в котором отказали ему вы?

- И что мы получим? Устройство, в котором меньше Назгула, чем мертвой фабричной штамповки? Смысл проекта изначально был в замене одной совершенной функциональной сущности - другой, столь же совершенной. Целостной. Целого человека отобразили в целую машину. Это, в конце концов, вопрос философской категории. Изуродованная машина - калек.

- Вы никогда не узнаете наверняка, если не попробуете. Мелкий текущий ремонт ему уже делали. В сущности, откуда бы там взяться отторжению?

- Одно дело зуб вставить, другое - имплантировать желудок и ногу пришить.

- Сверхурочно, - сказал вдруг Фрост, его даже не поняли в первый момент. Голос его не должен был тут звучать. - Я приму истребитель, какой скажете, а с этим могу и сверхурочно. В авральном режиме.

- Там такие узлы полетели, что только в сборке приходят, - хмуро заметил инженер. - Только разве с нового снимать... Так снимать?

И покосился на Тремонта.

* * *

- Кто я, Гамлинг?

П. Джексон, «Властелин колец»

Империя выстроилась на причале для встречи высокого гостя. То, что от нее осталось, то, что, собственно, и составляло Империю. Ничего более имперского, чем флот, у Империи более нет, но едва ли флот это осознает. Ну ничего, время придет - осознает.

Войти в историю человеком, потерявшим Империю. Осознать это и пойти на это. Можно попытаться оправдать себя тем, что альтернативы нет, но это не так. Героическая гибель планеты в ореоле плазмы и славы. Генералитет старой закалки требовал от своего императора негибимой стойкости. Любой ценой. Коленопреклоненные мольбы, демонстративные отставки, несколько ритуальных самоубийств.

Каждый стоит на своем рубеже.

Цена имиджа Империи - ее генофонд. Так было всегда. Но сколько можно? Никто за тебя не определит цену, которую ты не станешь платить.

Нас убили не *уроды*. Империю уничтожил широковежательный спутник. Теперь можно сказать: он мне сразу не понравился. Денно и ночью рассказывал он подданным о порочности династического строя и непристойности общественного разделения. Пастырскими методами разъяснял быдлу его непреходящую индивидуальную ценность. Общеобразовательные программы знакомили с принципами демократической республики и выборного правления. Слова «референдум», «независимая пресса», «акционирование» звучали в программах чаще, чем «рагнарек».

Нельзя воевать на два фронта. Нельзя предоставить независимость собственным тыловым базам.

Но каждый ведет свой единственный бой.

Мы собственными руками отняли у себя планету. Неужели мы не видели, что происходит?

Едва ли.

Мы не уступили силе. Мы продали все для того, чтобы и дальше летел в пустоте этот шарик, весь в густых облаках. Для миллиарда людей почти ничего не изменится. Да и, в конце концов, пора уже разучиться обращать к себе это жлобское «вы». Сколь ни стискивай кулаки - да и челюсти тоже - трепещет что-то внутри: свобода, свобода, свобода. Для тебя. Наконец-то. И право ею распорядиться. Народ сделал свой выбор. Так ему и надо.

Причал бесконечен и, сколько видит глаз, заполнен людьми. Впереди группа командного состава, вице-адмирал, припадая на трость, выходит навстречу, склоняет в поклоне голову. Высокий, расшитый золотом воротник мундира врежется в багровые щеки.

- Сир Император!

Кирилл, сошедший на причал в черной форме имперского пилота, протягивает ему правую руку – для пожатия. Затем левую – с бумагами. Эреншельд пробегает глазами документы. Смотрит недоуменно, перечитывает их вновь.

- Императорским приказом, милорд, вы назначаетесь главнокомандующим ВКС Зиглинды, – подтвердил вслух сам Император. – Вы также наделяетесь правом осуществлять высшие властные полномочия, пока там, внизу, не будет создано Временное Правительство, которому вы сможете их передать. Нам нужно продержаться восемнадцать дней до подхода обещанной помощи федератов. Эскадрилью... дадите?

* * *

- Могу я поговорить с тобой?

- Хммм... а у меня есть выбор?

- Теперь – да.

- Ну что ж, залезай.

Народ в ангаре усиленно делал вид, будто занят делом. Кирилл опустил над собой блистер.

- Хорошо выглядишь, – сказал он. – Немыслимо. Не могу себе представить, что всю дорогу я стоял возле этого, и вот оно наконец. В моих руках. И все мы – в твоих, да?

- Ну, все мы – это сильно сказано, я полагаю.

- Отнюдь. Нам нужно продержаться восемнадцать дней. На «Фреки» идет эскадрилья. Такая же. Ну, ты понял. В соответствии с первоисточником, их будет восемь. Догадайся, кого я хочу видеть командиром.

В наушниках сказали еще одно задумчивое «хммм».

- Ребятам надо помочь с адаптацией. Кто справится лучше тебя? Про это не написано книг.

- Немедленная, – сказал Назгул, сладостно растягивая слова, – демобилизация для моего пилота. Иначе я и разговаривать не буду.

- Это шантаж?

- Нееет. Шантаж – это когда она сидит вот тут, и ничего не может, и ты – вон из шкуры, кровь из носу. И никуда не денешься. Так что давай, вперед, пока адмирал не привык еще тебе приказывать. К чести его – он всегда хотел отправить вниз всю их команду.

- А что думает по этому поводу твой... твоя пилот?

- Это единственный вопрос, в котором ее голос не имеет никакого значения.

- Я говорил с ней. Она против. До поросычьего визга. Счастливцев. К слову, а ты уверен, что человеком ты ей нравился больше?

- Угу. Счастливцев. И у тебя язык поворачивается, да?

- Она, кстати, очень красива.
- Только попробуй подойди к ней...
- Обязательно попробую. Постараюсь успеть прежде, чем она заставит галактическую науку вернуть тебе человеческий облик. У тебя всегда было все самое лучшее.
- Это возможно? Я про...
- А кто его знает? Кто бы сказал, что возможно вот это? Ну, может, не сразу, с промежуточной фазой, через, скажем, ката... Тоже хорошо, поместишься на коленях.
- Ваше Величество, вы сукин сын.
- Не представляешь, сколько народу воспользовалось возможностью сказать мне это до тебя.
- И еще один момент. Обращаюсь к вам, как к государю и сюзерену...
- Это в прошлом.
- Неважно. Эстергази должны услышать это из твоих уст, и ничьих иных. Я люблю эту женщину и желаю дать ей свое имя. И ключ от ячейки в генетическом банке. Не думаю, что мои устоят против такой возможности...
- Опаньки. Интересный же статус будет у этого брака! Как ты, к примеру, собираешься на церемонии присутствовать?
- ...с ее доброго согласия. Ее уже достаточно принуждали.
- Будь я при полномочиях, - ухмыльнулся Кирилл, - сказал бы, что в нынешних обстоятельствах размножение для Эстергази есть священный патриотический долг. Почему мы никогда даже не заикались о клонировании? И, кстати, почему ты ее саму не спросишь?
- Фигу, - усмехнулся Назгул. - Я трушу.

* * *

Эта огромная квартира состояла, кажется, из одних косяков. Натали все время приходилось поворачивать, и за каждым углом открывалась новая комната, впрочем, как две капли воды похожая на другие. Особенно - грудой упакованных вещей, всех привычных предметов обстановки и декора, без которых семья, обремененная традицией, не мыслит себе уюта и без которых любое обиталище кажется им временным. Натали оставалось только вовремя уступать дорогу грузовым платформам и дроидам, что при них, да следить, чтобы не наступить ненароком на щенков-бассетов, кувывркающихся и под ногами.

Из окон открывался вид на облачную равнину, серую снизу, а отсюда, с высоты - озаренную розовыми лучами, подобно волшебным холмам.

Она все еще находилась в некотором ошеломлении. Судьба в очередной раз совершила крутой поворот. Князя Эстергази стали частными лицами.

Мужчины семьи, собравшись в гостиной, обсудили ситуацию и решили, что политическую и экономическую нестабильность «элементам старого мира» разумнее пережить в безопасном удалении. Для них опять включился механизм «Большого Страх». Эмиграция - прозвучало

там. Новая Надежда.

Эстергази знают толк в любви. Планет много. Семья одна.

Женщины семьи не возразили ни звуком.

Разумеется, зиглиндианские законы оказались не в состоянии предположить внятный вариант брака человеческой женщины и конструкта, в отношении которого не существовало не только прецедента, но даже определения. Юридически это было оформлено как удочерение, с последующим посещением генетического банка.

Натали Эстергази.

Звучало невероятно. Не более, впрочем, невероятно, чем увидеть воочию, как выносят вперед ногами саму Империю. Империи уходят. Эстергази будут еще. В таких случаях у нас говорят: «Прорвемся». «Сомкните ряды», – говорят.

«Я, разумеется, в курсе, чего желает семья, – сказал доктор, не отрывая глаз от стеклянной трубки. – Им нужен наследник. Но решающее слово принадлежит вам, миледи. Если вы скажете, что хотите дочку...»

Рождение девочек – примета долгого мира. Натали заколебалась было, но воспоминание о давнем счастливом сне перевесило чашу. Она пожелала сына. Покидая банк, Эстергази забрали оттуда все образцы. Никто из «новых» не распорядится ими в своих целях. Мало ли, какую технологию занесут сюда ветры перемен. Генетические материалы превосходно подходят для шантажа.

Бесценного содержимого драгоценный сосуд.

Рубен дал ей столько, сколько Натали и не просила. И не мечтала. Достаток, имя, самоуважение. Если поразмыслить, то и саму жизнь: демобилизация, вытребованная им, означала именно это. Он дал ей семью. Все, кроме права слышать в его голосе бархатные ноты, будучи один на один в космической пустоте. Мы оставили сражаться того, кому... не оставили ничего иного.

Адретт звала ее от дверей, тявкали собачьи дети, арестованные на сворку: флайер, который отвезет их в космопорт, уже ждал. Еще только один взгляд на розовые холмы, пронзенные пиками башен.

Ее зовут Нереида, и там почти ничего нет. Номер двести семьдесят третий в экономическом рейтинге кислородных планет. Только ветры и скалистые острова в океане. Слишком холодно для курортов, а добывать там нечего. Одна только сила стихий.

Через двадцать лет отсюда выйдет лучший пилот Галактики. В этой семье слишком много славы, чтобы надеяться утаить ее от сына.

Я не могу сказать, что все кончилось хорошо, потому что, по существу, ничто и не думало кончаться.

Удобные туфли на низком каблуке, платье, струящееся до самых щиколоток, модный стеганный жакет. Все ослепительно, непрактично белое. И маленькая шапочка из меха на коротко стриженной черноволосой голове.

Ветрено сегодня.

Екатеринбург – Жуковский

15.02.2003 – 31.03.2004

mir-knigi.org